

Международная конференция «Маргиналии-2012: границы культуры и текста», Касимов (Рязанская обл. России)

24-26 августа 2012

Тезисы конференции опубликованы: Международная конференция "Маргиналии-2012: границы культуры и текста", Елец (Липецкой обл. России), 24-26 августа 2012 : тезисы докладов / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Научно-исследовательский вычислительный центр ; редакционная коллегия: М. Ю. Михеев и А. Г. Кравецкий. - Москва : НИВЦ МГУ, 2012. - 96 с.

См.: <http://www.spsl.nsc.ru/FullText/konfe/%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%B3%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B8-2012.pdf>

Предисловие

Тезисы докладов

1. Е.А. Агеева (Москва). Старообрядческая «полоса» Михаила Кузмина (по дневникам писателя 1905-1907)
2. Наталия Азарова (Москва). Стихотворения философов – философский или поэтический текст?
3. Р.С. Баич (Белград, Сербия). Аутобиографија и мемоари игумана једног српског манастира
4. А.Л. Беглов (Москва). Маргинальная община на российской социальной и географической периферии: неформальное монашество и система государственной церковности
5. Б.И. Беленкин (Москва). Страшнее "церковников"... На путях к физическому уничтожению сторонников левых течений в ВКП(б) (1927-38 гг.)
6. А.В. Беляков (Рязань). Инсигнии татарских царей и царевичей в России XV-XVII вв. Взгляд из Москвы
7. Н.П. Берлякова (Пенза). Художественный текст как инструмент исследования исторической эпохи в творческом наследии В.О. Ключевского
8. Ф.Н. Блюхер, С.Л. Гурко (Москва). Интенциональный анализ идеологии
9. Н.Г. Брагина (Москва). Публичная память на постсоветском пространстве: иронические памятники
10. Н.В. Бунтман (Москва). Судьбы сплетенья или текст на ткани
11. М. И. Воронцова (Москва). Посвящение как часть биографии
12. М.В. Головизнин (Москва). К вопросу о происхождении тотемского храмового барокко. Роль восточно-сибирской архитектурной традиции
13. Валерий Гречко (Кобэ, Япония). За гранью слова: невербальные элементы в современной русской поэзии
14. Дооге, Бен В. (Гент, Бельгия). Об одной фантомной публикации «Котлована» А. Платонова
15. С.М. Евграфова (РГГУ, Москва). Стилиевая дифференциация текста и языковая рефлексия пишущего
16. Анна А.Зализняк (Москва). *Продленный призрак бытия*: о некоторых приемах современного женского нарратива
17. Е.В. Зименко (Москва). Стихи к портрету или портрет к стихам?

18. Н.В. Злыднева (Москва). Дневник маргинала: фотоальбом Б.Михайлова «Неоконченная диссертация»
19. Г.В. Зыкова (Москва). Незавершенные и неизданные мемуарные тексты советского времени и проблема искусственного уточнения их жанровой природы при подготовке к изданию
20. Ю. В. Кагарлицкий (Москва). Болезнь как способ бегства из героического нарратива: Замечания по поводу автобиографии Б. И. Куракина
21. О.А. Казакевич (Москва). Семейные истории длиной в столетие (по материалам полевого дневника Г.Н. Прокофьева 1925-26 гг. и современным полевым материалам)
22. Александр Киклевич (Ольштын, Польша). Номинация «BI», или новые приключения *круглого*
23. А.Г. Кравецкий (Москва). Что такое колбаса и можно ли ее есть?
24. Майя Кучерская (Москва). Край света или круг ада: античность у Лескова
25. Томас Лангерак (Гент, Бельгия). Рецепция русской литературы в Нидерландах и Фландрии: Леонард Ноленс
26. М.В. Ленчиненко (Москва). Маргиналии «видимые и невидимые»
27. А.Л. Лифшиц (Москва). «Селим и Дамасина» – рукописный роман для прапорщика
28. свящ. Феодор Людоговский (Москва). Воспоминания В. Д. Маркелова – вторая часть семейной хроники
29. Е.Н. Марасинова (Москва). Новые сведения о восстании декабристов из немецкого архива
30. Т.В. Медведева (Москва). Светские рукописные сборники как феномен провинциальной культуры конца XVIII - первой трети XIX в.
31. М.Ю. Михеев (Москва). Примечания авторские (и издательские) к «Тихому Дону»
32. А.Б. Мороз (Москва). "Севернорусская легенда об олене" и ее византийские источники
33. Нонака Сусуму (Сайтама, Япония). Значение писем читателей для эволюции творчества В. Розанова («В мире неясного и нерешенного» и др.)
34. Иоанна Ожеховска (Ольштын, Польша). Старообрядческие азбуки из коллекции Войновского монастыря
35. Е.С. Островская (Москва). Концептуализация трансгрессии окраины как способ осмысления центра: Русско-японская война 1904-1905 гг. в поэзии 1904-1910 г.
36. монах Пантелеимон (Королев, Москва). Гапаксы в церковнославянских богослужебных книгах
37. Елена Пенская (Москва). «Провокация контекстов» в мемуарных записках Евгении Тур
38. Н. Н. Перцова (Москва). Из литературных воспоминаний семьи Макшеевых
39. А.А. Плетнева (Москва). Былины в лубках: бытование текста на границе устной и письменной традиции
40. С.К. Пожарицкая (Москва). Вариативность и редупликация в системе языковых средств одного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.)
41. Е.А. Потехина (Ольштын, Польша). Старообрядцы за рубежом: мифы и реальность
42. Е.Э. Разлогова (Москва). О вторичной нестандартности высказываний: нарратив и текстовые фигуры
43. А.А. Романова (Кишинев, Молдова). К вопросу о структуре дневникового дискурса: *Дневник* Мирчи Элиаде
44. Ирина Савкина (Тампере, Финляндия). Я, МЫ, ОНИ: социальная грамматика в дневниках молодых людей сталинского времени
45. С.Ю. Семенова (Москва). Детство сознания
46. К.Т. Сергазина (Москва). Круг чтения венецких христоверов XVIII века: расспросные речи игумена Варлаама (Самсонова)

47. Е.Г. Серебрякова (Воронеж). Этика в теории и поведенческой практике шестидесятников
48. С.М. Соловьёв (Москва). Маргиналии Варлама Шаламова на полях писем Натальи Климовой
49. М.В. Сомова, Ю.А. Южакова (Рязань). Еще раз о месте бранной лексики в нашей речи
50. Елена Степанян-Румянцева (Москва). Тема Рождества в творчестве Заболоцкого: ось или кайма?
51. М. В. Строганов (Тверь). Симеон Бекбулатович, или Текстуализация истории
52. Е.Н. Строганова (Тверь). Между Рязанью и Петербургом: провинциальный автор-женщина в эпистолярной Н. Д. Хвошинской
53. Н.Т. Тарумова (Москва). Историко-культурологический аспект неопубликованных мемуаров И.И. Пузанова
54. А.В. Уланова (Москва). История российского земства: Бронницкий уезд
55. Н.А. Фатеева (Москва). Понятие «номадического авторства» и интертекстуальность
56. Л.Л. Федорова (Москва). Об одной маргинальной модели славянских фамилий и прозвищ
57. Роберт Ходель (Гамбург, Германия). Главное и маргинальное – о канонизации современной русской поэзии
58. П.Г. Чистяков (Москва). Дневники М.Ф. Саввина: традиционная культура и формирование атеистического мировоззрения
59. Членова С.Ф. (Москва). Дневник Н.А. Дмитриевой: к проблеме художественности эго-документа
60. И.А. Шаронов (Москва). Функции звукоподражательных слов в тексте
61. Е. Э. Шевченко (Санкт-Петербург). Значение маргинальных записей в монастырских рукописных материалах для истории культуры средневековой Руси
62. Шемякин Я.Г. (Москва). Мыслеобраз границы: социокультурные проекции
63. О.Д. Шемякина (Москва). Традиционная культура и рационалистический дискурс – границы понимания «другого» в дневниках участников археографических экспедиций в Верхокамье 1999-2000гг.
64. А.Д. Шмелев (Москва). Лингвистические мотивы в творчестве Солженицына
65. О.В. Эдельман (Москва). "Ложные воспоминания о Сталине: правдивость, политика, фольклор, лирика"
66. Любовь Юргенсон (Париж). Сталинский террор в дневниковых записях лагерного охранника
67. И.В. Яковлева (Ульяновск). «Письма из ларца», приписываемые Марии Стюарт: конструктивный подход

Предисловие

Международная научная конференция НИВЦ МГУ им.

М.В. Ломоносова, Ин-та русского языка РАН им. В.В. Виноградова, факультета славистики Гентского университета (Бельгия) и Управления по туризму и культуре г. Касимова объединяет интересы филологов, историков, искусствоведов, культурологов, переводчиков, фольклористов, археографов, философов и психологов – как исследователей, так и преподавателей, занимающихся изучением рукописных источников. Она ставит перед собой проблемы изучения периферии русского культурного пространства.

Основным предметом обсуждения на ней является текст на границах художественного – как объект исследования разных гуманитарных дисциплин (текст дневниковый и биографический, дневники, записные книжки, письма, маргиналии, мемуары, эго-нарратив, житие, чужое слово в тексте), а также проблемы подлинности текста и достоверности его источников.

ИЗ ИСТОРИИ ПРОВЕДЕНИЯ МЕРОПРИЯТИЯ

Традиционная, организуемая уже в третий раз по инициативе Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ и института Русского языка РАН международная научная конференция проводится раз в два года. На этот раз она проходит в Касимове, Рязанской области, в конце августа 2012 г. Конференция проводится в небольших провинциальных городах, ставших эпохой в истории русской культуры, она объединяет интересы ученых, изучающих разнообразные тексты, находящиеся на стыке наук и на периферии обычных методов исследования, включая в себя как традиционные, так и самые современные методы, в том числе компьютерные технологии и корпусные исследования. Конференция дает возможность преподавателям вузов, музейным сотрудникам и студентам из городов, где она проводится, общаться с коллегами из разных стран. На прошедших ранее конференциях (в 2008 – Юрьев-Польский Владимирской обл., а в 2010 – Каргополь Архангельской обл.) побывало более 30 иностранных участников.

ОРГКОМИТЕТ

Михеев М.Ю., доктор филологических наук, в.н.с. Лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ (председатель оргкомитета и программного комитета)

Кравецкий А.Г., кандидат филологических наук, с.н.с. Института русского языка РАН (зам. председателя оргкомитета)

Томас Лангерак, доктор филологии, заведующий кафедрой славянских и восточно-европейских исследований Гентского Университета (Бельгия)

Липина В.В., начальник управления по культуре и туризму администрации муниципального образования – городской округ г. Касимов

Перцова Н.Н., доктор филологических наук, в.н.с. Лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ

Разлогова Е.Э., доктор филологических наук, в.н.с. Лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ

Тарумова Н.Т., ведущий специалист НИВЦ МГУ (секретарь оргкомитета)

Уланова А.В., программист I категории НИВЦ МГУ.

Тезисы участников

Е.А. Агеева (Москва)

Старообрядческая «полоса» Михаила Кузмина (по дневникам писателя 1905-1907)

Михаил Кузмин (1872-1936) в к. XIX – нач. XX вв. пережил сложный период глубокого погружения в русскую традиционную культуру и старообрядчество, о котором 10.09.1905 г. в дневнике заметил: «Собственно говоря, спокойнее, счастливее и уютнее всего мне было в мою раскольничье – русскую полосу».^[1]

В то время он носил поддевку, картуз и сапоги, отпустил бороду, придавая внешнему виду важное смысловое значение. Лето проводил в небольших городках, странствовал по Олонецкой губернии, возможно, жил в строгом череповецком скиту Вологодской губернии. О нем ходило множество легенд. Старообрядческих корней поэт не имел, о чем он сам убедительно свидетельствует в дневниковой записи 20 ноября 1906 г. (С.267).

Ведущим исследователем творчества писателя Н.А. Богомоловым высказано ряд наблюдений о годах увлечения старообрядчеством Кузмина^[2]. В то же время относительно малый круг источников, отсутствие достоверных знаний даже о сочувствии тому или иному старообрядческому согласию, не позволяют создать достоверный профессиональный портрет писателя. Да и вряд ли это возможно для поэта Серебряного века. Александр Эткинд называет Кузмина «религиозным искателем», идентификация которого менялась под влиянием внешних обстоятельств^[3]. С этим можно согласиться лишь отчасти. Записи его дневника, дополненные сюжетами эссеистики, духовных стихов, повестей, переписки позволяют говорить, что погружение писателя в старообрядчество было настолько глубоко, познания столь широки, понимание и усвоение традиции всеобъемлюще, что нельзя говорить как о простом увлечении. Кузмин сам отмечал и свой особый склад личности, проявившийся уже в детстве, склонный к четкости, последовательности, углубленности, что созвучно старообрядческому традиционному строю^[4]. Но, конечно, для Кузмина в мире старообрядчества дорого было, прежде всего, искусство: иконопись, церковные книги, о которых он не раз упоминает в записях, а также песни, сказки, хождения, церковное единогласное пение, прикладное искусство. «Вот что вполне может удовлетворить и удовлетворяет естественные художественные потребности нормального человека, не говоря о поэтических сторонах обряда, о природе и непревосходимой красоте церковной службы» – заключает поэт^[5].

Кузмин, глубоко сочувствующий старой вере, исповедует своеобразный «экуменизм». Будучи тесно связанным, как с поповцами, так и с беспоповцами, поэт ходил, видимо, на церковные службы и к тем и другим, а также и в синодальные храмы, что позволяло более тонко понять особенности традиции, но с точки зрения канона недопустимо. Его современники также «допытывались» с кем он молится, предполагали, что Спасова согласия, хотя в Петербурге не было такой моленной. (С.75-76). Сам он восклицает: «Когда же я попаду в единов<ерческую> церкву?» (С.97). Все же судя по упоминаемому Кузминым кругу имен, архиеп.

Иоанна Картушина, Анисима Швецова, в последствии еп. Арсения Уральского, будущего митрополита, писателя еп. Иннокентия Усова, отмеченного в «Крыльях»: «да как же есть и архиереи, светского не чуждающиеся, из ваших же, например, владыка Иннокентий»^[6], поэт был более близок к последователям старообрядческой Белокриницкой иерархии.

Тема Старой веры не оставляет поэта ни в церковной жизни, ни в творчестве, даже если его занимали уже совсем другие идеи. Задумываясь о написании оперы, «то из времен [боярыни Феодосии – Е.А.] Морозовой» (С.77). Посещая церковную службу в Смольном соборе, он невольно сопоставляет её со старообрядческой, отмечая, что пение звучит как в концертном зале, в то время как «в скитах голоса отскакивают от стен в голову и есть впечатление интимности» (С.97). В дневниках прослеживается старообрядческий текст Петербурга: упоминаются старообрядцы - торговцы древностями, известные иконописцы Тюлины, старообрядческие центры столицы - моленные на Охте и Коломенской, Чубыкинская богадельня, «исторический отнятый у старообрядцев Деисус в часовне у Гостин<ого> двора» (С.132), неоднократно Громовское кладбище, на котором 22.11.1905 г. Кузмин встретился с владыкой Иннокентием (Усовым) в Петербурге, на «старообрядческом митинге», «где происходило что-то неподобающее» (С.73). Упоминания о митингах и об участии старообрядцев в политических акциях того времени открывают малоизвестную даже для исследователей старообрядчества страницу участия последователей старой веры в событиях 1905 г.

Агеева Елена Александровна
Музей истории МГУ имени М.В. Ломоносова, научный сотрудник

* * *

Наталья Азарова(Москва)

Стихотворения философов – философский или поэтический текст?

Типологическое родство и непротиворечивость философского и поэтического дискурсов влечет за собой появление целого ряда переходных или синкретических текстов, раскрывающих движение от философского текста к поэтическому. Эти тексты, которые, как правило, получают статус маргинальных, традиционно представлены в европейской и в русской словесности такими жанрами, как философская поэма, философская ритмическая проза, стихотворения философов, комментарий к стихотворению философа, в том числе поэтический, философский трактат в стихах, запись, философский дневник, философско-поэтические афоризмы и др.

Особый интерес в этом ряду представляют стихотворения тех философов, которые не являются (в отличие, например, от Фридриха Ницше или Мигеля де Унамуну) профессиональными поэтами. Основной корпус подобных текстов составляют самостоятельные (отдельные) стихи философов (И.Г. Гердера, Л. Карсавина, М. Хайдеггера, А. Лосева, Ф. Лаку-Лабарта, Я. Друскина и др.). Однако неменьший интерес представляют и стихи философа внутри

собственно философского текста (например, Николая Федорова); в этом случае правомерно рассматривать как маргинальные тексты и внутритекстовые стихи поэтов-философов в одном лице, например, стихи Владимира Соловьева, включенные в его диссертацию «Критика отвлеченных начал» (1880) и впервые опубликованные именно как включенные в кодифицированный философский текст. Подобное поэтическое включение в философском тексте Соловьева призвано решить собственно философскую задачу предъявления непознаваемого; при этом за поэтическим сегментом признается приоритет видеть идею как единое целое и репрезентировать ее на уровне целого текста.

Акцент в стихах философа делается на целостном, нерасчлененном явлении (видении) философского контента. Переход к поэтическому тексту может быть обоснован и необходимостью ритмического представления философской мысли (например, у Друскина), в частности, таким образом, что длина строчки философского высказывания полагается телесностью «я» автора; при этом семантическая неполнота любого философского определения преодолевается «естественным» ритмическим пределом.

В стихотворениях философов, как внутритекстовых, так и самостоятельных, образуется вертикальная графическая связь понятий, что дает возможность более сложной репрезентации философского понятия, а также возможность реализовать внутритекстовую динамику понятий. Рифма (а также анафора и другие виды стихотворного изоморфизма) также осуществляет вертикальную связь понятий, динамизирует понятие и позволяет избегать определений как конвенциональных, ограничивающих синтаксических конструкций. Функционально вертикальность поэтического текста в стихах философа, будучи манифестацией его нелинейности, аналогична приемам суггестивности «чистого» философского текста, создаваемой *густотой* текста, в том числе корневыми повторами.

Особое явление представляют стихи философа с философским комментарием (например, «Венок сонетов» Льва Карсавина). Сонеты Карсавина допускают восприятие стихов и комментария как двух целостных, самостоятельных текстов, находящихся в равноправном взаимодействии, и в то же время дают возможность прочтения философской и поэтической части как единого текста; при этом стихи выполняют функцию философской формулы, в том числе могут представлять и мнемоническую версию философского текста.

Стихи философов, таким образом, призваны решать философские задачи и отличаются типологическими чертами философского текста.

Азарова Наталия Михайловна – Доктор филологических наук; Ведущий научный сотрудник сектора Теории языка Института языкознания РАН

* * *

Баич Р.С.(Белград, Сербия)

Аутобиографија и мемоари игумана једног српског манастира

Публикација под називом *Доживљај игумана Серафима Царића* јесте по неким жанровским особинама аутобиографија. Неке друге особине овог дела, као и оригинални назив који је дао сам аутор — *Мој доживљај* — откривају нам да су у питању мемоари. Осим тога, овде имамо и чланке објављене у новинама, изводе из записа, фотографски материјал, молбе, пословну манастирску преписку и друго.

Ово дело драгоцено је због мноштва историјских података који се тичу живота народа у једном малом граду на северу данашње Црне Горе (град се назива *Пљевља*) из времена краја XIX и прве две деценије XX века. Пошто је у питању време бурне историје на овим просторима, подаци се тичу не само пљеваљског краја, него и шире.

Такође, дело је значајно и по томе што садржи податке о историји и организацији живота у манастиру *Света Тројица* код Пљеваља. Овај манастир представља велико културно-историјско-уметничко благо, а у то време (све до 1927. године) био је и једини духовни центар, тј. једини храм у коме се верни народ окупљао.

Сам Серафим Царић био је игуман манастира *Свете Тројице* од 1. фебруара 1915. до 1. децембра 1941. године, када је убијен, заједно са директором гимназије *Танасије Пејатовић*, за време напада на Пљевља у Другом светском рату. Причислен је лику светих 2005. године, заједно са још 28 новомученика Дабробосанске митрополије. Чињеница да је у питању дело једног светог човека увелико умањује маргиналност изучавања његовог постхумно објављеног дела. Иако је ово дело писано просто и без неке уметничке вредности, сматрамо с једне стране својим дугом и обавезом да га предложимо широј читалачкој публици, а, с друге стране, занимљиво је са језичко-културолошког аспекта и достојно да буде проучено са разних аспеката. „*Маргиналије*“ су право место да се то учини.

Најпре бисмо описали садржину ове публикације. Поред наведеног дела, објављени су и чланци игумана Серафима које је он писао за часописе *Цариградски гласник* и *Правда*. Чланци су различите садржине. У једном од њих се говори о штетном утицају шпиритуса и препоручује да се он избаци из употребе. У другом истиче лоше животне услове на селу и предлаже како они могу да се поправе, тј. да сељак живи боље.

Време у којем је живео св. Серафим Царић је време великих промена, како на друштвено-историјском, тако и на породичном плану. Потоње он описује у чланку *Задруге*, у коме са жаљењем констатује да је све мање живота у заједници, са што више људи у кући, већ да се, на свеопшту штету, људи одељују и разједињују.

Конечно, драгоцене податке о манастиру *Света Тројица* св. Серафим Царић дао је и у чланку-изјави *Манастир Св. Тројица код Пљеваља. Изјава архимандрита г. Серафима Царића* објављеној 1931. године, као и у *Записима о манастиру Св. Тројице од 01.01. 1930. године*.

За шта се све борио св. Серафим као игуман манастира *Свете Тројице* открива нам неколико објављених докумената, молби и преписке — такође објављених у корицама ове књиге.

Језик и стил писања Серафима Џарића интересантан је за проучавање на свим језичким нивоима. Нарочито је, као и у другим делима, индикативна употреба специфичне лексике, којој бисмо желели да посветимо посебну пажњу у нашем реферату.

Како је Серафим Џарић живео у Пљевљима — граду на самој граници између Србије и Црне Горе, није необично што је његов језик мешавина два различита изговора српског језика која се употребљавају у једном, односно другом подручју: екавски и ијекавски.

Баич Р. С., кандидат филолошких наука

Институт српског језика Српске академије наука и уметности, Београд, Србија

* * *

Беглов А.Л.

**Маргинална општина на руској социјалној и географској периферији:
неформално монаштво и система државне црквености**

1. Зосима (Верховский) у Сибири, пустиножители и женске општини. Исторички контекст појављивања, формални статус пустињаника и општина, одношења с црквеним властима и месним житељима.

2. Документи монашке општини Зосимы (Верховского): переписка, путеве записке, «заветне» писма, поуке Зосимы.

3. Структура и садржање првог «заветног» писма, његова уникалност у источничко-хришћанској традицији. Прагматика «заветног» писма – потврда аскетичког идеала у контексту државне црквености.

4. Конфликт 1823–1825 г.: противостање у општини, излаз конфликта из општинских граница, улога белог духовенства и консисторије, позиција светске власти и Синода. Изгнаност Зосимы (Верховского) из Сибири.

Беглов Алексеј Львович, к.и.н.,

Центр историје религије и цркве ИВИ РАН

* * *

Борис Беленкин(Москва)

Страшнее "церковников"...

На путях к физическому уничтожению сторонников левых течений в ВКП(б) (1927-38 гг.)

"Троцкизм" как "мистический ужас" власти.

Об использовании разных способов борьбы (расправы) с "несдавшимся врагом" (на материале следственных дел).

Каждый из оппозиционеров, не отказавшийся от своих убеждений, имел от 3 до 7 судимостей; нормой были смерть от болезней в местах лишения свободы и ссылке, полуголодное существование (пытка голодом), изоляция от внешнего мира (в т.ч. в ссылке), доведение до сумасшествия и самоубийства. У всех доживших до последней судимости – причина смерти – расстрел.

Репрессивные практики будут также рассмотрены в контексте практик сталинской пропаганды.

Беленкин Борис Исаевич

заведующий библиотекой общества

"Международный Мемориал"*

*(Организация признана иностранным агентом)

* * *

А.В.Беляков(Рязань)

Инсигнии татарских царей и царевичей в РоссииXV-XVIIвв. Взгляд из Москвы

За XV-XVII вв. в России на настоящий момент зафиксировано 189 потомков Чингисхана (Чингисидов, «золотой род», «алтан уруг»)^[1]. Эти люди различными путями оказывались в Московском государстве. Но перед всеми ими в той или иной форме вставала одна и та же проблема – самоидентификация в новых условиях проживания. Интересные наблюдения можно

получить, анализируя предметы которые могли рассматриваться самими татарскими царями и царевичами, а также московской администрацией как символы власти (мнимой или же реальной), а также как знаки принадлежности к данному роду.

Используя широкий круг архивных источников и научных исследований, нами была предпринята попытка установить наиболее полный список подобных предметов: парадные одежды (шуба), шлем, доспех, знамя, отдельные предметы вооружения (сабля, лук, стрелы), литавры (тулунбас), герб (тарак, тамга), закон, сулея (матара, амагил?), седло, лошадь, трон, хутба, монетная регалия, капторга (коранница), каменные дворец, мечеть, мавзолей. Интересно сравнить как значение того или иного предмета могло рассматриваться в царском (великокняжеском) дворце, в православной среде, самими Чингисидами, а также мусульманами проживавшими в России рассматриваемого периода. Здесь важно помнить и то, что сами Чингисиды превратились в своеобразный статусный «предмет», обладание которым, по мнению Москвы, должно было поднять ее внешнеполитический престиж и, что не менее важно, собственную самооценку.

Мы вынуждены констатировать, что представители «золотого рода» по тем или иным причинам оказавшиеся в России, продолжали обладать некими статусными предметами, которые можно рассматривать как властные регалии. Вопрос в том, насколько широка была та группа людей, что разделяла их мнение по этому вопросу. Скорее всего, в каждом конкретном случае ситуация была различной. Это могло быть как все население России, так и только татары или еще уже – только члены двора конкретного татарского царя или царевича. Найти здесь решение тяжело уже потому, что целый ряд упоминаемых предметов (лошадь, одежда, оружие) имели определенную смысловую нагрузку далеко не только по отношению к Чингисидам или же татарам, а были фактически универсальными показателями особого статуса практически у всех народов. Значение иных символов (лук, стрелы), если они имелись, скрыты от нас. Отдельные предметы (сулея), скорее всего, искусственно попали в этот перечень. Пока остается без ответа и другой важный вопрос: как к использованию того или иного статусного объекта относились русские люди, и в первую очередь царь (великий князь)? Рассматривалось ли это явление как составляющая часть общегосударственной политики по поднятию престижа православного монарха и как следствие подвергалось всесторонней регламентации или же считалось «домашним делом» конкретного чингисида? На этот вопрос в настоящее время мы не можем дать однозначный ответ. Хотя и делаем отдельные предположения. Вполне возможно, что для некоторых представителей «золотого рода» было важно обладать определенными предметами, которые ранее принадлежали их отцу или брату как неким косвенным подтверждением своих прав. Лучше всего на подобную роль подходят доспехи и оружие. Ведь именно они служили главным опознавательным знаком на поле боя. Тем самым обладающий ими сам немного превращался в их прежнего владельца. Это могло иметь значение в первую очередь для Чингисидов имевших собственные военные отряды.

Беляков Андрей Васильевич,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры Социально-культурного сервиса, туризма и межкультурных коммуникаций
Филиала Московского психолого-социального университета в г. Рязани

Художественный текст как инструмент исследования исторической эпохи в творческом наследии В.О. Ключевского

Труды В.О. Ключевского содержат богатый материал о культуре и её роли в российской истории. Культура выступала в его глазах источником исторического творчества человека и общества, порождала идеи, которые, запускали динамику исторической эпохи. В.О. Ключевский в своих исследованиях он не раз обращался к художественному тексту, в том числе и к литературному как историческому источнику для того, чтобы погрузиться в ткань исторического времени.

Подходы В.О. Ключевского органически восприняла культура Серебряного века. Философ В.В. Розанов оставил такую заметку: « Читал весь вечер Ключевского – о Лермонтове, Нартове, Петре Великом, «Недоросль» Фонвизина и проч. Что за ум, вкус и благородство отношения к русской истории». И далее: «Я даже не хочу, чтобы «лучше Ключевского объясняли историю: а хочу, чтобы ее непременно объясняли и чувствовали как Ключевский»[1, л.8].

В.О. Ключевский был первым из российских историков, которому, художественный текст давал возможность вступить в живой *культурный диалог* с исторической эпохой. Иначе для чего «пробраться украдкой в кабинеты людей того времени, разобрать книги, которые они читали и которые читали их отцы, с оставленными на полях отметками ... и вопросительными крючками»[2, с. 88]. Ярче всего это обнаруживается в его работе над эпохой Просвещения.

На рубеже XIX- XX вв. культура эпохи Просвещения и ее люди стали предметом пристального внимания не только для исторической науки. Наступало время Серебряного века русской культуры, которая возникала, в том числе, и как ретроспективное прочтение культурных текстов прошлых веков. Не случайно одна из статей В.О. Ключевского, посвященных XVIII веку, называется «Недоросль Фонвизина. Опыт исторического объяснения учебной пьесы». Хорошо знавший жизнь столицы и провинции, историк видел пьесу как «живой текст и образ времени». Себя историк рассматривал как «осторожного комментатора» этого текста, не утратившего своей актуальности для времени, в котором писалась статья: «Мы живем в другой обстановке и в другом житейском складе; те же пороки обнаруживаются в нас иначе. Теперь вокруг себя мы не видим ни Простаковых, ни Скотининых, по крайней мере с их *тогдашними* обличиями и замашками», но эта пьеса показывает «какими понятиями и привычками удобрена та почва, по которой мы ходим и злаками которой питаемся»[2, с.56]. Так, обращаясь к художественному тексту, В.О. Ключевский выявлял механизмы трансляции культурной памяти человека и общества.

Как исследователь исторического времени В.О. Ключевский подходит к сути парадоксальной ситуации, в которой оказалась значительная часть российского общества. В статье «Воспоминания Н.И. Новикове и его времени» историк задается вопросом: «Что же вышло из этих благородных усилий русской сатиры?». Ведь «добрая половина столичного партера,

аплодировавшего комедиям Фонвизина, состояла из подлинников или живых иллюстраций его художественных карикатур, по крайней мере, видела в них портреты своей близкой родни». Ответ историка поражает точностью понимания времени: «Зло, с которым боролась сатира, было не слабостью, не простым пороком, а нечто вроде порока сердца, т.е. болезнью, пороком просвещения, а болезни лечат, а не осмеивают» [3, с. 232, 233]. И болезнь эту историк назвал со свойственной ему образностью «анемией общественного сознания» дворянского сословия, а позже «болезненным расстройством национального смысла». Оказалось, что национальное самосознание оказалось не готовым ответить на вызов времени. «Самосознание – трудное и медленное дело, венчающее работу человека и народа над самим собой», – заметил историк в статье «Памяти А.С.Пушкина» (1899), написанной на основе его выступления на торжественном заседании в Московском университете в честь столетия со дня рождения поэта.

Культурная работа эпохи Просвещения, считал В.О. Ключевский, завершалась пушкинским образом Евгения Онегина. В речи, произнесенной на торжественном собрании Московского университета 6 июня 1880 г. в день открытия памятника А.С. Пушкину, В.О. Ключевский заметил, что Онегин прямой потомок XVIII в.: «Герой особого рода, но, однако, сродни своим предшественникам: и Троекуров, и Верейский, и Митрофаны всех сортов – все они прямые или боковые его предки. Онегин – лицо, столько же историческое, сколько поэтическое. Мы все читали сочинения и записки людей, чаявших обновления России после войн за освобождение Европы. Припоминая читанное, мы знаем, чем *были* Онегины после 1815 г. Поэма Пушкина рассказывает, чем *стали* они после 1825. Это Чацкие, уставшие говорить и с разбитыми надеждами, а поэтому скучающие» [2, с. 83]. А в 1887 г историк на заседании «Общества любителей российской словесности» в 1887 г. представил статью «Евгений Онегин и его предки», которая открыла специфику усвоения культурного опыта и способы ведения культурного диалога с европейским миром, а также тип человека, рожденный этой эпохой.

Обратившись к героям Д.И. Фонвизина и А.С. Пушкина, ученый увидел трагический культурный разлом в самосознании человека, наследника эпохи Просвещения. Онегин формировался, по выражению историка, как наследник поколения, всю жизнь помышлявшего о «европейском обычае» и в результате оказавшегося в положении «исторической ненужности» или, иначе говоря, исторического казуса: «Добрые люди в деревенской глуши смиренно сидели по местам, досиживая или только еще насиживая или только насиживая свои гнезда; налетел праздный пришелец из столицы, возмутил их покой, сбил их с гнезд и потом с отвращением и досадой на самого себя отвернулся от того, что наделал» [2, с.88, 95]». Место и время деятельности человека меняется быстрее, чем он сам. Когда В.О. Ключевский стал размышлять о фигурах, подобных Онегину, в российском обществе конца XIX в., то оказалось, что подобный герой существовал не где-то и когда-то, и только в российской глубинке, а продолжил путешествие по российской истории.

Обращение к А.С. Пушкину позволило В.О. Ключевскому выявить характерные черты человека – наследника эпохи Просвещения, а через это выйти на парадоксальность усвоения европейского культурного опыта и последствия этого для самосознания человека и общества. Подобная тенденция сохранилась и до настоящего времени, порождая удивительные фигуры и процессы в современной России.

Если погрузиться в творческую лабораторию историка, то можно обнаружить, что он поднимал ряд проблем, которые только с конца XX в. стали бурно обсуждаться российской гуманитарной наукой. Изучая механизмы, влиявшие на динамику исторического процесса, В.О.

Ключевский привлекал тексты, образы, знаки символы – весь богатый запас, содержащийся в *языке культуры*. В.О. Ключевский рассматривал СЛОВО как «ключ» к пониманию исторического времени. С этих методологических позиций наследие историка только начинает осмысливаться.

Примечания

1. Розанов В.В. Ключевский. (К 75-летию со дня рождения В.О. Ключевского) //РГАЛИ. Ф. 419. Оп.1. Ед. хр. 182. Л.8.
2. Ключевский В.О.Сочинения в девяти томах. Т. IX. – М.: издательство «Мысль», 1990.
3. Ключевский В.О. Сочинения в восьми томах. Т. 8. – М.: Издательство социально-экономической литературы. – М.: 1959.

Берлякова Наталья Петровна, к.и.н., профессор,

ГАОУ «Пензенский институт развития образования», кафедра истории и социальных наук

* * *

Блюхер Ф.Н., Гурко С.Л. (Москва)

Интенциональный анализ идеологии

Слово *intentio* (лат.) означает стремление, направленность. Понятие «интенциональность» используется феноменологией при объяснении активности сознания в его направленности на предметы. Выбор нами понятия «интенциональности» обусловлен тем, что наш анализ исходит не из раскрытия структур сознания, используемых при анализе культурных феноменов, т.е. это не феноменологический анализ в собственном смысле этого слова. Тем не менее, мы склонны предположить, что при анализе определенного рода текстов, которые мы маркируем как «идеологические», существуют некие закономерности, находящие выражение в использовании стандартизированных языковых средств, которые возможно объяснить с использованием понятия интенциональности.

На прошлых «Маргиналиях» нами был представлен доклад, описывающий структуру «идеологии». В качестве элементов этой структуры нами были выделены наука, этика и религиозно-эстетическая сфера. Нам не хотелось бы повторяться, поэтому здесь мы опишем лишь различие, которое не отметили в прошлый раз. Это — различие между религией и эстетикой.

Искусство в миметической форме дает возможность человеку осмыслить и принять свое отношение к миру таким, каким он (мир) может быть. В силу ограниченности реальной жизни, человек, потребляя произведения искусства, в превращенной форме удваивает или даже утраивает свою жизнь, оказываясь в тех ситуациях, в которых никогда в реальности оказаться бы и не смог, например, при рождении младенца в Назарете или на тexasском ранчо наедине с маньяком. При этом, так как переживания человека даны ему непосредственно в ощущениях, эстетическая форма, хотя и не отождествляется с реальной жизнью, тем не менее неотделима от этой реальности и в иных случаях может стать «единственной ценной» реальностью в переживании прожитого.

Ответ на вопрос «что есть я?» в традиции давала религия. Область этого вопроса и возможность ответа, как и в эстетике, есть сфера эмоционального, по существу в религии человек имеет дело исключительно со своими эмоциями и чувствами. Индивидуальное событие психической жизни делает эмоцией внешняя ему форма, усваиваемая в процессе социализации. Представление о том, что есть не только аффект, но и то, что аффицируется, необходимо приводит к субстанциалистскому пониманию души. Против чего есть веские возражения, резюмируемые критической философией [8]. То есть ответ на вопрос «кто я?» может строиться двояко: либо как «я тот, кто...» — здесь должно следовать не просто указание на определенное действие, но и утверждение необходимости или хотя бы постоянства такого действия. Это будет функциональное конструирование субъекта. Альтернативный вариант построения ответа будет «я такой...». То есть будет представлять указание на форму. И основной вопрос будет в том, соответствует ли конкретное переживание определенной форме или не соответствуют. Этот ответ человек принимает не в силу рационального понимания, а через переживание. Соответственно возникает проблема постоянства переживания, которая оказывается неразрешимой в силу естественной психологической изменчивости субъекта и бесконечности объекта.

В отличие от искусства, религия утверждает, что рефлекторная форма, в которой осмысливается положения «Я» среди других «таких же Я» и является единственно действительным миром. Мимесису искусства религия противопоставляет «факт» чувственного переживания человеком «осмысленности» действительности в антропоморфной форме ее «целесообразного» устройства.

Итак, мы можем выделить четыре формы, в которых существует идеология: наука, этика, религия и эстетика. Напомним, что под идеологией мы понимаем «использование принятых в обществе шаблонов» для объяснения вопросов, выходящих за пределы индивидуальных возможностей человеческого разума. Именно поэтому идеология является сферой коммуникативного взаимодействия членов определенных этосов, вне которых данные шаблоны могут казаться лишенными смыслов, что наглядно показало «идеологическое» противостояние перед прошедшими президентскими выборами в России.

Тем не менее мы склонны предположить, что различные части идеологии имеют различную темпоральную направленность. «Наука» и «религия» выполняют по существу одну и ту же задачу, обе сферы описывают «возможное будущее». Наука — в виде эмпирических следствий, из ранее открытых теоретических законов или эмпирических закономерностей. Религия — в форме объяснения «целесообразного» устройства человеческой жизни и соответственно антропоморфизации внешнего по отношению к человеку мироустройства. Однако, «возможное будущее» не может существовать только само по себе. В реальности идеология должна помогать при решении проблем, которые ставит перед человеком

«настоящее». Поэтому «наука» и «религия» дополняются «этикой» или «эстетикой». По существу, мы получаем четыре возможные идеологические пары: «наука — этика», например, социалистическая идеология; «наука — эстетика», возможно, в этом суть современной либеральной идеологии; «религия — этика», то, что на Западе принято считать христианско-консервативной идеологией; «религия — эстетика», по всей видимости является основой различных субкультурных образований: хиппи, современного западного буддизма, эмо и других.

Наконец, мы выдвигаем гипотезу, что различные формы идеологии используют специфические языковые средства для передачи своего содержания. Так «религия» как и «наука» не могут обойтись без субстантивирующих существительных, описывающих «действительность» при помощи терминов или «понятий». Разница между этими средствами заключается в том, что наука постоянно ограничивает сферу применимости того или иного термина, например, «инерциальная пространственно-временная система отсчета» в классической механике, в то время как в религии термин часто приобретает сакральный смысл, например, «Бог» или «грех», суть которого не возможно понять без участия в определенной культовой практики. «Эстетика» в силу эмоционального воздействия на окружающих не может обойтись без активного использования оценочных выражений или прилагательных, даже когда сознательно ставит задачу их удаления из текста. «Этика» же выражается в виде отрицательной предписывающей формулы, обращенной прежде всего к говорящему, например, «я не могу этого сделать (не сделать)».

Блюхер Федор Николаевич

к.ф.н., с.н.с. Института философии РАН

Гурко Сергей Львович

н.с. Института философии РАН

* * *

Н.Г. Брагина(Москва)

ПУБЛИЧНАЯ ПАМЯТЬ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИРОНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

В докладе речь пойдет о новой тенденции, возникшей в России в постсоветскую эпоху — об установке памятника комическому персонажу. Как особый вид коммеморативной практики она сформировалась в 90-е годы «на руинах» советской идеологии после того, как государство Советский Союз прекратило свое существование и началось его постепенное погружение в забвение.

Начало социальной амнезии, выразилась, в частности, в сносе, разрушении либо удалении в особое музейное пространство части памятников официальной культуры советского периода. Например, демонтаж памятника Ф.Э. Дзержинскому в августе 1991 года, символически

определивший исторический рубеж. Примерно с середины 90-х активизируется формирование публичной памяти, выраженной, в частности, в установке иронических памятников: Чижику-Пыжику в Санкт-Петербурге; Челноку в Екатеринбурге, в Славянске и в Благовещенске. Возникает вопрос: можно ли в связи с этой отчетливо видной тенденцией говорить о структурных изменениях в коллективной памяти или же идет развитие садово-парковой скульптуры? Можно ли, например, памятнику сырку «Дружба» (Москва) приписывать статус памятника?

Памятник в отличие от скульптуры или статуи связан с практикой увековечивания, он является объектом коммеморации. Это, в частности, отражается в языке. Можно сказать *его увековечили в памятнике, памятник увековечивает героев войны*, но плохо: *его увековечивали в скульптуре, статуе. Скульптура, статуя увековечивает героев войны* сказать можно, при условии, что речь идет о памятнике. *Цветы возлагают к (подножью) памятника, но не скульптуры и статуи.*

Типичный материал для памятников – гранит, мрамор, бронза. Словосочетания *вырезать в граните, в мраморе, отлить в бронзе* помимо буквальных значений: ‘создать памятник в граните, мраморе, бронзе’, метафорически означают ‘увековечить’, ср.: *эти слова надо вырезать в граните / в мраморе, чтобы все помнили; Сказано – как в бронзе отлито.*

Глагол *бронзоветь* употребляется иронично и означает ‘Своим поведением, манерой держать демонстрировать высокую оценку себя и своих заслуг, признавая тем самым собственное величие’, ср.: *Как быстро сами кумиры костенеют в своем творчестве и бронзовеют в своих повадках и самооценках.* (Ю. Богомолов. «Новый год на трезвую голову. Праздничное телевидение наводит на мысль»).

Таким образом, язык проявляет ценностные коннотации слова *памятник*. Показательно, что все иронические скульптуры, о которых пойдет речь, называют именно *памятниками*, а не *статуями, скульптурами*. Иногда на это указывают сами названия: *памятник первой батарее, первому табурету* и т.д. (*первое* – имеет тенденцию к увековечиванию). Есть определенные основания считать иронические скульптуры памятниками, т.е. объектами коммеморативных практик, что в свою очередь расширяет понимание границ коллективной памяти.

Это означает также, что на постсоветском пространстве происходит перераспределение отношений между официальной и публичной памятью. Причины такого перераспределения видятся в следующем: общая демократизация общества; изменение общественного сознания, появление новых идеологий, которые формируются на фоне утраты идентичности советского человека; активное развитие массмедийных идеологий и технологий.

Интересен и сам факт того, что процесс поиска новой идентичности сопровождается обращением к прошлому в его повседневных практиках, к обыгрыванию стереотипов, к комическим персонажам и установкой соответствующих памятников. Если перефразировать известную цитату из работы К. Маркса: *Человечество, смеясь, расстаётся со своим прошлым*, – то уместно было бы сказать: *Человечество, смеясь, воспроизводит свое прошлое*. Кроме того, если рассматривать установку памятника как особый тип послания [Règis Debrey 2000], то возникает необходимость ответить на ряд вопросов: кто отправитель и кто получатель послания, с какой целью оно создается, чего достигает и т.д. Это также станет предметом обсуждения в докладе.

Литература

Debrey, Règis (2000) 'Introduction à la médiologie,' Presses Universitaires de France, Paris.

Брагина Наталья Георгиевна

д.ф.н., профессор

Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина; РГГУ, Институт лингвистики

* * *

Н.В.Бунтман(Москва)

Судьбы сплетенье или текст на ткани

Меня в женских воспоминаниях о следствии поражает именно: о каких "пустяках" с точки зрения арестантской (но отнюдь не женской!) они могли там думать

(Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. Глава 8. Женщина в лагере)

Вера Николаевна Континьо родилась в 1900 году в Нижнем. Отец полу-грек, полу-итальянец, в какой-то момент работал на московской кондитерской фабрике Эйнем, затем на химических заводах, потому семья переезжала довольно часто. Во время Первой мировой войны они оказались в Москве, потом обосновались в Петрограде. Там Вера Николаевна вышла замуж за студента-юриста из Карабаха, бывшего офицера-фронтовика Петроса Бекзадяна, старшего консультанта Представительства Грузинской ССР в Москве,. В 1924 родилась дочь Леля, они снова переехали в Москву. В декабре 1937-го Петроса арестовали, в сентябре 38-го (об этом узнали только в 1993-м) расстреляли, как и его двух братьев: Александра – дипломата, служившего в Европе, и Рубена – юрисконсульта Главхимпрома Наркомата местной промышленности СССР. Веру Николаевну как члена семьи изменника родины отправили в мордовские лагеря, потом в ссылку во Владимир. Комментируя ее фотографии, внук Веры Николаевны Сергей Бунтман пишет: "Дивное создание, красавица, но с необычайно твёрдым характером. В пятьдесят с лишним лет она окончила модельерские курсы, шила в ателье Худфонда, работала в ВИАЛЕГПРОМе, Всесоюзном институте ассортимента изделий лёгкой промышленности и культуры одежды, куда при ней пришёл "чудный, талантливый мальчик Славочка Зайцев". После освобождения она второй раз вышла замуж, долго работала на Кузнецком Мосту в Доме Моделей.

В 1937 году на Потье, в Мордовии, было организовано в составе лагерного комплекса особое лаготделение для семи тысяч жен и сестер «врагов народа». Позже лагерь был расформирован, часть женщин отправили в Караганду, а около двух тысяч — в район станции Сегета Кировской железной дороги. Есть сообщения, что эти женщины были освобождены по амнистии 1945 года^[9].

Для женщин и были в основном предусмотрены такие формулировки преступного статуса, как член семьи врага народа (ЧСВН), (ЧСИР), социально-опасный элемент (СОЭ), социально-вредный элемент (СВЭ), связи, ведущие к подозрению в шпионаже (СВПШ). Такие женщины и оказались в одном бараке вместе с Верой Николаевной. Все фамилии она не помнила, но это были жены крупных военачальников, дипломатов, политических деятелей, в частности, в одном бараке с Верой Николаевной была жена Орджоникидзе, Зинаида Гавриловна Павлуцкая, впоследствии расстрелянная.

В слове *текст* заложено множество значений, идущих от его этимологии: «связь, сочетание, сплетение. Тексты, о которых пойдет речь – кулинарные рецепты, записанные на трех кусках ткани химическим карандашом. Они являются удивительным свидетельством эпохи, поскольку положены они были на ткань в гугаговском бараке Потье.

Итак, перед нами три куска материи – два батистовых (93x78), где записано 36 рецептов, (46x25) с 11 рецептами и один льняной, фактически в виде свитка (25x153) – 36 рецептов. Судя по всему, женщинам удалось пронести в барак остатки выкроек – поскольку кое-где сохранились черные нитки от сметывания, – и порванный тонкий батист, не годный для работы. Можно сделать вывод, что даже такие куски выносить удавалось редко, потому что (видимо, на первом по хронологии куске) сначала запись идет свободным, довольно размашистым почерком, а потом буквы мельчают, строчки теснятся, и малейшее свободное пространство на ткани используется, чтобы вписать нечто новое. Почерк один – Веры Николаевны, ровный, красивый, гимназический. Наверное, все говорили, а она записывала. Орфографических ошибок нет, есть редкие описки и пропуски букв. Текст написан чернильным карандашом. Обыски, видимо, были редки, поэтому и карандаш не конфисковали, и удалось вынести все три куска материи.

Что касается самих рецептов, то по форме изложения их можно разделить на несколько групп: 1) иногда они полные, то есть подробно описывается количество продуктов и скрупулезно и поэтапно изложен процесс приготовления блюда:

Крем детский

1 стак.молока, 1ч.лож.картоф.муки, 2 ч.лож.белой муки, 3 ч.лож.сахара, 1 желток, лимонный сок. Муку сухую растереть с сахаром, разбавить холодным молоком, влить в горячее молоко. Дать загустеть. Снять с огня, положить в теплое желток и сок лимона. Можно обдавать шоколадным какао. (51)^[10]

2) иногда рецепт представляет собой совет, неожиданную деталь к общеизвестному блюду:

Оттянуть кожу у шейки курицы, надуть, влить сбитые яйца, сварить суп,

И тогда точное описание ингредиентов не дается, а лишь указывается последовательность действий.

3) есть и рецепт без глаголов, где имплицитны действия, а эксплицитны ингредиенты:

Пирог

1 стак.сахара, 1 стак.масла, 2 яйца, 1 желток, соль, сода, ваниль, мука. Начинка – клюквенное варенье.

Поскольку рецептами обменивались женщины, умеющие готовить, для них некоторые вещи считались настолько очевидными, что они считали лишним перегружать текст лишними деталями, либо можно предположить, что иногда они располагали достаточным временем, чтобы все записать подробно, а иногда времени было в обрез. Так, например, в одной из записей – тесто для пирога – не упоминается мука.

Некоторые рецепты имеют заголовок «печенье», «медовая горка», «пирог слоеный с орехами», варенье из китайских яблочек», «трубочки с кремом», но, в основном, названий нет, блюдо вычисляется по ингредиентам, либо название дается уже после в скобках как комментарий:

Вскипятить молоко, положить 2 ст.ложки муки, желтки растереть с сахаром, ваниль, подержать на огне, не кипятить (соус). То же, но снять с огня, положить сбитые белки и варенье (крем)

Одно и то же блюдо иногда дается в нескольких вариантах. Так, много рецептов разнообразного теста, печений, кремов, киселей.

Разумеется, невозможно восстановить, каких национальностей были женщины «кулинарного» барака, однако по устным воспоминаниям ВН, там сидели еврейки, русские, украинки, грузинки, армянки. Рецепты – тому подтверждение: здесь и украинский курник, и два рецепта пасхи (обычная и заварная), и еврейский цимес, и как ингредиент – маца, заменяемая сушками.

Любопытно соотношение разных частей классического меню: почти нет закусок, только «сладкий лук, запеченный с яйцами в духовке»(74) и паштет из «селедки-астраханки» с антоновскими яблоками (57) и тушеная в молоке селедка иваси. Из супов – лишь солянка, но изысканно непростая. Вторые блюда тоже относительно редки, всего четыре рецепта: рубленые котлеты (75), картофель с мясом (71), жаркое в кисло-сладком соусе (79), гречневая запеканка с гусиными потрохами (77). Львиная доля всех рецептов приходится на сладкое: булочки, варенье, торты, пироги.

В [Большой энциклопедии кулинарного искусства](#) (2005) В.В. Похлебкин описывает недельные меню домашнего стола русской буржуазной интеллигенции (1905-1913) и, сравнивая с рецептами Веры Николаевны, мы обнаруживаем, что, действительно многие блюда совпадают. Курник (пирог). Мясо, тушенное в кисло-сладком соусе. Пирог с вареньем или с яблоками. Солянка московская сборная. Пудинг творожный. Форшмак. Пирог воздушный ягодный.

Говоря о серебряном веке русской гастрономии, Похлебкин тонко замечает, что «все, что касалось материальной культуры: обычная одежда, характер и предметы интерьера, планировка жилищ и их материал, а тем более пища, — исчезло в водовороте времени – мировых войн и революций, ибо разрушилось, истлело или же попросту было сразу же съедено». О прошлой, относительно спокойной жизни говорит порой и количество необходимых для рецепта продуктов. Судя по тому, что в бараке Веры Николаевны оказались жены советской элиты, они пользовались, как это было часто принято в те времена, услугами горничных и домработниц, которые помогали им готовить, но каждая хозяйка хранила с дореволюционных времен рецепты семейных фирменных блюд, передававшихся по наследству, и которыми она, к своему удовольствию, радости мужа и гостей потчевала родных и знакомых. На праздники или на семейные торжества собиралось человек 10-12, что объясняет количество и вес ингредиентов.

Тесто: 4 желтка,

4 ст.ложки сливок, 3-4 ст.л.воды, (...)

Взять 400 гр.русск.масла и

400гр. подсолнечного, вместе растопить. (...).

Сварить вместе 1 кило меду с 1 кило сахара (кипятить 20 мин.)

Некоторые рецепты делаются на скорую руку, некоторые настолько сложны, что на приготовление, даже при скромных подсчетах, требуется минимум 4-5 часов (сабайон 23).

Известно, что в начале века, то есть у родителей тех, кто оказался в «кулинарном» бараке, в дворянских семьях, у зажиточных горожан, в домах людей свободных профессий, нередко готовили блюда французской кухни.

Первая национальная поваренная книга под названием «Русская поварня» была издана только в 1816 г., фактически спустя тысячелетие с момента основания Руси, после окончания Отечественной войны 1812 г., когда отмечался мощный всплеск национального самосознания. Раньше в России издавались поваренные книги, но они были либо целиком переводные, либо иностранный текст составлял в них около 90 процентов. К этой основе постепенно добавлялись некоторые русские блюда.

В «барачных» рецептах мы обнаруживаем крем «сабайон», соус «бешамель», два варианта венского теста, вертуту (творожное печенье). Однако, один из самых экзотических, на наш взгляд, рецептов – фаршированный арбуз, сравнимый, пожалуй, с крошоном.

Продукты, до революции казавшиеся женщинам этого круга и достатка повседневными, начинают звучать архаизмами: 5 ст.ложек каперсов (25), 1 кило осетрины (25), ваниль, корица, гвоздика, мед, орехи, какао.

Во многих рецептах добавляется небольшое количество водки или коньяка.

Считают иногда еще по старинке «фунтами» и «вершками»(16).

Есть рецепты, которые воспроизвести невозможно либо потому что некоторые слова неразборчивы (11), либо рецепт непонятен (6) – когда молоко вливается в пиво.

На фоне нейтрального стиля кулинарных рецептов, записанных на полотнах, вычленяются особые секреты каждой хозяйки, у которой своя мера «на глазок», свое ощущение готовности:

«варить, пока сироп не будет растягиваться ниткой между пальцев» (15);

«тесто раскатать колбасками толщиной в карандаш, нарезать кубиками в ноготь на мизинце» (16);

«сочень толщиной в палец»;

«лепешки меньше чайного блюдца» (17);

«хорошо замесить тесто, сложить в салфетку, завязать свободно концы, опустить в холодную воду на ночь»;

«мука сколько заберет» (66).

Разумеется, используются уменьшительные, но очень редко «горсточка», «рюмочка», «положить оладушками на противень» (38).

Помимо кулинарных рецептов, записаны рецепты от малокровия и для улучшения кожи лица. Это в том страшном не отапливаемом бараке, где о зеркале невозможно даже было подумать.

10 яиц целиком со скорлупой. 10 лимонов нарезать с коркой, сложить в банку, засыпать 11/2 кило сахара, залить 1 бутылкой коньяку. Закрывать и поставить в темное место на 30 дней. Процедить. Пить 3 раза в день по рюмочке. (от малокровия);

1 яйцо, 1 лимон. Яйцо целиком со скорлупой обложить очищенным от корки и нарезанным лимоном. На дно положить перламутровую пуговицу. Закрывать и поставить в темное место на 30 дней. Процедить (эмульсия для лица).

Я бы хотела закончить стихотворением Шаламова из сборника «Златые горы», где, если слово *десть*, обозначающее меру бумаги (24 листа) заменить на приблизительно тот же объем письменных знаков, но на ткани, то есть на текстуре, речь идет о негибкости человеческого духа в самых страшных условиях:

До чего же примитивен

Инструмент нехитрый наш:

Десть бумаги в десять гривен,

Торопливый карандаш –

Вот и все, что людям нужно,

Чтобы выстроить любой

Замок, истинно воздушный,

Над житейскою судьбой.

Надежда Валентиновна Бунтман

к.ф.н., доцент МГУ ФИЯР

* * *

М.И.Воронцова(Москва)

ПОСВЯЩЕНИЕ КАК ЧАСТЬ БИОГРАФИИ

В работе рассматриваются разные типы авторских посвящений в сравнении с фрагментами личных писем и мемуаров. Выделяются две основные модели, различающиеся по тому, кому адресовано посвящение.

Можно ли рассматривать посвящение как самостоятельный литературный жанр?

Какие бывают посвящения и для чего их пишут?

К кому на самом деле обращается автор?

Входит ли посвящение в текст произведения?

Согласно словарю литературных терминов, посвящение – надпись в начале произведения, указывающая на лицо, которому оно посвящено.

Посвящения существовали и в допечатную эпоху. Основным адресатом были вышестоящие персоны или боги. После изобретения книгопечатания они сохранили своих адресатов. «Сильным мира сего» нужно было посвящать свои произведения из политических или конъюнктурных соображений. Бывало, что издатели настаивали на посвящении, так как это могло принести прибыль или покрыть расходы на издание книги.

По структуре тексты посвящения обычно следуют одной модели – «Кому» – с различным уровнем расширения или кодирования.

Модель «1-» («закодированное посвящение» – *адресат* известен *автору* и *адресату*, и возможно, людям, входящим в круг, приближенный к адресату; *читатель* не должен знать имени)

Пример

Зинаида Гиппиус

ПЕТУХИ

П. С. С.

Модель «1» (*адресат* называется, но без указания взаимоотношений с *автором*, без дополнительных пояснений)

Пример

Виктор Гофман

КРИК АЛЬБАТРОСА

К. Бальмонту

Модель «1+» (адресат называется, с указанием взаимоотношений с автором, без дополнительных пояснений или с небольшими дополнениями)

Пример

Венедикт Ерофеев
МОСКВА – ПЕТУШКИ

Вадиму Тихонову,
моему любимому первенцу,
посвящает автор
эти трагические листы

Модель «1++» (адресат называется, с указания взаимоотношений с автором, с дополнительными пояснениями, имеющими отношение к созданию произведения)

Пример

Карен Прайер
НЕСУЩИЕ ВЕТЕР

Моему отцу, Филиппу Уайли,
которому я рассказывала
все эти истории.

Модель «1+++» (адресат называется, с указания взаимоотношений с автором, с дополнительной информацией о прошлом автора и адресата)

Пример

Ричард Адамс
ВЕЛИКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КРОЛИКОВ

Посвящаю эту книгу моим дочерям
Джюльетте и Розамунде.
С нежностью вспоминаю дорогу к Страдфорд-он-Эйвон.

Как видно на примерах модели 1, голос автора звучит уже до начала произведения, и *читатель* оказывается в некоторой степени посвященным в личную жизнь писателя, но произведение посвящено не ему – оно написано «для кого-то другого».
Ср. **Модель 2** (адресат – читатель)

Пример

Ричард Бах

ЧАЙКА ПО ИМЕНИ ДЖОНАТАН ЛИВИНГСТОН

*Невыдуманному
Джонатану Чайке,
который живет в каждом из нас.*

При сравнении с другими литературными жанрами, можно заметить, что посвящения модели 1 тяготеют к биографическим произведениям, мемуарам, письмам и дневниковым записям, и не являются частью произведения; в то время как посвящения модели 2 больше похожи на *послания*, и могут считаться частью самого произведения.

Библиография

1. Аверинцев С.С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. М., 1986.
2. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. — М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925.
3. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.

Воронцова Марина Игоревна
мнс лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ

* * *

М.В. Головизнин (Москва)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТОТЕМСКОГО ХРАМОВОГО БАРОККО. РОЛЬ ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Стиль тотемского храмового барокко является выдающимся образцом «периферийного» барокко России. Если соседний с Тотьмой Великий Устюг неоднократно удостаивался монографических описаний своей архитектуры, то книги об архитектуре Тотьмы еще, вероятно, ждут своего появления. В конце XVIII века в этом небольшом купеческом городе было возведено более десятка монументальных храмов в стиле барокко, стены которых украшены витиеватыми картушами. Архаичные пятиглавые конструкции храмов Тотьмы не имеют аналогов в европейской

части России, но зато их «родственники» имеются в четырёх тысячах километров от Тотьмы - в Иркутске и по берегам реки Селенги. Примечательно что «тотемские» храмы Прибайкалья расположены исключительно вдоль чайного торгового пути, который из Иркутска пролегал по Байкалу, потом по реке Селенге в Монголию и далее – во внутренние районы Китая. Ни западнее Иркутска, ни в Восточном Забайкалье, где господствует Нерчинская архитектурная школа, ничего похожего на «тотемский» картуш нет. Данное явление принято объяснять тем, что тотемский стиль в упрощенной форме (на родине картуш более сложен и изящен, чем в Восточной Сибири) был воспринят сибирскими мастерами, так как богатые купцы, тотмичи по происхождению, выступали заказчиками строительства церквей. На наш взгляд, дело обстоит как раз наоборот: не забайкальские картуши являются упрощением тотемского декора, а «тотемское барокко» стало результатом дальнейшего развития эстетических приёмов, привнесённых из Восточной Сибири в Европейскую Россию тотемскими купцами.

Гипотеза «тотемского» происхождения сибирских картушей имеет немало контраргументов. Даже ее приверженцы оговариваются, что нет никаких документальных сведений, как тотемские купцы выступали заказчиками, а тотемские мастера - строителями храмов в Иркутске или, тем более, в Селенгинске. Сохранившиеся документы говорят о том, что церкви строились местными сибирскими мастерами. **2)** Установленная датировка постройки тотемских церквей не позволяет утверждать, что они построены раньше прибайкальских. Самые старые из последних, как например, Спасская церковь в селе Урик, строились или раньше, или одновременно с церквями в Тотьме. **3)** Традиции храмового зодчества в Восточной Сибири в целом более древние, чем в Тотьме, где до 30-х годов XVIII века вообще не велось каменного строительства. **4)** Если предположить, что тотемский стиль гипотетически дошёл до Забайкалья, то почему ни в Тобольске, ни в Тюмени, ни в Томске он не оставил о себе никаких зримых свидетельств, в то время как путь «московского барокко» в Сибирь через «этапы» Великого Устюга, Соликамска, Верхотурья, Тобольска и Енисейска достаточно очевиден. **5)** Тотемские купцы, бывшие заказчиками храмов у себя на родине, десятилетиями жили не в Тотьме, а в Иркутске и Забайкалье, которое становилось их второй родиной/ Будучи очень молодыми людьми, они уезжали в Восточную Сибирь на 20 и более лет, формировались там как личности, воспринимая местные традиции. В административно-территориальном делении Тотемского уезда XVIII, XIX веков встречается название «улусец», имеющее явно сибирское происхождение. **6)** Каменное строительство в Тотьме происходило на фоне не экономического расцвета, что было бы логично, а напротив, значительного упадка традиционной промышленности города, подтверждаемого документами. Однако, основным аргументом в пользу восточносибирских корней тотемского стиля на наш взгляд является тот факт, что ни в одном из близких к Тотьме архитектурных центров России не было традиции украшения церковных стен картушами. В самой Тотьме она держалась не более чем 25-30 лет в самом конце XVIII-го века. В то же время, как мы показали ранее, восходящий к местным бурято-монгольским традициям картушный декор церковных стен в Прибайкалье существовал в разных видах почти целое столетие, с 40-х годов XVIII-го до 30-х годов XIX-го века. Подобно тому, как товары с Ближнего Востока влияли на эстетические вкусы венецианской знати, барокко в Сибири, на наш взгляд, также испытывало воздействие торговых отношений. Поток дешёвых товаров и сырья из Сибири в Европейскую Россию способствовал упадку и затуханию некоторых традиционных промыслов Русского Севера, каковым являлось солеварение, обеспечившее экономическое развитие северного Прикамья, Сольвычегодска и Тотьмы столетием ранее. Это стимулировало миграцию северян в Сибирь, где они принимали участие в зверобойном промысле, торговле с Китаем, Русской Америкой и возвращались на родную Вологодчину тогда, когда приходило время подумать о Вечном. И, возвращаясь, строили великолепные храмы.

Марк Васильевич Головизнин

Институт глобализации и социальных движений

* * *

Валерий Гречко(Кобэ, Япония)

За гранью слова: невербальные элементы в современной русской поэзии

Согласно словарному определению, поэзия представляет собой вид словесного (вербального) искусства. Это именно то понимание поэзии, которое является наиболее очевидным и привычным. Однако подобное определение в применении к современной поэтической практике верно лишь отчасти. Уже беглого взгляда на сборники современной поэзии или на поэтические страницы, представленные в Интернете, будет достаточно, чтобы понять, что современная поэзия характеризуется интенсивным использованием паравербальных и паралингвистических средств. Занимая в традиционной поэзии маргинальное положение, эти средства играют в творчестве современных поэтов весьма существенную роль, нередко выдвигаясь в центр их поэтической практики. В данном обзоре мы попытаемся дать общую классификацию паравербальных и паралингвистических средств современной поэзии, а также ответить на вопрос, каковы причины столь интенсивного их использования в последнее время.

В качестве основных типов поэтических средств, выходящих за рамки вербальности в строгом смысле этого слова, можно отметить следующие:

1. Пограничные случаи, при которых объектом экспериментов становится сам языковой код. В результате он теряет свой системный характер, а в некоторых случаях может полностью разрушаться. Наиболее известным примером подобного рода является так называемый заумный язык русских футуристов, традиция которых активно разрабатывается и современными поэтами (С. Бирюков, С. Сигей, Р. Никонова и др.). Трансформации стандартного языкового кода в заумном языке могут затрагивать различные языковые уровни и доходить до его полного разрушения. В таких случаях мы имеем перед собой сообщение, лишь формально подходящее под критерии вербальности, по сути же являющееся псевдо- или паравербальным.

2. Визуально-графические элементы. Современные поэты активно используют самые разнообразные графические элементы, создавая своего рода подобие пиктографического письма. Благодаря их использованию возрастает свобода пространственной организации текста, с одной

стороны, и последовательности его восприятия, с другой. Текст принимает нелинейный характер, и пространственное расположение его компонентов становится значимым фактором.

Интересным явлением, балансирующим на грани вербальности и визуальности, являются различного рода палиндромы, получившие в современной русской поэзии очень продуктивное развитие (Д. Авалиани, В. Гершуни и др). Палиндромы, хотя и состоят из последовательности отдельных звуков-букв, воспринимаются как целостные образы. Как отмечает Ю. Лотман, при восприятии палиндромов одновременно активизируются когнитивные механизмы, связанные с обработкой дискурсивной и пространственно-визуальной информации.

3. Качественно новым шагом в использовании визуальных средств можно считать тенденцию к кинетизации, при которой статичное изображение становится подвижным (видео, анимация и т.д.) и поэтический текст перерастает в сложный мультимедийный комплекс (например, «флэш-поэзия» Елены Кацубы).

4. Включение в текст визуально-тактильных, телесных в своей основе компонентов. В первую очередь сюда относится широкое использование жестов. В творчестве современных поэтов жесты представляют собой переходное звено между вербальными и визуальными средствами выражения, стоя в одном ряду с пиктограммами. Соотношение вербального и визуального моментов при использовании жестов может быть различным – от чисто экспрессивных жестов, призванных передать эмоциональные состояния или эпатировать публику, до целых систем жестовой символики, «переводящих» в движение элементы языкового кода.

К этой же категории можно отнести техники, эксплуатирующие различные маргинальные моменты тактильного характера (например, движение рук при перелистывании страниц). За явным игровым моментом здесь угадывается еще и очень глубокое родство вербального и телесного, заставляющее нас вспомнить о первоначально жестовой природе языка и вообще телесной основе всех когнитивных способностей. В этом же ряду телесно-физиологических средств воздействия современной поэзии стоят фонационные паралингвистические техники – использование тембровых и интонационных возможностей голоса («новая риторика» Л. Березовчук).

Валерий Михайлович Гречко

PhD, lecturer, Kobe University (Japan)

* * *

Дооге, БенВ.(Гент, Бельгия)

Об одной фантомной публикации «Котлована» А. Платонова

Обычно считают, что повесть А. Платонова «Котлован» впервые была опубликована на западе в 1969 году, в лондонском журнале *Студент. Журнал авангарда советской литературы* (на русском языке, выпуск 13-14), а потом уже в 1973 году, в мичиганском издательстве Ardis (на русском и английском языках, с предисловием Иосифа Бродского). Оказывается, однако, что «Котлован» уже был опубликован раньше, в 1968-м году, в издательстве Clarke, Irwin and Company Limited (Торонто). Эта публикация осталась неизвестной до сегодняшнего дня. В библиотечных каталогах ее нет, но ее можно найти через библиотечную систему worldcat с поисковым термином «The Pit» (именно под этим заглавием книга вышла). Однако достать экземпляры этой версии невозможно, так как ее нигде нет. И это неудивительно: публикация на самом деле является фантомной. Издательство E.P. Button (Нью-Йорк) хотело опубликовать Котлован с предисловием Е. А. Евтушенко. Для того чтобы другие американские издательства не смогли опубликовать повесть или перевод, нью-йоркское издательство связалось с издательством из Канады, Clarke, Irwin and Company Limited. Оба издательства договорились, что канадское издательство напечатает 10 экземпляров на русском языке, зарегистрирует повесть и продаст ее разным книжным магазинам. Все было сделано именно так, по крайней мере, об этом говорят документы в архиве канадского издательства. Повесть вышла совсем маленьким тиражом и, кажется, ни одного экземпляра от него не сохранилось. Более того, нью-йоркское издательство в итоге так и не опубликовало повесть Платонова. Почему именно все так сложилось – загадка. В докладе будет освещена история этой фантомной публикации.

Dhooge, Ben W. – Дооге, Бен В.

Dr. / Ph.D.

Гентский Университет, Кафедра славянских и восточно-европейских исследований, Розир 44,
9000 Гент, Бельгия

* * *

С.М. Евграфова(РГГУ, Москва)

СТИЛЕВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТЕКСТА И ЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ ПИШУЩЕГО

Изучение текстов, созданных носителями языка, обладающими разным уровнем языковой компетенции, но не являющимися профессиональными литераторами, показало, что самые резкие различия между ними обнаруживаются в двух плоскостях: в отношении пишущего к чужой речи и в отношении к собственному речевому образу (см. [Евграфова 2010], [Евграфова 2011]).

Иными словами, развитие письменной речи происходит благодаря осознанию собственного языкового «я», путь к чему лежит через языковую рефлексю.

В языковом социуме компетентных носителей языка намного меньше, чем некомпетентных (о компетентности носителя языка см. [Базжина, Евграфова 2008]). Подавляющее большинство людей хаотично и неосознанно употребляет в своей письменной речи обрывки услышанного и прочитанного, порождая то, что принято называть естественной письменной речью. Сама природа письма побуждает при этом пишущего к обдумыванию и исправлению собственного текста, к подражанию неясным эталонам, поэтому неразвитая письменная речь представляет собой смесь записанной собственной устной речи и непроизвольного «языкового плагиата». Более образованные и начитанные люди ориентируются на авторитетные образцы речи и стереотипы и нормы, которые нам задает литературный язык и культурная традиция. В письменной речи таких людей смешиваются стандартные формулы, цитирование и элементы собственного языкового творчества. И лишь небольшая часть носителей языка осознанно ищет свое языковое «я» и последовательно воплощает его в своих текстах^[11]. Даже среди профессиональных литераторов таких меньшинство. Таким образом, наши отношения с собственными текстами складываются из постоянного взаимного обогащения и развития врожденных речевых способностей, речевого опыта и языковой рефлексии.

Специалисты по человеческому интеллекту установили, что речевых способностей две – *способность понимать речь*, то есть продуцировать мысленный образ при восприятии словесного знака в его устной или письменной форме, и *способность породить речь*, то есть переводить мысленные образы в словесные знаки (см. об этом, например, [Холодная 2002:110–127]). Глубокое понимание чужого устного и письменного текста требует и развитой способности к распознаванию образов, и внимания, и памяти. Данная способность развивается при постепенном усложнении воспринимаемых текстов, особенно при медленном и вдумчивом чтении (см. об этом [Поварнин 1924 (1962)]), при получении новых знаний через чтение, при переводе с чужого языка – иными словами, при активной языковой рефлексии. В бытовом и профессиональном общении, где обсуждаемые ситуации стереотипны и легко вычислимы, эта способность развивается лишь до некоторого предела, который обусловлен тем видом деятельности, которым занимается человек.

Способность к порождению речи не вполне симметрична по отношению к способности понимать сказанное или написанное. Полноценное порождение речи предполагает, что говорящий / пишущий отражает с помощью второй сигнальной системы некую реальную или воображаемую ситуацию, мысленный образ которой у него имеется. Целью этого отражения является коммуникация, успешность которой сильно зависит от того, насколько точно адресант способен прогнозировать, какие мысленные образы рождаются у адресата при восприятии порожденного высказывания. Чем точнее носитель языка вычисляет возможности восприятия собственного высказывания, тем более результативно он способен воздействовать на слушателей или читателей. Такое прогнозирование предполагает активную языковую рефлексю и требует внимания, развитого воображения, эмоциональной восприимчивости, памяти и развитой способности к прогностике. Но и «плетение словес», перевод неупорядоченных мысленных образов в слова и их сопряжение в грамматически приемлемые конструкции (пусть и напоминающие по бессмысленности хомскианское «Зеленые идеи яростно спят»), тоже есть проявление способности к порождению речи, только не подкрепленная коммуникативной одаренностью. Пустословие и графоманство встречаются чаще, чем дар говорить и писать осмысленные вещи, и это – результат отсутствия самоконтроля через понимание, неспособность к саморедактированию (см. [Базжина 2010]).

Речевой опыт снабжает нас материалом для использования в собственной речи, в течение всей жизни мы его накапливаем, подсознательно и сознательно запоминаем и классифицируем, учитывая его пригодность к употреблению в различных микросоциумах.

Каждый из нас, общаясь в различных микросоциумах, живет в ситуации социальной полиглоссии. Порождая тексты, мы можем смешивать запомнившиеся элементы и конструкции, свойственные коммуникации в различных микросоциумах, в результате чего тексты могут оказаться стилистически неоднородными: например, в разговорную речь попадут официально-деловые клише, а в научную речь – разговорные выражения.

Речевые способности и активная языковая рефлексия помогают нам отбирать нужный речевой материал для использования в той или иной коммуникативной ситуации. В устном общении на помощь коммуникантам приходит коммуникативная способность воспринимать невербальные эмоциональные реакции собеседника: если наши слова вызывают неудовольствие, мы корректируем свое речевое поведение. Но в письменной речи оптимизировать текст можно только с помощью активной языковой рефлексии.

Языковая рефлексия подразумевает обдумывание речевого опыта, в результате чего человек делает частные выводы относительно общего устройства языка, относительно сходств и различий между отдельными элементами и структурами или относительно условий употребления тех или иных единиц. Социально ориентированный человек будет учитывать при отборе составляющих своей манеры речи не только свои оценки, но и оценки окружающих, особенно уважаемых (самим говорящим или социальной группой, которая для говорящего важна). Большую роль в рефлексивных процессах, особенно в языках с давно существующей письменностью, играет и традиция – с ее жанрами, охранительной архаикой, модными тенденциями. Вот почему особый интерес представляет изучение языковой рефлексии высококомпетентных пишущих – писателей, ярких журналистов, талантливых лекторов и др.

Одной из диагностических точек в определении уровня компетенции носителя языка является умение комбинировать в собственном тексте языковые единицы различной стилистической окраски. Введем понятие **стилевой неоднородности текста (СНОТ)**: так мы будем называть сосуществование в тексте элементов и конструкций, частотных в различных типах коммуникации. В письменной речи СНОТ воспринимается как смешение в тексте языковых средств, разнородных по стилистической окраске. Примечательно, что в зависимости от потенциальной компетентности адресата руководства по стилистике дают различные оценки СНОТ: в общераспространенных пособиях (см. [Кожина 1993:101]) не рекомендуется сочетать неоднородные в стилистическом отношении элементы, в пособиях для журналистов рекомендуется с осторожностью комбинировать экспрессивные и нейтральные средства (см. [Смелкова и др. 2002:81]), а писателям разрешается всё что угодно, – правда, результаты взыскательные читатели оценивают весьма строго.

В виноградовской традиции изучения языка художественной литературы экспрессивность противостоит нормативности. Так, А.И. Горшков пишет об *открытости* текстов послепушкинской эпохи: он называет открытостью текста «допустимость в его составе элементов и словесных рядов, которые на уровне языковых единиц оцениваются как ненормативные» ([Горшков 2001:359]). Понятие стилевой неоднородности текста шире: оно не ориентируется на понятие нормы как неизменной точки отсчета и рассматривает литературный язык как динамическую, коммуникативно ориентированную систему.

Понятие СНОТ описывает как тексты художественные, так и тексты, содержащие лишь незначительные следы сознательной обработки. Сравним два отрывка.

1. *Вскинешь кверху тяжёлую, как лом, одностволку и с маху выстрелишь. Багровое пламя с оглушительным треском блеснёт к небу, ослепит на миг и погасит звёзды, а бодрое эхо кольцом грянет и раскатится по горизонту, далеко-далеко замирая в чистом и чутком воздухе.*

— Ух, здорово! – скажет мещанин. – *Потрачайте, потрачайте, барчук, а то просто беда! Опять всю дулю на валу отрясли...* (И. Бунин. «Антоновские яблоки»)

2. *Прошло несколько дней. Он разыскал её по междугороднему телефону и честно признался, что у него есть жена и сын и его неотложные семейные дела не позволили ему проводить её в аэропорт. Он говорил, что до сих пор ощущает её прикосновение к его сердцу и полон воспоминаний о ней. Скоро в Москве в Министерстве будет проводиться очередная ежеквартальная коллегия директоров, и мы непременно увидимся.* (З. Столярова. «Маленькая Зинаида»)

Для различения двух видов стилевой неоднородности – целенаправленного и случайного – введем два понятия: стилевой дифференциации текста и стилевой невыстроенности текста. **Стилевая невыстроенность текста (СНВТ)** возникает, когда пишущий не задумывается над различиями в стилистической окраске элементов и конструкций, которые он использует для выражения своих мыслей и чувств, или когда он не ощущает их, в то время как хотя бы для части читателей они заметны. **Стилевая дифференциация текста (СДТ)** является отражением языковой рефлексии пишущего над тем, как различаются употребляемые им элементы и конструкции по стилистическим характеристикам. СДТ выражается в том, что пишущий (во всем тексте или в его части) устанавливает отношения контекстного подобия или контекстной противопоставленности между языковыми единицами, обладающими некими семантическими характеристиками, в результате чего соответствующие единицы приобретают в данном тексте экспрессивный характер.

Разберем в качестве примера рассказ В.С. Гроссмана «Жилица», написанный в 1960 г. (размеченный текст прилагается).

Рассмотрим способы номинации персонажей (в тексте номинации, относящиеся к главной героине, выделены полужирным шрифтом, а прочие – полужирным курсивом). Способы номинации главной героини содержат разнообразные комбинации из имени, отчества и фамилии, упоминания о ее возрасте и поле (*старушка, старая женщина, молодой женщиной она, эта женщина* и др.), статусе (*реабилитированная, новая покойница*) и – только в заглавии – о ее общественном статусе: *жилица*. Прочие персонажи называются по их общественному статусу, часто – во множественном лице: *соседка, докторша, врач, почтальонша, жильцы квартиры, обитатели квартиры* и др. Даже индивидуализация персонажей сопряжена с упоминанием общественного статуса: *школьница Светлана Колотыркина; мать Светланы, контролер ОТК на автомобильном заводе малолитражных машин; водитель троллейбуса Жучков, очень нервный человек, с женой и ребенком*. Так автор в контексте данного рассказа актуализует семантический признак «личность / обезличенность», который в группе имен нарицательных, обозначающих профессии, должности, общественный статус, если и имеется, то лишь на периферии, как потенциальный. Актуализация признака есть отражение авторской рефлексии.

Эта особенность – через повтор семы актуализовать неявный признак – раскрывается в литературоведении через лингвистически бессодержательный термин *художественный прием*, а в виноградской традиции изучения языка художественных произведений – через достаточно удобный термин *словесный ряд*.

Однако СДТ не исчерпывается актуализацией семантического признака в словесном ряду. Признак «обезличенность» усиливается в тексте рассказа наличием словесного ряда, объединенного семой «совместный, коллективный», которая актуализуется в употреблении

множественного лица, в образе коммунальной квартиры с совместными воскресными чаепитиями, игрой в карты и выписыванием газет на всех сразу, а также в подчеркнутых в тексте пунктиром единицах (*посоветовавшись, коллектив* и проч.). Возникающий семантический резонанс исключает трактовку коммуналки и коллектива как символов дружелюбности, зато порождает ассоциации с признаком «коллективная ответственность / личная безответственность = безразличие». Этот признак оживляет образ докторши, которая «сделала старухе укол, сказала, что все будет в порядке, и уехала», образ врача, который «посмотрел зрачки у новой покойницы, вздохнул для приличия и уехал», напоминает, что «все жильцы удивительно быстро забыли о том, что несколько дней в их квартире жила реабилитированная старуха». Начинают возникать вторичные элементы словесного ряда с семьей «безразличие»: *все будет в порядке, сказала и уехала, для приличия, забыли, куда теперь эту бумагу, а куда ее, никуда; а куда спешить* – причем среди членов этого ряда преобладают разговорные выражения.

Идея коллективной ответственности вводит семантику «правильности» («Мы обязаны ее в домоуправление сдать, поскольку эта женщина имела здесь постоянную прописку» – «Вот это правильно»). При этом правильность неявно оценивается неназываемым субъектом, но он угадывается по присутствию семы «репрессии», по обезличенным способам номинации персонажей и по обилию канцелярских штампов (*получившая по ордеру, жилая площадь, после получения ордера, участвовала в гражданской войне, ответственная работа, о преподавании русской советской литературы* и др.), – это государство. Таким образом, навязчивый канцелярский стиль, присутствующий в рассказе с первой строки, является отражением авторской языковой рефлексии, а не следствием неумения писать. Обратим внимание на то, что в рассказе противопоставлены друг другу канцелярские обороты, разговорно-бытовая речь и нейтральный литературный язык. Последнего немного; выделим в тексте рассказа соответствующие фрагменты синим. Получается сдержанное изложение основных событий жизни Анны Борисовны Ломовой.

Все события ее жизни изложены в обычном прошедшем времени, за исключением «мифических», с точки зрения соседей, деталей, которые даны как ирреальные (маркировано словами *видимо, будто бы*). Настоящее/будущее время отданы жильцам квартиры, и в их разговор за картами вставлена двусмысленная фраза, неоднозначность восприятия которой обусловлена присутствием в рассказе противопоставления жизни и смерти: «Кто остался, тому и сдавать». Формула игры в карты превращается в философское обобщение: кто не умер, тому предстоит определять будущее страны. А не умерли обезличенные винтики государственной машины, очень нервные люди – и дети, школьники.

Мы рассмотрели, как в тексте возникает стилевая дифференциация, – она складывается из проявляющихся в контексте семантических сближений и противопоставлений признаков, которые лежат в основе различных словесных рядов. Важно, что СДТ порождается именно не объективными характеристиками языковых единиц (их экспрессивностью, стилистической маркированностью – например, принадлежностью к официально-деловому стилю, или просторечностью, или архаичностью), а именно авторским пониманием того, как вписываются эти единицы в создаваемую его текстом реальность, – то есть языковой рефлексией пишущего.

Стилевая дифференциация может охватывать весь текст, а может только фрагменты текста. В значительных по объему текстах системные отношения между словесными рядами могут быть неодинаковыми в разных частях сочинения. Это связано с тем, что пишущие зачастую не могут (по неопытности) или не хотят (избегают однообразия) выдерживать избранную манеру изложения на протяжении всего произведения. СДТ может выполнять в тексте следующие функции.

- Изобразительную (детальное описание особенностей речи персонажа – акцента, диалектной принадлежности, нервности и проч. – встречается, в частности, во многих произведениях Ф.М. Достоевского).
- Дифференцирующую (эскизное, символическое или детальное описание особенностей речи персонажа или группы персонажей, нацеленное на то, чтобы отличить его от других, – типично для речевой характеристики как приема – начиная с эпохи классицизма и заканчивая современной литературой, а также для композиционного упорядочения произведения).
- Стилизирующую (использование особенностей речи для создания образа автора или образа эпохи или для мистификации – например, в «Петре Первом» А.Н. Толстого или в произведениях Б. Акунина).
- Самоидентифицирующую (выработка автором нестандартной и узнаваемой манеры речи, которая не привязывается к эпохе или человеческому типу, – таковы А.П. Платонов и Андрей Белый).
- Семантизирующую (использование особенностей речи для передачи определенной идеи – в качестве примера можно привести произведение В. Сорокина «Тридцатая любовь Марины», рассказ Гроссмана «Жилица»).
- Комбинированную (совмещение нескольких функций).

Если в тексте встречаются стилистически маркированные единицы, не образующие системно организованных словесных рядов, значит, автор не отрефлектировал соответствующее языковое противопоставление. Например, во многих фрагментах произведений Л.Улицкой (таков рассказ «Генеле-сумочница») встречаются неупорядоченные канцеляризмы, из чего следует, что писательница не воспринимает официально-деловой стиль как нечто не вписывающееся в ткань нейтрального литературного языка, вступая здесь в противоречие с известной позицией К.И. Чуковского, Норы Галь и многих других.

Отметим, что в литературоведении и стилистике художественной речи принято говорить о близких явлениях в иных терминах (речевые характеристики персонажей, авторская / чужая речь, интертекстуальность, словесные ряды, точка зрения, стилизация текста, пародия), но они нацелены на описание структуры текста и/или функций стилевой неоднородности в тексте. В лингвистике исследуются лишь семантические отношения между единицами некоторого поля, однако игнорируется системность применения элементов выбранного поля в текстах. Термин «стилевая дифференциация текста» ориентирован на описание речевых особенностей текста как цельного произведения произвольного стиля и жанра и помогает раскрыть, как работает в речи языковой механизм отбора вариантов языковых единиц.

Изучение стилевой дифференциации текста может быть направлено и на изучение авторской языковой рефлексии в целях изучения закономерностей развития речевой способности человека, и на изучение различных аспектов традиционной стилистики: идиостиля писателя, и на изучение закономерностей становления и развития литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

[Базжина 2010]: Базжина Т.В. Лингвистическое осмысление редакторской работы // Материалы выступления на круглом столе на конференции МПГУ «Понимание в коммуникации»-4 (9–11 февраля 2010, Москва) (презентация)

[Базжина, Евграфова 2008]: Базжина Т.В., Евграфова С.М. Новая социальная ценность – компетентный носитель языка // VII выездная школа-семинар «Проблемы порождения и восприятия речи». Материалы. – Череповец, 2008.

[Горшков 2001]: Горшков А.И. Русская стилистика. – М.: Астрель, 2001.

[Евграфова 2010]: *Евграфова С.М.* Речевые погрешности в мемуарах и речевое развитие личности // Международная конференция «Маргиналии-2010: границы культуры и текста». – М.: МГУ, 2010.

[Евграфова 2011]: *Евграфова С.М.* Становление письменной речи и обучение родному языку в школе и вузе // *Онтолингвистика – наука XXI века.* – СПб.: Златоуст, 2011.

[Кожина 1993]: *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1993.

[Поварнин 1924 (1962)]: *Поварнин С.И.* Как читать книги. – Л.: ЛГУ, 1962 (электронная версия <http://lib.rus.ec/b/165020>)

[Смелкова и др. 2002]: *Смелкова З.С., Ассуирова Л.В., Савова М.Р., Сальникова О.А.* Риторические основы журналистики. – М.: Флинта – Наука, 2002.

[Холодная 2002]: *Холодная М.А.* Психология интеллекта. – СПб, Питер, 2002.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В.С. Гроссман

ЖИЛИЦА

Старушка Анна Борисовна, получившая жилую площадь по ордеру Дзержинского райсовета, насмешила **жильцов квартиры** тем, что у нее при въезде не оказалось ни мебели, ни кухонной посуды, ни платьев, ни даже постельного белья. Прожила она в своей комнате недолго. На восьмой день после получения ордера, идя по коридору, она вдруг вскрикнула, упала на пол.

Соседка вызвала по телефону "неотложку". **Докторша** сделала **старухе** укол, сказала, что все будет в порядке, и уехала. Но **Анне Борисовне** к ночи стало совсем плохо, и **соседи**, посоветовавшись, позвонили в "Скорую помощь". **Машина** из института Склифосовского приехала быстро, через шесть минут после вызова, но **старая женщина** к ее приезду уже умерла. **Врач** посмотрел зрачки у **новой покойницы**, вздохнул для приличия и уехал.

За те несколько дней, что **Анна Борисовна Ломова** прожила на московском Юго-Западе в своей комнате, **жильцы** кое-что узнали о ней. **Молодой женщиной** она, видимо, участвовала в гражданской войне, была будто бы комиссаром бронепоезда, потом она **жила в Персии, в Тегеране**, потом в **Москве** на какой-то ответственной работе, чуть ли не в Кремле; в разговоре со **школьницей Светланой Колотыркиной**, о преподавании русской советской литературы, она сказала: "Я когда-то дружила с **Фурмановым** и с **Маяковским**". А **матери Светланы, контролеру ОТК на автомобильном заводе малолитражных машин**, она рассказала, что в 1936 году ее арестовали и она провела 19 лет в тюрьмах и лагерях. Совсем недавно Верховный суд ее реабилитировал, признал **совершенно невинной**. Ее прописали в Москве и дали площадь.

Видимо, во время лагерных скитаний она растеряла родственников и друзей, не успела в Москве связаться с каким-либо коллективом — никто не пришел в крематорий, когда сжигали ее тело.

Сразу же после смерти **Ломовой** комнату ее занял **водитель троллейбуса Жучков**, очень нервный **человек, с женой и ребенком**. Все жильцы удивительно быстро забыли о том, что несколько дней в их квартире жила **реабилитированная старуха**.

Как-то в воскресенье утром, когда **обитатели квартиры**, попив чаю и позавтракав, коллективно играли на кухне в подкидного дурака, **почтальонша** принесла воскресную почту: газеты "Московская правда", "Советская Россия", "Ленинский путь", журналы "Советская женщина" и "Здоровье", программу радио и телевидения, и письмо, адресованное **гражданке Ломовой Анне Борисовне**.

- Нет у нас такой, - на разные голоса сказали **жильцы** и **жилицы**.

А **водитель Жучков**, тесня к двери **почтальоншу**, сказал:

- Нет такой и не было.

И тогда **Светлана Колотыркина** неожиданно сказала ему:

- Как же ее не было, когда вы в ее комнате живете.

И все вдруг вспомнили **Анну Борисовну Ломову** и удивились, как начисто забыли о ней.

Посоветовавшись, жильцы вскрыли конверт и прочли вслух отпечатанную на пишущей машинке бумагу.

"В связи со вновь открывшимися обстоятельствами решением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 8/5 1960 года **Ваш муж Ардашелия Терентий Георгиевич**, умерший в заключении 6/7 1938 года, посмертно реабилитирован, а приговор, вынесенный Военной коллегией Верховного Суда от 3/9 1937 года, отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено".

- Куда теперь эту бумагу?

- А куда ее, никуда. Обрато отослать.

- Я считаю, мы обязаны ее в домоуправление сдать, поскольку **эта женщина** имела здесь постоянную прописку.

- Вот это правильно. Но сегодня у них в домоуправлении выходной.

- А куда особенно спешить.

- Давайте ее мне. Я зайду насчет неисправности кранов и заодно ее сдам.

Потом все некоторое время молчали, а затем **мужской голос** произнес:

- Чего же это мы сидим. Кому сдавать?

- **Кто остался, тому и сдавать.**

Евграфова Светлана Маратовна

доцент Российского Государственного Гуманитарного Университета

* * *

Анна А.Зализняк(Москва)

Продленный призрак бытия: о некоторых приемах современного женского нарратива

В нарратологии принято различать повествователя, принадлежащего и не принадлежащего миру текста. Первого обычно называют «диегетическим», второго – «экзегетическим» [Падучева 1996: 203], «недиегетическим» [Шмид 2003: 82] или «гетеродиегетическим» [Женетт 1972: 253]; я буду пользоваться первым из этих трех терминов. Обычно повествование бывает выдержано в каком-то одном ключе – повествователь либо является, либо не является персонажем повествуемой истории. Мастером нарушения этого принципа, является Набоков, ср. анализ рассказа «Набор» в [Падучева1996: 385-393].

Первый нарративный прием, который я хочу здесь обсудить, состоит в следующем: в рамках одного текста имеется персонаж, обозначенный как «я», и одновременно –

эксегетический повествователь, разворачивающий перед нами рассказ о событиях, которым этот «я» никак не мог бы быть свидетелем.

Повесть Ирины Муравьевой «Мещанин во дворянстве» начинается как традиционный аукториальный нарратив. Основная часть повествования развивается за пределами поля зрения персонажа «я», но при этом текст пронизывает некая канва из отдельных картинок-воспоминаний:

Однажды *нас* пригласили на музыкальный вечер. Вообще в этот дом часто приглашали на «кого-нибудь» или «что-нибудь», но моя память отчетливо сохранила только одно из таких приглашений.

И бабушка тихо, чтобы *я*, якобы делающая уроки, не услышала: «К нам не приводил. А голову потерял. Но ты помани мое слово: куда он от жены не денется! Погуляет и вернется!»

Эти вставки навязывают восприятие текста как перволичного нарратива с диэстетическим повествователем (естественно предположить, например, что он же является субъектом восприятия, ср. первую фразу повести: *Летом в подъезде пахло ванилью, зимой – мокрым мехом*) – каковым он, однако, не является, потому что в целом рассказанная история не может быть «известна» дочери друга героя: она принадлежит всеведущему (т.е. эксегетическому) повествователю.

Тем самым здесь возникает некий «гибрид» – из повествователя диэстетического, который одновременно является персонажем повествуемой истории, и всеведущего эксегетического, не принадлежащего миру текста. Соответственно «гибридной» оказывается и сама повествовательная форма, которая, в частности, позволяет преодолеть ограничение, накладываемое формой перволичного нарратива – невозможность введения в повествование тех знаний, которые этому первому лицу недоступны. Вспомним, как в повести Тургенева «Первая любовь» описана сцена объяснения отца с Зинаидой, свидетелем которой оказывается главный герой. Хотя упоминаются лишь внешние обстоятельства, которые в принципе могли быть наблюдаемы, тем не менее, некоторый элемент условности здесь присутствует: трудно себе представить, чтобы герой все это мог видеть и слышать, находясь на расстоянии сорока шагов по той же улице от описываемого окна, к тому же наполовину закрытого занавеской. Будь здесь «всеведущий повествователь», проблемы бы не возникло.

Вышеупомянутая гибридная повествовательная форма не только решает эту проблему, но, что весьма важно, придает тексту дополнительное фикциональное измерение.

Сходный прием использован в романе Ирины Муравьевой «Веселые ребята». Роман начинается как перволичный нарратив: персонаж, обозначающий себя как «я» – одна из учениц того восьмого класса, в котором учатся герои повести («*Мы сидели на одной парте...*»; «*Переодеваясь после физкультуры, я старалась выбрать лавку подальше...*»). После того, как начинается развитие сюжета («*В это утро они сидели на лавочке втроем...*»), персонаж «я» больше не появляется на сцене, и весь текст романа представляет собой обычный аукториальный нарратив, с изложением обстоятельств, которые не могли быть известны не только девочке-ученице этого класса, обозначенной в начале романа как «я», но также и никому другому, так как они являются частью фикционального мира текста, т.е. могут быть «известны» только повествователю. Повествователь на протяжении всего текста является столь определенно эксегетическим, что к концу романа читатель забывает о том, что в начале пару раз встретилось местоимение *я* – вплоть до самого последнего эпизода, выпускного вечера на речном

трамвайчике, где снова оказывается, что «я» все это время жила среди героев романа, которые из «они» неожиданно превращаются в «мы»:

Ярко светящийся в черноте ночи речной трамвайчик ждал *их* на пристани. [...] Речной трамвайчик плыл себе и плыл, изредка рыча на другие речные трамвайчики, гораздо более будничные, чем *наш*, в которых, может быть, тоже была своя любовь, но не такая выпуклая и сияющая, как на *нашем*, — он плыл, норовистый и бесстрашный, как львенок, первый раз вышедший на настоящую охоту в большой, жизнью полыхающий лес [...] Пели ли *мы* тогда про синий троллейбус? Знали ли *мы* тогда про то, что если он синий, то значит — последний?

И тут же появляется, впервые в тексте романа, форма 1-го лица, однозначно относящая к «повествующему я»: *Хочу уточнить, что речной трамвайчик отправился в свое путешествие в ночь на двадцать первое июня*. В результате чего весь предшествующий текст должен был бы быть переосмыслен как содержащий диегетического повествователя, принадлежащего миру текста, что, однако, невозможно.

Похожий нарративный прием применяется в текстах Дины Рубиной. Ее роман «На солнечной стороне улицы» выдержан в форме аукториального нарратива, где формы 1-го лица указывают на отчетливо экзегетического повествователя. Это «выявленный» [Шмид 2003: 72] повествователь, который заявляет о себе с первой страницы, ср.:

Я, пожалуй, встряну здесь ненадолго, собою их не заслону, хотя я и автор, вернее – одно из второстепенных лиц на задах массовки...

И далее повествователь действительно постоянно «встревает» в повествуемую историю, в том числе в образе вполне реального пишущего эти строки автора – этот прием входит в классический арсенал и не выводит повествователя за рамки экзегезиса. Но в Эпиллоге происходит сцена, ключом к которой является вложенная в уста героини цитата из Набоковского «Дара» *Прощай же книга!*: тот, кто обозначается словом «я» и до сих пор выступал лишь в роли повествователя, встречается с героиней романа на вечеринке в Нью-Йорке, т.е. встречается уже не в повествование, а в сам повествуемый мир – т.е. становится персонажем и, соответственно, диегетическим повествователем (тем самым опять возникает «гибридная» повествовательная форма). При этом, поскольку главная героиня романа обладает рядом общих с реальным автором биографических черт (детство и юность, проведенные в Ташкенте, – о которых, собственно, и есть этот роман), авторское я оказывается мультиплицированным трижды.

В романе Дины Рубиной «Вот идет Мессия!...» помимо экзегетического повествователя в 1-м лице и главной героини, наделенной некоторыми автобиографическими чертами, имеется еще один автореферентный персонаж, который берет на себя оставшиеся биографические приметы реального автора – «известная писательница N». Автор, таким образом, отражается в трех зеркалах.

Зализняк Анна Андреевна

д.филол.н., в.н.с. сектора типологии ИЯ РАН

Е.В.Зименко(Москва)

Стихи к портрету или портрет к стихам?

Жанр стихотворной подписи под портретом сформировался в европейском искусстве в XVI – XVII вв. и был перенесен на русскую почву в начале XVIII в., во время петровских реформ. Однако он не был вовсе чужд русскому менталитету, поскольку уже в XVII в. получили распространения иконы западного письма с пространными русскими стихотворными подписями. Эта традиция была с легкостью перенята светским искусством, и уже к середине XVIII в. сложилась устойчивая форма стихотворного сопровождения живописного или гравированного портрета.

Для гравированного портрета стихотворная подпись была особенно естественна, поскольку сам жанр гравюры не утратил тесную связь с книгой, а отсюда – и со словом. Если первоначально подписи представляли собой некое «я – высказывание» как бы произнесенное от первого лица: я такой-то правитель, воин, чиновник, ученый и т.д., прославленный своими победами, своими деяниями или ученостью, обладатель титулов, орденов и заслуг – то присоединение к изображению стихотворной подписи предполагало появление еще одного участника – поэта.

Функция этого нового участника велика. Он обеспечивает ситуацию, когда зритель воспринимает произведение искусства, затем устремляет взор к стихотворной подписи, а от нее, обогащенный ее смыслом, снова возвращается к портрету, уже по-новому воспринимая его (гравированный Э. Фессаром и К.А. Вортманом портрет М.В. Ломоносова).

Еще более важна стихотворная подпись там, где художественный материал не выявляет сущности изображенного лица (невоинственный вид полководца П.С. Салтыкова или трагический облик княгини Е.Н. Орловой как итог знания о ее преждевременной кончине).

К середине XVIII в. практика стихотворного сопровождения гравированного портрета стала столь распространенной, что портрет без стихов уже казался каким-то незавершенным. В «Санкт-Петербургских Ведомостях» даже печатались обращения издателей портретов к поэтам с просьбой присылать подходящие стихотворные подписи к выходящим из печати эстампам.

К началу XIX в. сложилась интересная практика – стихотворная подпись оторвалась от портрета и стала самостоятельным поэтическим жанром. В творчестве многих поэтов александровской эпохи находим стихи под названием «К портрету ...», но самого портрета, которому бы эти стихи могли соответствовать, нет, что говорит о сложившемся главенстве поэтического текста над изобразительным рядом. Таковы пушкинские стихи к «портретам» П.Я. Чаадаева и В.А. Жуковского и многих других. Эти стихи, как и портреты романтической эпохи, не ставили своей задачей что-то прояснить, обозначать какие-то аспекты жизни и творчества портретируемых, но передавать настроение, задавать тональность в восприятии той или иной личности.

Портрет становится более камерным, почти интимным, и человек на нем не позирует во всем великолепии своих наград и заслуг, а погружен в раздумие, созерцание, осмысление мира и своего места в нем.

В периодике начала XIX в. появляется масса стихов в жанре подписи к портрету. Один из всплесков появления таких стихов был вызван Отечественной войной 1812 года. Пожалуй, не осталось ни одного яркого героя эпохи, к «портрету» которого не появилось бы стихотворение.

Казалось бы, в первой трети XIX века жанр подписи под портретом исчерпал себя. И действительно, мы не находим примеров того, чтобы он существовал вместе с портретом, но «генетическая память» о желательности таких стихов все же существовала. Удивительный пример обнаруживается у А.Т. Твардовского в стихотворении «К портрету Сталина» («О Сталине»), 1951–1952 (?), в котором автор не оценивает изображенного самовластного правителя, ничего не добавляет словами, а лишь стихами описывает его всем известный облик. Идея подписи к портрету низведена до абсурда.

Вот таковы беглые наблюдения над тем, как рождался, развивался и в конце концов умер жанр стихотворной подписи под портретом.

Елена Владиславовна Зименко,

отдел редких книг и рукописей НБ МГУ

* * *

Наталья В.Злыднева(Москва)

Дневник маргинала: фотоальбом Б.Михайлова «Неоконченная диссертация»

На материале специфического примера – поэтики маргиналий в фотографии Б.Михайлова – в докладе ставится проблема модальности в визуальном нарративе.

Фотоальбом-серия Бориса Михайлова (р. 1938) «Неоконченная диссертация» (1998) представляет собой своего рода дневник маргинала эпохи брежневского застоя. Этот субъектный нарратив городской окраины/районов новостроек записан в двух кодах: визуальному ряду (парафраз семейного альбома) вторит вербальный (рукописные записи на полях). В изобразительном сегменте фотоальбома план содержания («случайность» кадрирования, «дневниковый» отбор сюжетов, отсутствие постановочности фотоизображений) изоморфен плану выражения («документалистская» позиция объектива «у бедра», нарочитая «ошибочность» экспозиции, смазанный фокус и т.п.). В вербально-письменном сегменте, связанным с изображениями на основе свободной «сшибки», план выражения представлен гибридом жанров (философских цитат и размышлений, бытовых заметок, (само)иронических замечаний к картинкам), а план содержания – рассказом об анти-событии и выступает автометаописанием отчужденного сознания.

Город и его обитатели в изображениях описываются в пространственных категориях периферии: окраина, пустырь, свалка, панельный микрорайон; безличный тупик – забор, площадки долгостроя, стены гаражей, новостройки среди пустыря; «случайный» прохожий, женщины с сумками, бомжи, толкучка у входа в троллейбус. Мотив пограничья представлен и в речи автора дневниковых записей, в которой высокое/низкое и внешнее/внутреннее не выступают как различия и происходит их инверсия (снижение высокого и интимизация внешнего) и контаминация (наложение масштабов).

Фрагментированный кадр соответствует семантике пространства частного, маргинального. Но при этом *фрагмент* метонимически отсылает к *центру как целому* – семиосфере советской

среды обитания, коллективному бессознательному жителей новостроек. Эффект нарочитой «случайности» кадрировки создает колебательное движение с постоянным смещением фокуса – это и не центр, и не периферия, а градация переходов одного в другое. *Время* в репрезентации города также обозначено как постоянный сдвиг: чуть раньше и чуть позже настоящего (*только что прошедший* прохожий или садящиеся в троллейбус *будущие* пассажиры).

Принцип градаций репрезентирован в мотиве *серого*: от цитаты из Беньямина в подписи к первой фотографии серии («Все стало серым») до серой гаммы «любительских» фотографий. Серое выступает как агент трансформаций бинарной системы цветовых обозначений (черно-белого и его метафорического перевода в план социальный) в тетрарную, выступая не нейтрализацией основной оппозиции, а ее альтернативой, дополняющей противопоставление импликацией и отождествлением. Вследствие этого рассказ о сером можно трактовать как фиксацию динамических процессов – состояний, как визуализованную модальность. В системе градуированных значений реализован нарратив призрачной действительности, которая располагается в срединной зоне на шкале мерцающих переходов-признаков от бытия к не-бытию. Поэтика маргиналий в фотоальбоме Михайлова отмечена иконически (от абсурда заметок на полях до темы/ремы изображений ничтожного) и символически (экзистенциальная проблематика «края»). Эго-нарратив урбанистического пограничья строится на основе динамической модели частного, телесного, преходящего во времени, в которой непрозрачно и непреходяще только состояние. Это способ описания континуальности в дискретных категориях.

Наталья Витальевна Злыднева, доктор искусствоведения,
заведующая отделом истории культуры Института славяноведения РАН

* * *

Г.В.Зыкова(Москва)

Незавершенные и неизданные мемуарные тексты советского времени и проблема искусственного уточнения их жанровой природы при подготовке к изданию

Предполагая обсудить соотношение художественного и нехудожественного начал в мемуарном произведении, мы обычно имеем в виду, что некоторое определенное соотношение является внутренним свойством самого текста, может быть, и не всегда отрефлектированным автором, но в любом случае созданным именно автором. Между тем, возможно, довольно большая группа текстов — имеет в этом отношении совершенно особую, как представляется, природу.

Некоторое время назад, готовя к печати воспоминания Дмитрия Ивановича Журавлева^[12], я оказалась вынуждена редактировать незавершенный текст (довольно большой, около 30 п.л.), сокращая и выстраивая неопределенную автором последовательность глав.

Это представлялось необходимым для того, чтобы подать воспоминания как книгу для чтения: писавшееся в стол в значительной степени было автокоммуникацией. Среди устраненного (как неинформативные длинноты), например, частые попытки воспроизвести сам процесс припоминания, когда сначала утверждается одно (причем не как слух или чужое мнение, а как то, что вспомнилось в первую очередь), потом автор возражает самому себе («да нет, не могло быть такого, и вот почему»), потом предлагается альтернатива...

Еще устранялись, например, некоторые пояснения, прежде всего деталей православного богослужения. Между тем, вроде бы решительно лишние для современного читателя, эти пояснения, возможно, имеют свой смысл, потому что рисуют образ потенциальной тогдашней аудитории (студенческой в глухое советское время? автор был профессор-физик). Эти «избыточные» пояснения формируют и некоторые существенные черты образа автора как человека, очутившегося в чужом, почти враждебном мире.

Вот еще случай сокращения, другого типа: убрана целая глава, большая, с тяжелыми натуралистическими подробностями: описание медленной и мучительной смерти старшего брата-ребенка от хронической болезни. Убрана как имеющая прежде всего какое-то личное психологическое (терапевтическое?) значение для автора — и потому что она, по сравнению с другими главами, содержит мало внешне общезначимых, «исторических» подробностей быта.

Все эти сокращения, как видно, предполагали презумпцию нехудожественной природы текста: художественный текст (и тут вопрос о степени одаренности автора выносится за скобки, не в том дело) заведомо не подлежит сокращениям, потому что тут каждая деталь потенциально обладает необходимым символическим смыслом; текст собственно документальный может быть сокращен и перекомпонован с точки зрения информационной целесообразности. Понимая текст как документальный и тем самым извне уточняя его природу (саму по себе довольно неопределенную), редактор исходит из прагматических соображений (полезную для историка информацию легче продать, чем «литературу»), но возможность такой деформирующей редакции — следствие «незавершенности» текста. Эта завершенность не только в формальной недописанности, но и в том, что автор не указал, как относиться к тому, что он сделал.

Не могу утверждать, что этот конкретный случай типичен, но рискну предположить, что воспоминания, писавшиеся в советское время «в стол», чаще всего без расчета на то, что их хоть когда-нибудь напечатают, наверняка очень часто представляют будущему издателю трудности подобного рода.

Галина Владимировна Зыкова
доктор филологических наук, филологический ф-т МГУ

* * *

Ю. В. Кагарлицкий (Москва)

Болезнь как способ бегства из героического нарратива: Замечания по поводу автобиографии Б.И.Куракина

Доклад посвящен некоторым особенностям автобиографического повествования Б. И. Куракина (1676–1727), известного дипломата и мемуариста Петровской эпохи. Этот своеобразный документ, в числе других его особенностей, отмечен чрезвычайной откровенностью, с которой его автор говорит о своих болезнях. Нельзя сказать, чтобы эта черта оставалась не замеченной исследователями, однако до недавнего времени она оттеснялась на второй план интереснейшими историческими фактами, которые Куракин сообщает о своих современниках и отношениях с ними. В последнее время, однако, ряд исследователей (М. Б. Плюханова, Э. Зицер) обращают серьезное внимание именно на этот аспект куракинского текста. В настоящем докладе предлагается видеть в «ипохондрической» теме важную движущую силу мемуарного повествования, придающую ему важное социально-политическое и одновременно личное содержание.

Важнейшей задачей, решаемой в ходе становления самодержавия на протяжении всего XVII в. и, — как результат, итог и кульминация процесса, — при Петре, было подчинение наиболее богатых и влиятельных групп населения интересам государства, государственной утилитарности. Одной из основных форм государственной утилитарности была утилитарность военная, нацеленность зарождающейся империи на внешнюю экспансию (традиционно подаваемую, с разной степенью исторической основательности, как отвоевание исконно своих земель). Планы верховной власти требовали консолидации высших слоев и обращения их активности на реализацию амбициозных военных замыслов. В этом смысле показательно, например, обращение архимандрита Игнатия Римского-Корсакова «к благочестивому и христоролюбивому российскому воинству» (1687), где призыв к участию в Крымском походе сопровождается инвективами в адрес лежебок, «иже болезни себе не сущья притвориша». Можно предположить, что далеко не все представители русской знати горели желанием и имели склонность к военным подвигам. По-видимому, складывалось противостояние между потребностями абсолютистского государства и этосом знатных и богатых фамилий.

В Петровскую эпоху, помимо силовых, политических и правовых мер, направленных на реструктурирование и подчинение элиты, было признано чрезвычайно важным формирование официального нарратива. Этот нарратив был героическим — в центре внимания был обремененный античными коннотациями образ самодержца — военного героя и демиурга, создающего новую Россию, а другие персонажи признавались полноценными только в контексте их со-участия, также героического, хотя и подчиненного, в этом грандиозном «эпосе».

В автобиографии Куракина присутствуют два жалобных лейтмотива — описание болезней и сетования на непризнание заслуг и достоинств со стороны монарха. Таким образом, Куракин фактически использует «ипохондрический» мотив (вероятно, имевший свою традицию в близкой к Куракину среде; см. выше), чтобы отделить себя от героического нарратива и утвердить свое право на существование и признание вне его. В автобиографии формируется иной нарратив, в политическом отношении целиком и полностью лояльный петровскому официальному, но антропологически противостоящий последнему, нацеленный на признание ценности индивида, имеющего свои слабые и сильные стороны. Эта антропология, скрыто полемическая по отношению к официальной героике, имеет ряд социальных и политических импликаций, которые раскрываются лишь в контексте послепетровских десятилетий и тем самым делают message Куракина, направленный в будущее, более внятными и отрефлектированными.

Кагарлицкий Юрий Валентинович

кандидат филологических наук

Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН

научный сотрудник

* * *

О.А. Казакевич(Москва)

Семейные истории длиною в столетие

(по материалам полевого дневника Г.Н. Прокофьева 1925-26 гг. и современным полевым материалам)^[13]

В докладе речь пойдет о семейных историях, линиях жизни, начало которых мы находим в дневнике Г.Н. Прокофьева, который он вел на фактории Янов Стан в 1925-1926 гг.^[14], а продолжение взято из рассказов, записанных нами от наших информантов – жителей бассейнов Среднего Таза и Турухана во время лингвистических экспедиций последних полутора десятилетий.

Большинство современных рассказов было записано до того, как удалось познакомиться с дневником Г.Н. Прокофьева, поэтому при чтении дневника меня не покидало ощущение руки, протянутой мне из прошлого, руки, показывающей жизнь предков моих добрых знакомых во времена, когда мир был молод и полон надежд, а люди не знали, какие испытания им предстоят. Линии жизни, заканчивавшиеся в рассказах моих современников, соединялись с линиями жизни из прокофьевского дневника, образуя непрерывный поток истории длиною почти в столетие.

Вот только один пример.

В 1996 г. в пос. Красноселькуп Варвара Авивовна Калина (Андреева) рассказала о своей семье. Ее дед Михаил Андреев был первым председателем Тымско-Караконского родового совета, отец Авив Михайлович и его братья учились в школе в Яновом Стане. В 1939 г. деда, его младшего брата и его старшего сына, отца Варвары, объявили кулаками и арестовали за то, что они не хотели вступать в колхоз. У семей отобрали весь немудрящий скарб, оставив без средств к существованию. Кое-как выжили. О «кулацком благосостоянии» красноречиво говорит расписка, выданная матери Варвары Авивовны. Там перечислено пять изъятых предметов: «1) сокуй (зимняя меховая одежда) старый, 2) постеля (оленья шкура, используемая в качестве постели) старая, 3) самовар никелированный, 4) машина швейная, всего четыре предмета и пятый предмет - лодка».

А это запись в дневнике Г.Н. Прокофьева, сделанная 15 ноября 1925 г., когда не было еще ни колхозов, ни раскулачивания, только год, как открылась яновстанская школа, и вряд ли кто-то мог предположить, что из всего этого получится:

«Днем приехали с Таза председатель Тазовского РИКа Михаил Сильвестрович Андреев с сыновьями и братом. Двое сыновей и брат будут учиться. Сам Михаил Сильвестрович очень напоминает финна, как своей наружностью так, в особенности, артикуляцией русского языка. Мать у него была русская – казачка (дочь черкеса) из Старого Туруханска. Отец когда-то был зажиточным остяком, имел большие стада оленей. После смерти своей первой жены женился вторично на тунгуске, от которой у него было 3 сына. Имущество разделил между своими сыновьями. Михаил женился опять-таки на русской (мещанке из старого Туруханска) – помещь во втором поколении положила резкий отпечаток на его детях. У всех его трех сыновей почти чисторусский тип; все они хорошо говорят по-русски» [Прокофьев...Архив].

История жизни отдельных семей тазовско-туруханской глубинки оказывается не только теснейшим образом связанной с историей всей огромной страны, но и во многом определяется зигзагами этой большой истории.

Литература

Гаген-Торн Н.И. Прокофьевы в Яновом Стане // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 91-110.

Казакевич О.А. Дневник директора северной школы // Международная конференция «Маргиналии 2008: периферия культуры и границы текста» Юрьев-Польский, 3-5 октября 2008 г. Тезисы докладов. М, МГУ, 2008. С. 65-67.

Казакевич О.А. Архив Е.Д. и Г.Н. Прокофьевых: самодийские языковые материалы // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Band 32/33. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2009. С. 247-268.

Прокофьев Г.Н. Полевой дневник, с. Монастырское, с. Янов Стан, Туруханский район Красноярского края. 28.09.1925 г. - 17.09.1926 г. Автограф. 58 л. // Архив МАЭ РАН. Фонд 6, оп. 1, ед.хр. 5 (Копия Е.Д. Прокофьевой 1955 г. // Архив МАЭ РАН. Фонд 6, оп. 1, ед.хр. 6 - 10).

Казакевич Ольга Анатольевна,
к.филол.н., с.н.с., зав.лаб. НИВЦ МГУ

* * *

Александр Киклевич(Ольштын, Польша)

Номинация «Ы», или новые приключения *круглого*

В докладе рассматривается новое явление в лексике современного русского языка – употребление прилагательного *круглый* в значении существительного (футбольный) *мяч* в письменных текстах футбольных репортажей, бытующих в интернете. Эти тексты предоставляются потребителям в системе on-line и, позднее, архивируются в информационных блоках спортивных порталов. Речь идет о следующего типа языковых фактах:

- (1) Убойный момент был у Жиркова, но Яскелайнен мяч отбил. *Круглый* полетел четко на ногу Погребняку.
- (2) Хуан Мата со штрафного поразил штангу, *круглый* отлетел к Босингве.
- (3) Роналду сумел зацепиться за мяч на правом фланге и сделал навес в центр, откуда *круглый* отлетел к Нани.

Автор показывает, что данный случай субстантивации прилагательного стоит в стороне от актуальных процессов в современном русском языке. Это ощущение аномальности усиливается оттого, что в текстах отмечается ошибочное с точки зрения литературной нормы массовое (в текстах рассматриваемого типа) употребление неодушевленного субстантивата *круглый* в форме винительного падежа, которая совпадает с формой родительного, например:

- (4) После длинной передачи из глубины поля Юра Мовсисян неожиданно выиграл борьбу за мяч у чужой штрафной и мог перекинуть игровой снаряд через вышедшего из ворот Акинфеева, но при этом послал *круглого* над перекладиной.
- (5) Срн сделал высокий длинный пас на Тейшейру и тот вторым касанием послал *круглого* в сетку.
- (6) Вешает Аршавин со штрафного мяч на дальний к нему угол вратарской, неудачно играет на выходе Михайлов, который лишь слегка задевает *круглого* кулаком.

По мнению автора, загадка рассматриваемого феномена кроется в коммуникативной среде его бытования. Субстантиват *круглый* употребляется в интернете, в текстах футбольных репортажей on-line, которые — несмотря на свою письменную форму — имитируют устную спонтанную речь. Нельзя не отметить и другую, социальную функцию данного языкового образования: оно выступает как своего рода *социальный индикатор*, являясь не только элементом своеобразного журналистского жаргона, но и показателем определенной социальной группы. С помощью словечка *круглый* спортивный обозреватель как бы посылает «своим» знак групповой солидарности. В коммуникативной установке автора текста доминирует элемент приватности, «домашности», фамильярности, а в какой-то степени и *тайности*, закрытости для чужих. Тайность в той или иной степени характерна для всех социолектов, но особенно — для уголовного жаргона. С такого рода жаргоном, во всяком случае с его элементами, мы имеем дело в спортивных репортажах on-line. Употребление неодушевленного субстантивата *круглый* по образцу склонения одушевленных существительных является способом *ведения в заблуждение* «чужого»: формально, с точки зрения языковой системы в выражении *отбить круглого* речь идет о живом существе, но неформально, с точки зрения того, «кто понимает», оно относится к футбольному мячу. Конечно, это — не совсем тот же случай, что жаргонизмы *карусель* 'церковь', *Катерина* 'сто рублей' и другие, обладающие высокой степенью условности номинации (а отсюда — тайности), но элементы *гипокритического* употребления языка имеются и в случае субстантивата *круглый*.

Автор высказывает и обосновывает гипотезу, согласно которой совпадение формы винительного падежа неодушевленного субстантивата *круглый* с формой родительного в выражениях типа *отбить круглого* обусловлено влиянием одесского сленга, который в свою очередь основан на польско-украинском субстрате. Формальное, морфологическое одушевление неодушевленных существительных характерно как для украинского, так и – в большей степени – для польского языка.

Александр Константинович Киклевич проф. докт. филол. наук
Uniwersytet Warmiński-Mazurski w Olsztynie, Instytut Dziennikarstwa i Komunikacji Społecznej

* * *

А.Г.Кравецкий(Москва)

Что такое колбаса и можно ли ее есть?

1. 67 правило Трулльского собора, которое запрещает употреблять в пищу продукты, содержащие кровь, в ряде славянских Кормчих имеет уточнение, что блюдо, приготовленное с кровью, называется колбасой. «Нѣцыи убо угожденіа ради чревнаго кровь коего любо животнаго хитростію нѣкакою сътворяют снѣдно, еже глаголють колбасы». О каком продукте здесь идет речь?

2. Большинство исследователей придерживается тюркской этимологии слова колбаса, возводя ее, например, к среднетурецкому *külbasty* ‘мясо, жаренное на решетке, жареные котлеты’. Менее популярной является еврейская этимология, возводящая это слово к *kölbāsār* – ‘мясо, всякая плоть’^[15]. В тексте еврейской Библии слово *kölbāsār* встречается более 10 раз, в том числе в Лев. 17.14: «Ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его; потому Я сказал сынам Израилевым: не ешьте крови ни из какого тела, потому что душа всякого тела есть кровь его; всякий, кто будет есть ее, истребится». Именно этот запрет подтверждает 67 правило.

3. В ряде восточнославянских списков Пятикнижия встречаются глоссы, заимствованные из еврейского текста^[16]. Я не буду здесь обсуждать гипотезы о появлении этих глосс, а ограничусь указанием на то, что глоссы такого рода в принципе существуют. Уточнение «еже глаголють колбасы» очень похоже на глоссу, указывающую на то, что в еврейском тексте в данном случае стоит слово *kölbāsār*.

4. В связи с этим встает еще два вопроса: во-первых, почему прямой запрет Кормчей, а затем и Стоглава не привел к запрету употребления колбасы и во-вторых, какой именно продукт назывался колбасой.

5. На основании древнейших источников ответить на вопрос о составе колбасы нельзя. Грамота 842: «*дѣака и ѣ Илькѣ. Се посялаховѣ лоукънѣ 6 на 10, а масла 3 молоствѣ. А середѣ 2 свини, и хръбѣта 2, а 3 зацѣ, и тетеревѣ, и кѣлбасу, а коня 2 и сторова*»^[17] не дает информации об этом продукте. А из Моления Даниила Заточника («Глаголет бо в мирских притчах: не добро слово продолжное, но добро продолжену колбаса»^[18]) можно заключить лишь то, что колбаса – предмет длинный. И лишь поздние источники (XVII в.) содержат описание того продукта, который мы сейчас называем колбасой.

6. Создается впечатление, что колбаса Кормчих не соотносилась с колбасой хозяйственных документов. Информации о том, что в Древней Руси колбаса была запрещенным продуктом нет. Не обнаружено таких запретов и у старообрядцев, вопреки, казалось бы, прямому запрету Стоглава. Любопытно, что в грамоте 842 рядом с колбасой упоминается зайцы и тетерева, о которых Стоглав пишет в той же статье, что и о колбасе, требуя, чтобы «удавленных тетереви и утич и заицов удавленных вторгъ не носили».

7. Обнаружив связь глоссы новгородской Кормчей с текстом еврейской Библии и констатировав, что вплоть до XVII в. источники не дают возможность определить, какой продукт называется колбасой, мы предлагаем вернуться к еврейской этимологии колбасы. В противном случае нам придется признать, что *колбаса* кормчих и *колбаса* других источников имеет разную этимологию.

Кравецкий Александр Геннадьевич

к. филол. н., ст. н. с. Института русского языка

им. В.В.Виноградова РАН

* * *

Майя Кучерская(Москва)

Край света или круг ада: античность у Лескова

Рассказ «На краю света» (1875), наиболее полное высказывание Лескова на миссионерскую тему, никогда не рассматривался с точки зрения источников, упоминаемых рассказчиком – «престарелым архиепископом» Н. Между тем речь архиерея полна ссылок на Священное писание, святых отцов, полемические и философские сочинения, древнерусские летописи и т.д. В этом ряду достаточно неожиданной выглядит единственная цитата из художественной литературы – «Энеиды» Вергилия. Глядя на дикаря, только что спасшего его от

неминуемой смерти, рассказчик цитирует фрагмент, описывающий край вечного блаженства, который Эней посещает путешествуя по загробному миру.

Вергилий, фигура переходная, находящаяся на границе христианской и языческой цивилизации, проводник Данте по «Аду», спроецирован в рассказе Лескова на образ язычника и простеца, очевидно с тем, чтобы усилить ключевую идею рассказа: как языческий поэт Вергилий сумел, согласно толкованиям древних христиан, предчувствовать явление Христа (в четвертой эклоге «Буколик») и внять гармонию вечного блаженства, так язычник-дикарь может познать истинного Бога и вступить в обители райские.

Вместе с тем цитата из Вергилия отсылает нас к одному из источников Лескова – «Путевым запискам» архиепископа Нила (Исаковича), послужившего прототипом «престарелого архиепископа». Описывая свое миссионерское путешествие по Сибири, архиепископ Нил обильно цитирует римских поэтов – преимущественно Овидия и Горация, однако с совершенно иными, чем Лесков, целями. Сопоставление функций цитат из античных авторов в записках архиепископа Нила и рассказе «На краю света» также приближает нас к реконструкции замысла Лескова, для которого цитата на Вергилия – не только ссылка на прецедент, как для начитанного архиепископа Нила, но и свидетельство бесконечного многообразия мира, не сводимого к одной системе ценностей и взглядов.

Кучерская Майя Александровна

к. филол. н., доцент Научно-исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

* * *

Томас Лангерак(Гент, Бельгия)

Рецепция русской литературы в Нидерландах и Фландрии: Леонард Ноленс

Рецепция переводной литературы какой-либо национальной, как правило, проходит три этапа: 1) ознакомление читателей с новым именем, 2) признание творчества писателя ценным для национальной литературы и культуры и 3) воздействие творчества писателя на национальную литературу и культуру. Здесь мы сосредоточимся на последнем этапе, в частности на стихотворениях фламандского поэта Леонарда Ноленса о Мандельштаме и Ахматовой.

На нидерландском языке написаны немало стихотворений о Мандельштаме; в голландской и фламандской литературе мы нашли семь стихотворений, посвященных Мандельштаму или О.Э. и

Н.Я Мандельштам: Мириам Ван Хее – «Мандельштам» (1984); Леонард Ноленс – «Мандельштам 1 и 2» (1988) и последнее стихотворение цикла «Третий» (1986); Х.Х. тер Балкт – «Щегол (Осип Мандельштам)» (1992); Хендрик Каретте (Hendrik Carette) создал стихотворение “Homo clamans” – стилизацию под стихотворение Мандельштама «Улица Мандельштама» (2006: 38). В последнюю книгу стихов вошло стихотворение в прозе «Вдова одного человека, такого как Мандельштам» (2011: 26)

Фламандец Леонард Ноленс – чистый лирик. Он считает поэзию своей судьбой, бременем, которое он должен нести. Он пишет эмоционально напряженные стихи, часто имеющие характер заклинания. В своих стихах поэт порывается высказаться, исповедовать. Ноленс продолжает романтическую, экспрессивную поэтику Уитмена, Рембо, Верхарна и Маяковского. Сквозная тема его поэзии – чувство бессилия и неуверенности в своей идентичности; отсюда – навязчивые попытки самоутверждения. Узнавание и утверждение самого себя в поэзии Ноленса часто совершается либо через других – жену, друга, либо через лирическое я, которое обращается к себе, или расспрашивает самого себя. (Musschoot 1990: 95-98). Ноленс интересуется Россией и любит русскую поэзию: у него стихи о Чернобыле и о гибели подводной лодки «Курск», одно стихотворение об Анне Ахматовой и три о Мандельштаме.

МАНДЕЛЬШТАМ 1

Надя, я читаю о твоём блаженном Осе,
о маленьком еврее, сироте
господнем, чью кончину по ночам
ты затвердила, – так съедает вор
записки от любимой — чтоб не выдать.
Ося, Надя,
так иногда зовусь и я. Быть вами
я б так хотел — чтоб причаститься вашим
двукратным «да». Тобою быть, что с ним
чрез дали говорит; обоими, кому
постелью стала улица ...

О Надя,
о нищенка, в чью руку он кладет
монеты с языка, которому себя
всего он высказал, одет в сплошные губы,
как говорило облако в штанах.
Раз — Ося с Надей, Надя с Осей — два:
считалка, праздник тех, кто поменялся
осколками двух жизней в неразбитом
словесном зеркале – и в нем себя увидел,
в желанном разговорном языке
стиха и Нади с Осей, — как бы вами
троими я хотел охотно быть.
Перевод Алексея Юдина

Стихотворение «Мандельштам 1» написано под влиянием Воспоминаний Надежды Яковлевны Мандельштам, «решающей книги» Ноленса (Meijer 2000) Он обращается к ней на ты, как будто они хорошо знакомы. Стихи передают не только чувства уважения к «Осе, Наде», но и зависть поэта, кто хотел бы ими быть: «Быть вами я б так хотел». Здесь налицо тема самоутверждения через других. В стихотворении «Мандельштам 2» встречаются главные темы из нидерландских дискурсов о Мандельштаме: 1) личное отношение автора к Мандельштаму – он обращается к Мандельштаму на ты; 2) Мандельштам как поэт, принадлежащий к европейской культуре, восходящей к христианским, греко-латинским и еврейским корням; 3) Мандельштам как поэт храбрый, готовый жертвовать собою ради своего искусства. Стихотворение кончается заявлением фламандского поэта о своей готовности продолжать дело Мандельштама – дело поэзии.

К Ахматовой Ноленс не питает такого уважения, как к Мандельштаму. Она фигура из истории русской литературы 20-ого века. Первое стихотворение цикла «Конец века» (1992), в котором он рассуждает о положении своего поколения после окончания холодной войны, начинается так: «Ну, что ж, Ахматова, любовь к вашей боли, / к железной осени семнадцатого года, прошла».

Литература

Balkt ter, H.H. 2003. Laaglandse hymnen I-III. Amsterdam.

Carette, H. 2006. Gestolen lucht. Gent.

Carette, H. 2011. Een zeemeermin aan de monding van het Zwin. Gent.

Meijer, M. 2000. 'Het beslissende boek van Leonard Nolens: "Nadjezda Mandelstams liefde is het hoogste goed"'. NRC 2 febr.

Musschoot, A.M. 1990. 'Leonard Nolens. "Het is belangrijk, dat ik onbelangrijk blijf"'. In Van Nu & Toen. Staalkaart van artikelen uit Ons Erfdeel, 95-98.

Nolens, L. 2004. Laat alle deuren op een kier. Verzamelde gedichten. Amsterdam.

Van hee, M. 1984. Ingesneeuwd. Amsterdam. C. 25.

Томас Лангерак, доктор филологических наук,
профессор кафедры славистики Гентского университета (Бельгия)

* * *

Ленчиненко М.В. (Москва)

Маргиналии «видимые и невидимые»

Работа с массивом маргиналий, щедро рассыпанных на страницах книг их бывшими владельцами, создает иллюзию близкого знакомства с этими людьми. Этому способствует тип данного источника, поскольку сохранившиеся записи предполагают откровенность мыслей и чувств. Это не письма, не дневники, не оформленные в статьи и книги рассуждения, которые подразумевают стороннего читателя и которые зачастую заставляют отступить от собственных сиюминутных реакций и примеривать на себя тот или иной образ. При чтении книги читатель остается один на один с автором, и то, как он реагирует на прочитанное, не подразумевает наблюдателя. Таким образом, мы получаем благодатный материал для того, чтобы представить себе наиболее полно личность бывшего владельца книг.

Но приступая к сбору и изучению маргиналий, мы понимаем их фрагментарность. Поэтому, как правило, новый материал легко укладывается в уже существующий образ или беспрепятственно расширяет наши представления об авторе записей или событии, к которому они применимы.

«Невидимые» маргиналии обнаруживают себя в момент конфликта сконструированной нами модели и отсутствия отклика там, где он должен был быть, исходя из наших представлений. Такие ситуации наиболее плодотворны, поскольку заставляют по-новому взглянуть на человека или событие, которые, как нам казалось, мы хорошо знали.

В доме Муравьевых^[19] хранился Атлас российских губерний 1800 года^[20], на картах которого Никита Муравьев нанес разного рода пометы, но основной их блок связан с событиями Отечественной войны 1812 года. Прежде всего, он подписал название Бородино и прочертил русло р. Колочи. Оба эти географические объекты не были учтены в конце XVIII в. Помимо этого, д. Бородино была также отмечена как место сражения значком в виде скрещенных сабель. Эти же объекты были повторены, помимо карты Московской губ., на карте соседней с ней Смоленской губ. В этом повторе очевидна значимость самого события для Н. Муравьева. Помимо Бородина, он отметил такие места сражений, как Смоленск, Красный, подписал деревни, где проходили оборонительные бои после Смоленской битвы. Немало подчеркиваний находим и на карте Калужской губ.: подчеркнуты Малоярославец и отдельные села. Но что удивило, так это отсутствие Тарутина, которое также как и Бородино, не было награвировано в Атласе во времена имп. Павла, но при этом не удостоилось быть дописанным Н. Муравьевым. Любой школьник назовет Тарутинский маневр как один из ключевых моментов войны 1812 г. или, по крайней мере, вспомнит, что наполеоновскую армию вынудили отступить из России по уже пройденным и разоренным дорогам благодаря именно этой операции.

Игнорирование этого географического объекта тем более любопытно, что в 1824 г. Н. Муравьев читал курс стратегии и тактики офицерам Гвардейского генерального штаба. Следы подготовительной работы к лекциям сохранились не только на книгах по военной истории, но и в текстах древних историков. Логично предположить, что и опыт недавней войны, тем более данный маневр, признаваемый сегодня как образец военного искусства, должен был быть учтен.

Конечно, сам маневр был принят им во внимание, что доказывается вниманием Н. Муравьева к фланговым маршам, но сам марш, пребывание в Тарутинском лагере и многое другое неоднозначно было оценено соратниками, не говоря уже о критике, которую М.И. Кутузов постоянно испытывал в ходе конкретного периода войны. Может быть, это отчасти объясняет тот факт, что Тарутино не отмечено ни как место сражения, ни как военный лагерь. Подчеркнуто лишь село Лыково (или Лыков овраг Тарусского уезда), ближайшее к Тарутину, которое попало в сводки как место одного из эпизодов казачьего грабежа, при чем не местного населения, что за время стояния Тарутинского лагеря приняло масштабы мини-гражданской войны, а солдата инвалидной команды, ехавшего с донесением в Боровск. Возможно, подобного рода события давали необходимый материал к размышлениям Н. Муравьева относительно воинской повинности, о принципах формирования армии, взаимоотношениях армии и народа, т.е. всех тех вопросах, без которых невозможна работа над созданием новой Конституции для России. Но оценочный момент в пометах на картах Атласа вполне очевиден: безоговорочная слава Бородина и конфликтность Тарутина.

Ленчиненко Марина Владиславовна,
зав. сектором частных собраний Отдела редких книг и рукописей
Научной библиотеки МГУ им. М.В.Ломоносова

* * *

А.Л. Лифшиц(Москва)

«Селим и Дамасина» – рукописный роман для прапорщика

Традиция рукописных переводных романов в России XVIII в. до настоящего времени не может быть признана сколько-нибудь полно изученной.

Резкое возрастание печатной беллетристики с 1760 гг. вытесняет рукописный роман на периферию культурной жизни, а затем вовсе приводит к его полному исчезновению. А привычка современного человека (в том числе и исследователя) к печатной книге при ретроспективном взгляде не позволяет адекватно оценивать значение книги рукописной для читателей прошлого.

Как следствие, мы не имеем представления даже о номенклатуре переводных рукописных романов, не говоря уже о числе списков.

Перечень А.Н. Пыпина учитывает лишь те тексты, которые имели хождение только в списках, но не берет в расчет такие, которые были напечатаны, но все равно имели хождение в рукописных копиях.

Еще меньше известно о тех рукописных романах, которые ходили в списках *до того*, как стали продукцией типографии.

Между тем несомненный рост интереса к европейской литературе в 1750-х гг. при столь же несомненном запаздывании печатного станка в удовлетворении этого интереса обусловил появление значительного числа рукописных переводов.

Как правило, такой труд осуществлялся по частной инициативе переводчика. Нет сомнений, что некоторые из них рассчитывали увидеть свой перевод напечатанным.

Некоторые романы переводились не по одному разу. Так, не менее чем трижды был переведен с французского роман К.Ф. Ламбера о мексиканской принцессе Жеване. Два перевода разного качества сохранились в рукописях, третий известен по изданию.

Роман Г.А. Циглер-Клипгаузена «Азиатская Баниза» был переведен с немецкого переводчиком Академии наук В.И. Лебедевым (но не напечатан), однако есть рукописное свидетельство и другой, вероятно, неоконченной попытки.

Как минимум дважды переводился роман Ле Живра де Ришбура «Селим и Дамасина».

Интересно, что в первом случае напечатанный перевод существенно изящнее рукописных. Во втором – фрагмент корявого альтернативного перевода продолжен существовавшим к тому времени переводом Лебедева. Но рукописный перевод «Селима и Дамасины» по крайней мере не уступает напечатанному.

Рукопись датирована 1757 годом; книга вышла в 1761 году.

Рукописный перевод не только не хуже и не только раньше по времени. Список представляет собой своеобразный pocket book. Книга форматом меньше школьной тетрадки переплетена в хорошо выделанную кожу, снабжена шелковыми завязками. Буквы в начале рукописи имеют в высоту 1 мм, а к концу книги уменьшаются едва ли не вдвое, сохраняя при этом разборчивость начертаний.

Эта рукопись – свидетельство очень высоких требований, которые предъявлял своим книгам ничем не примечательный армейский прапорщик, криво подписавшийся на форзаце.

Александр Львович Лифшиц (НИУ ВШЭ, Институт

Славяноведения РАН)

Воспоминания В. Д. Маркелова – вторая часть семейной хроники

В своих тезисах на предыдущей конференции я упомянул о своеобразной трилогии, образующей хронику семьи Маркеловых. Первая часть трилогии – беллетризованные воспоминания Константина Михайловича Маркелова (1868–1944), двоюродного племянника поэта А. Н. Майкова, о жизни в подмосковном имении Красный Стан в 1870–80-е гг. Мемуары были изданы в Париже в 1926 году. Вторая часть – «Затишье», рукописные воспоминания племянника К. М. Маркелова, старшего брата моей прабабушки, Владимира Дмитриевича Маркелова (1889–1966). Третья часть – сборник рассказов жителей дачи Маркеловых, представляющие собой переплетенную компьютерную распечатку, изданную в 2008 году тиражом порядка дюжины экземпляров. В нынешнем докладе речь пойдет о второй части трилогии.

Мемуары В. Д. Маркелова записаны в тетради (96 л.), общий их объем (вместе с приложением и титульными листами) составляет 88 с. Пагинация двойная: сначала автор пронумеровал листы, затем, обнаружив сбой в нумерации, стал нумеровать страницы, но не довел дело до конца. Воспоминания были начаты, как указано на титуле, в 1950 г., окончены, вероятно, 26 сентября 1963 (так датировано предисловие, которое, очевидно, было написано задним числом).

Воспоминания открываются предисловием, озаглавленным «Нашим милым детям...». Сам В. Д. Маркелов, хотя и был женат, детей не имел. Таким образом, речь идет о племянниках – детях трех его младших сестер: «Хотелось бы, если эта тетрадь попадет либо к Ляле (моя бабушка, дочь средней сестры. – Ф. Л.), либо к Олегу, или к Вове, чтобы они дали ее прочитать своим детям или сами прочли им то, что для нас <...> является лучшими воспоминаниями детства, юности <...>».

Основная часть мемуаров озаглавлена «Затишье». После заголовка следует посвящение: «Воспоминания, связанные со светлой памятью нашей незабываемой, неповторимой, милой и хорошей и доброй тетей Валеи (так! – Ф. Л.)» (с. 1). Имеется в виду младшая сестра отца автора, Валерия Михайловна Маркелова (в замужестве Мюленталь; 1876–1930), основательница Затишья – дачи Маркеловых.

Мемуарист, скромно сознавая сугубо частный характер своего повествования, вместе с тем не предстает наивным бытописателем. Он чувствует причастным себя к определенной литературной традиции: «Я должен сказать заранее, что в моем изложении ряда событий мы не найдем ни романтических приключений, ни бурных романов и сильных страстей, на это указывает само название, т. е. заглавие тетрадки, – если хотите, это семейная хроника, и, конечно, по своему содержанию и форме не может быть ни в какой мере сравниваема с семейной хроникой Аксакова. Это Маркеловская хроника. Хотя Маркеловы и находятся в близком родстве с поэтом Майковым Аполлоном Николаевичем, и, казалось бы, должны унаследовать от поэта хотя частицу его таланта, но на деле это не осуществилось, по крайней мере по мужской линии» (с. 3).

Согласно замыслу автора, мемуары относятся преимущественно к 1898–1907 гг. и имеют предметом жизнь в Затишье – даче под Можайском. Указанные даты образуют естественную рамку повествования: в 1898 г. Валерия Михайловна купила землю и поставила небольшой дом (так началось Затишье), в 1901 году рядом с ней купил землю и впоследствии также построил дом

ее старший брат, отец мемуариста, Дмитрий Михайлович Маркелов (1864–1924), а в 1907 г. произошли поворотных для семьи события: в мае вышла замуж Валерия Михайловна, а в декабре умер Костя, младший брат автора воспоминаний, после чего отец продал дачу сестре, и семья Дмитрия Михайловича в течение десятка лет не появлялась в Затишье. Однако на деле автор выходит за эти временные и пространственные рамки, прямо или косвенно касаясь событий целого столетия (с начала 60-х годов XIX века до начала 60-х годов XX века), происходивших в Москве и Подмоскowie. Среди героев повествования – представители шести поколений семьи: от деда и бабушки Владимира Дмитриевича до его ныне здравствующих внучатых племянников.

Имеются строки, посвященные А. Н. Скрябину – Маркеловы были коротко знакомы с композитором, имея с ним общих родственников: «В 1890–92 гг. Александр Николаевич кончал консерваторию и, будучи еще студентом, не знаю, по каким причинам <...> почти ежедневно, по словам моих родителей, приходил к нам и играл на нашем пианино, которое впоследствии у нас называлось Скрябинским. Играл он, как говорили, очень много и усидчиво. Отец мой имел очень плохой слух, или, вернее, у него совсем не было [слуха] <...> Когда отца моего спрашивали, почему у него нет слуха, тогда как остальные члены его семьи, братья и сестра, его имеют, то он совершенно серьезно отвечал всегда: «Слух мне испортил Саша Скрябин, когда готовился к экзаменам в консерватории», – и говорил, как я отметил, это совершенно серьезно» (л. 24).

Помимо основной части тетрадь содержит своего рода приложение – рассказ дяди автора, Николая Михайловича Маркелова (1872–1952), младшего брата Дмитрия и Константина Михайловичей, об обстоятельствах кончины их отца, Михаила Дмитриевича Маркелова (1814–1884), записанный в 1946 году. Это сюжет по всем параметрам (личность рассказчика, время событий, время записи) может служить своего рода эпилогом к первой части Маркеловской хроники («На берегу Москва-реки»): после смерти Михаила Дмитриевича жизнь в Красном Стане не могла не перемениться. И действительно, через несколько лет его вдова, Екатерина Валериановна (1838–1902) была вынуждена продать имение. Однако спустя еще несколько лет Валерия Михайловна, как уже говорилось, купила землю на левом берегу Москвы – и потому этот рассказ одновременно может рассматриваться как пролог ко второй части хроники, воспоминаниям Владимира Дмитриевича Маркелова.

Людоговский Федор Борисович

(Москва, ИСл РАН, ИС РПЦ)

* * *

Е.Н. Марасинова(Москва)

Новые сведения о восстании декабристов из немецкого архива

Дневник, описывающий события междуцарствия и восстания декабристов, находился среди бумаг обнаруженного летом 1999 г. в рукописном отделе библиотеки Тюбингенского университета архива историка второй половины XIX века Александра Брюкнера (Alexander Brückner).

Александр Брюкнер, известный в России как Александр Густавович Брикнер, родился в июне 1834 года в Петербурге. Его родители происходили из Финляндии и принадлежали к евангелической церкви. Получив в Гейдельберге ученую степень доктора философии, Брюкнер возвращается в Россию и с 1861 по 1867 гг. преподает в Петербургском училище правоведения. В 1872 г. он получил место преподавателя в Дерптском университете. В качестве профессора русской истории Брюкнер читал на русском языке лекции в Дерпте до 1891 г., то есть до окончания двадцатипятилетнего срока своей службы. В том же 1891 г. он уезжает в Германию, проводит последние годы жизни в Йене, где и умирает в ноябре 1896 г.

Научные документы профессора были переданы в 1933 г. архиву Тюбингенского университета дочерью ученого, профессором Еленой Хек (Helena Heck). Спустя некоторое время все документы исследователя оказались в рукописном отделе исторического читального зала библиотеки Тюбингенского университета, были описаны сотрудником, явно хорошо владеющим русским языком, и разнесены по двум коллекциям: "Немецкие рукописи" (Md Hochdeutsche Handschriften) и "Славянские рукописи" (Mg Slavische Handschriften). С тех пор в этих материалах практически никто не обращался.

Часть архива Брюкнера, помещенная в разделе "Славянские рукописи", представляет из себя целенаправленно создаваемую коллекцию материалов, относящихся к переломному в истории России периоду – смерть Александра I, междуцарствие, восстание декабристов и начало правления Николая I.

Одним из интереснейших документов этого собрания является дневник периода восстания декабристов с приложенным к нему списком участников выступления на Сенатской площади, который был составлен уже во время следствия, поскольку в нем упоминается о поиске некоторых декабристов и доставке в Петербург членов Южного общества. Дневник написан на русском языке и охватывает события, произошедшие в Петербурге 14-17, 19 и 21 декабря 1825 г.

Можно с уверенностью сказать, что данный источник никогда не привлекался исследователями для освещения истории восстания 14 декабря 1825 г. В относительно недавно вышедшем и на сегодняшний момент самом обстоятельном собрании мемуарных, дневниковых и эпистолярных свидетельств о восстании декабристов дневник, найденный в архиве Брюкнера, не упоминается (14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб. 1999).

В рукописи нет прямого указания на авторство. Однако сопоставление различных сведений источника (имя сестры автора, место его службы и т.п.) позволило прийти к заключению, что автором дневника является Николай Николаевич Яновский, ранее служивший в чине губернского секретаря переводчиком при почтовом департаменте, а к 1825 году, по всей видимости, вышедший в отставку. Как следует из обнаруженной рукописи, Н.Н.Яновский хорошо знал некоторых декабристов.

Н.Н.Яновский не был очевидцем восстания, однако, уже 14 декабря и в последующие дни обсуждал потрясшие Петербург события с более осведомленными людьми. Среди лиц,

сообщивших ему интереснейшие подробности, были журналисты Н.И.Греч и Ф.В.Булгарин; сенатор И.М.Муравьев-Апостол – отец трех декабристов Матвея, Сергея и Ипполита; академик А.К.Шторх, сын которого принимал участие в восстании на площади; секретарь императрицы Александры Федоровны И.П.Шамбо; историк Ф.П.Аделунг и, может быть, бывший директор Царскосельского лицея Е.А.Энгельгарт.

Яновский, являясь безусловно законопослушным и благонамеренным подданным, тем не менее сразу почувствовал, что свершившееся выступление на Сенатской площади будет иметь громадный политический и нравственный резонанс. Именно смутное, до конца не осознаваемое, но чрезвычайно сильное ощущение значимости происходящего заставило его немедленно зафиксировать события 14 декабря, сохранить некоторые газеты, официальные документы, высочайшие манифесты этих дней, что сделало его одним из первых историографов движения декабристов.

Доклад будет посвящен сознанию «образованных обывателей» и распространяемым ими слухам, которыми буквально в первые минуты восстания стала обрастать история декабристов.

Марасинова Елена Нигметовна

Институт российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН),

доктор исторических наук

* * *

Медведева Т.В.(Москва)

Светские рукописные сборники как феномен провинциальной культуры концаXVIII- первой третиXIXв.

В кругу источников личного происхождения, в число которых входят традиционно дневники, мемуары и эпистолярии, хочется обратить внимание на такой вид частных рукописей как светские рукописные сборники нового типа, активно бытовавшие в России в конце XVIII – первой трети XIX в. Акцент на типологии в названии сборников делается для того, чтобы отделить эти рукописи от памятников более раннего времени, активно распространявшихся и в рассматриваемый период, но, в силу своей структуры, происхождения и целей создания, имеющих гораздо меньше общего с источниками личного происхождения. С другой стороны, их нельзя смешивать с салонными альбомами, имеющими иные функции и внешний вид.

Рукописный сборник нового типа представляет собой индивидуально составленную подборку разных текстов (литературных (лирических и сатирических), политических,

публицистических и познавательных), сделанную, как правило, лично владельцем сборника, «для себя» - для личного пользования, а не для последующего распространения.

Число подобных сборников в центральных архивах исчисляется сотнями, что дает возможность судить о масштабах их популярности (при том, что содержание каждого конкретного сборника, представленного несколькими десятками, а иногда и сотнями «статей»-выписок достаточно тривиально).

Естественно, такого рода источники были наиболее распространены в провинции, однако, связывать их возникновение исключительно с малодоступностью печатных изданий за пределами обеих столиц было бы неправильно. Среди составителей и владельцев таких сборников встречаются и столичные жители, владельцы обширных библиотек, заметные провинциальные деятели. Среди наиболее известных рукописных сборников нового типа: «Магазин достопамятных и любопытных бумаг, носившихся в народе» А.Т.Болотова, рукописные сборники адмирала Н.С.Мордвинова, тетради выписок имп. Марии Федоровны, «Словарь» В.К.Кюхельбекера.

География сборников нового типа весьма широка. В московских и петербургских хранилищах можно обнаружить сборники, составленные в Костроме, Галиче, Вологде, Ярославле, Тотьме и более мелких населенных пунктах, а также имениях.

Возникновение и активное распространение этого источника знаменует, на наш взгляд, определенные существенные изменения в самосознании образованного русского общества конца XVIII – начала XIX в. Усиление внимания к индивидуальным переживаниям личности, интерес к внутреннему миру (как собственному, так и ближайших знакомых) – все это явственно сказывается на содержании переписки того времени, на появлении и широком распространении дневников и последующем распространении мемуаров. Сам процесс письма (писания) занял в среде образованных людей совершенно уникальное место, стал неотъемлемым этапом исследования собственного внутреннего мира. Светские сборники нового типа заняли в этом процессе «низшую ступень», позволив включиться в это самоосознание посредством рукописных занятий, не требующих от пишущего ни литературных способностей, ни существенного раскрытия собственных личностных переживаний.

При этом светские сборники оказались интегрированы в круг других частных рукописей, особенно заметно их «взаимодействие» с дневниками. В этом отношении, рукописные сборники нового типа движутся в первой половине XIX в. к такому более универсальному источнику, как «записные книжки», представление о котором можно составить по наиболее известным «Записным книжкам» П.А.Вяземского.

Медведева Татьяна Валерьевна,

к.и.н., н.с., Институт славяноведения РАН

* * *

Михеев М.Ю.(Москва)

Примечания авторские (и издательские) к «Тихому Дону»

Рассматриваются традиционные примечания, внизу страницы, к тем частям «Тихого Дона», к которым имеется рукопись Шолохова, опубликованная факсимильно (Рукопись). Таковых частей всего пять из 8 во всем романе: по объему они представляют собой несколько более половины всей книги; рукописи же остальных не сохранились: в Пушкинском доме в Санкт-Петербурге хранятся отдельные (разрозненные) фрагменты машинописных частей – 6-й, 7-й и 8-й. При этом не все изданные части рукописи одинаковы по качеству и по содержанию текста, написанного авторским почерком. К примеру, рукопись последней из имеющихся, 5-й части, переписана чужой рукой (скорее всего свояченицы, сестры жены), это беловик, но с исправлениями, сделанными в том числе рукой Шолохова. У части 3-й беловой вариант отсутствует, она состоит из черновика и некоторого числа вариантов отдельных глав.

В романе, на самом деле, есть масса слов, которые нуждаются и реально заслуживают комментария. Поэтому интересно, какие из них таковыми снабжаются (комментариями с подстраничными ссылками), а какие – нет. Отдельные при этом проблемы – это комментарий прямо внутри основного текста и самостоятельный словарь диалектных слов для всего текста^[21]. Не говоря уже о собственно маргиналиях в рукописи, то есть, например, о машинном исписывании автором части листа собственной подписью – *М.Шолохов* или именами (подписями?) его друзей – *Тришин*, или членов семьи – *А.Шолохов*, или дневниковыми пометами места и времени: *Вешенская. # 15го ноября # 1926 г.* (это на первой странице первой части романа, пронумерованной)^[22] или: *Букановская # 28 февраля 1928 года # М.Шолохов* (за 6 страниц до конца 4-й части, с.121) или просто: *Проба пера*. Не буду рассматривать и метатекстовые комментарии (обращенные, по-видимому, к самому себе, для памяти, или к своим редакторам?), как например, на той же первой странице 1-й части, синим и красным карандашами, поперек основного текста (чернилами): *Сильнее. # Подробнее хутор* (на поле слева от основного текста) и там же, но уже по полю сверху, справа, синим карандашом: *Переработать # по окончании # I и II частей*. Или о персонажах романа: *Борщев – длинный. # Захар Королев – весельчак (медвежковатый, коротконогий)* – внизу листа без номера страницы из 4-й части, по нумерации издания лист 740.

Если проследить по Рукописи частей, у которых наличествуют и черновой, и беловой варианты, то заметна общая тенденция авторской правки – вставить в текст как можно больше экзотических, *Донских* слов и выражений, а возможно еще *Рязанских* (предки Шолохова, купцы, дед и его братья, приехали на Дон из района Зарайска, находящегося на границе с Московской, но входившего тогда в Рязанскую губернию). Правда, потом иногда автор все-таки шел на попятный, например, отказываясь как будто от своего желания переложить и авторскую, и речь героев – на диалект, по всем, в том числе и фонетическим, его приметам разведя ее с литературным языком. Например, в написаниях: (1:1) [И што он, милушки, нашел в ней хорошева?]^[23] – 1-й, 2-й черновики и беловик, с.2. Потом, в издании, это было исправлено.

В другом месте, уже в словах автора, (1:16) по 1-у черновику, с.58: [оранжевая^{зеленая} в бледном цвету картофель.] – так же остается и в беловике, с.60, только там добавляется более экзотичное слово *цветень*: [зеленая в бледной цветени картофель]. Но в издании род слова был исправлен на мужской, очевидно, уже редакторами.

На первых страницах рукописи, где в окончательном варианте (представленном сейчас на сайте ФЭБ) говорится о лихой станичной бабе: (1:1) *самая отчаянная из баб, жалмерка Мавра, сбегала к Прокофию будто бы за свежей наиваской* – в 1-м черновом варианте, с.2, эта женщина обозначена так: [самая отчаянная из баб вдовая Мавра]. Во 2-м черновике, с.2, слово «вдовая» заменяется автором на [жалмерка]. При этом слово *жалмерка* в самой рукописи никак не комментировано и не помечено (например, верхним крестиком, как это делает Шолохов в тех случаях, когда все-таки хочет вынести слово из основного текста в комментарий – на нижнее поле листа, ощущая, по-видимому, его инородность основному массиву романа и вместе с тем желая как-то пояснить). Иногда это желание так и остается в рукописи не исполненным – т.е. сам крестик со скобкой стоит, но комментария нет, – или бывает наоборот, текст подстраничной ссылки есть, а в основном тексте оставлено лишь место для дальнейшей вставки (так обстоит дело в пяти случаях – реплик на немецком языке, в 4-й части).

Всего в Рукописи можно насчитать 15 примечаний автора – если по имеющимся частям, то соответственно: 1+4+4+7+3 (число 7 – для 4-й части – включает примечания без текстовой, или, так сказать, «прецедентной», части, о чем было сказано).

Интересно, что из них было сохранено в первоизданиях, т.е. журналах «Октябрь» и «Роман-газета», а также в изданиях позднейших, скажем, 1947 г. (ОГИЗ ГИХЛ). Например, в последнем из всех оставлено только 3 (а в издании, которое представлено сейчас в ФЭБ, 6 примечаний).

В первом издании романа целой книгой («Московский рабочий» 1928: этих изданий было около десяти, они следовали друг за другом и все были однотипны, до середины 30-х) слово *жалмерка* снабжается знаком сноски в тексте: ¹⁾ и комментарием внизу страницы: ¹⁾ *Солдатка*. Это первое из примечаний к 1-й части, внесенное, по-видимому, редакторами издательства, всего таких примечаний к 1-й части 9, а к другим, соответственно, еще +9+5+9+7. Если в скобках обозначим, сколько среди них было авторских (т.е. в той или иной степени повторяющих авторские из рукописи), то цифры должны быть следующие: 9(0)+9(4)+5(4)+9(7)+7(3). В дальнейшем разные издания то добавляли, то убавляли – и число, и сам состав комментариев, например, в издании 1947 года доля авторских примечаний была сведена к следующему минимуму: 8(0)+3(1)+13(1)+19(1)+8(0).

Примечательно, что ни одно из изданий не подает как примечание то странное место в 1-й части, во время сватовства Григория, когда сваха Василиса ерзает на стуле (1:15), оттого что сидит на венике (*ее колот украденный в сенцах и сунутый под кофту веник: по приметам, сваты, укравшие у невесты веник, не получают отказа*). – Этого эпизода еще не было в 1-м черновике, с.53: он появляется в беловом варианте, с.54, внесенный автором или переписчиком в текст тем же почерком мелкими буквами, как бы между строками, со знаком сноски: ^{x)} – а на нижнем поле стоит: [^{x)} По приметам сваты, укравшие в доме невесты веник, не получают отказа]. Между тем в изданиях как примечание это нигде не оформлялось. То есть тут возникает проблема перетекания текста – из примечаний в основной текст.

Еще интереснее такой случай. Примечание к слову *полчок* ^{x)} – из 3-й главы 2-й части, в беловой рукописи, с.20, вынесенное вниз страницы: [^{x)} полчок – однополчанин, служивший в одном полку] – в первом из журнальных изданий, в «Октябре», почему-то так же, как в предыдущем случае, оказывается внесенным в основной текст – да как? – уже не во вводное предложение, а в прямую речь персонажа! При обсуждении казаками между собой того, как красиво поют муж и жена Астаховы один из них говорит: – *Низовскую играют*. Другой отвечает: –

Этую, полчек (однополчанин, служивший в одном полку), в Грузии сложили. # – То-то ее покойник Кирюшка любил! # Григорий по вечерам слышал, как Астаховы играли песни.

Но тут уже надо сравнивать, как комментировался основной текст в изданиях произведений Ф.Крюкова. Вообще тема примечаний, надо сказать, пребывая и буквально, и переносно на периферии внимания издательств и писателей (что можно видеть на примере Шолохова), оказывается весьма интересной.

Литература и сокращения

Давыдова О.А. Примечания к «Тихому Дону» (на материале первой книги романа) // Шолоховские чтения. Вып.9. М. 2010, с.114-129).

Рукопись – Шолохов М. Тихий Дон. Рукопись. Книга 1 и 2. Факсимильное изд. текста. М. – Киев – Париж, 2005.

ФЭБ – Фундаментальная электронная библиотека. ЭНИ «Шолохов» <http://feb-web.ru/feb/sholokh/default.asp>.

Михаил Юрьевич Михеев, д.филол.н., в.н.с. НИВЦ МГУ

создатель и ведущий сайтаUniversitaspersonarum

* * *

А.Б.Мороз(Москва)

"Севернорусская легенда об олене" и ее византийские источники

В докладе рассматриваются варианты и источники легенды об олене (лосе, лани), приносящем себя в жертву, которая мотивирует обряд курбана (на Балканах) и аналогичный обряд принесения в жертву быка/барана ряда народов. Она повествует о том, как в давнее время в определенный день олень выходил из леса, переплывал водоем и отдавался на заклятие. Мясо его варили всей деревней и съедали в честь какого-либо христианского праздника (Ильин день, Петров день, Успение, Рождество Богородицы и др.). По другой версии два оленя выходили к месту жертвоприношения, и из них убивали одного, а второй возвращался в лес. Однажды олень задержался и не вышел вовремя, и вместо него закололи быка; по другим версиям оленя забили, не дав ему отдохнуть, или забили обоих вышедших оленей. После этого олень больше не приходил, а в жертвоприношении стали использовать быка или барана.

Обычно исследователями-фольклористами и этнографами эта легенда интерпретировалась как отголосок местных языческих обрядов и изучалась в отрыве как от аналогичных фольклорных текстов у других народов, так и от книжности. Вместе с тем легенда распространена крайне широко в южной Европе (балканские славяне, албанцы, румыны, греки, балканские цыгане), у абхазцев и армян, а также у русского и финно-угорского населения севера России. Кажется, есть основания считать, что легенда об олене распространена только у православных (и у тесно контактирующих с ними народов другого вероисповедания). В докладе будет дан обзор географии распространения легенды и ее вариантов, ее связь с обрядом жертвоприношения и с византийскими христианскими традициями, а также с агиографической литературой, которая, вероятнее всего, послужила источником для возникновения легенды. Прежде всего речь идет о Мучении св. Афиногена Пидакфойского. Будут рассмотрены также вероятные пути распространения этого сюжета и проникновения его в фольклор.

Ряд других агиографических текстов (например, житие Евстафия Плакиды) указывает на особую символическую нагруженность оленя в христианской агиографии и указывает на книжные источники легенды и на письменный способ ее распространения по столь широкой территории.

Мороз Андрей Борисович

д.филол. наук, профессор РГГУ, зав. лаборатории фольклористики РГГУ

* * *

НОНАКА Сусуму(Сайтама, Япония)

Значение писем читателей для эволюции творчества В. Розанова («В мире неясного и нерешенного» и др.)

Нам хочется задаться вопросом о значении писем читателей для эволюции творчества В. Розанова периода «В мире неясного и нерешенного» (1901), когда он активно выступал и вел горячие споры в «Новом времени» по проблемам брака и развода, пола и семьи, добиваясь сенсации среди читателей с помощью нового подхода к предмету и новой стратегии в журналистике.

Статьи Розанова на данную тему отличались двуплановым подходом: он поставил вопрос брака и пола на уровень «секуляризации» и на уровень «сакрализации». С одной стороны, он уделял большое внимание моменту формирования гражданского общества, где сферу частной жизни человека признают сравнительно свободной, неконтролируемой властью и церковью. А с другой стороны, он открыл философскую и богословскую ценность в данном вопросе, делая дискуссию о нем заманчивой для мыслителей и литераторов, а не только для публицистов и общественных деятелей.

Неслучайно Розанов в это время развернул дискуссию о данном вопросе в «Новом времени», хотя А. Суворин отговаривал его от мысли писать о половом вопросе в газете, открытой для массового читателя. Некоторые читатели и оппоненты также возмущались стратегией

писателя открыто писать о теме, которую не следовало бы затрагивать в таком общественном медиуме, как газета. Несмотря на их критику и возмущение, стратегия Розанова увенчалась сенсационным успехом, что объясняется не только его писательским талантом, но и новыми условиями журналистики и общества в России. Дело в том, что граница общественной и частной сферы человека и общества в конце девятнадцатого – начале двадцатого века подвергалась изменению, что становилось все более очевидным в журналистике.

В этом процессе Розанов сознательно и своеобразно пользовался письмами читателей, пишущими ему на данную тему в полемическом или интимном тоне. При явном предпочтении писем эмоционального и интимного тона, он пытается синтезировать живые голоса обыкновенных читателей, в особенности читательниц, по-разному отзывающихся и сообщающих ему самое интимное о своей жизни. Нужно понять, что эта стратегия по отношению к читателям имела для Розанова не только публицистическое значение как свидетельство в пользу его позиции, но и литературное значение как новый материал, давший ему развить новую конструкцию литературного произведения.

Он четко осознал свою литературную задачу, составляя «В мире неясного и нерешенного» и «Семейный вопрос в России», где собраны статьи Розанова, части статей и брошюр оппонентов, письма обыкновенных читателей вокруг данного спора. Книги составлены именно так, что подчеркивается многоярусность расположения текстов, по-разному соотнесенных друг с другом. При этом существенную роль играют примечания Розанова к чужим текстам, напечатанным ранее или опубликованным впервые. Они представляют собой микродиалоги вокруг вопросов брака и пола, связывая тексты самых разных жанров и темперамента в одно целое.

«В мире неясного и нерешенного» и «Семейный вопрос в России» принесли Розанову большую известность в качестве публициста и мыслителя в вопросах брака и пола. Однако его «успехи» объясняются не только содержанием утверждений Розанова, безусловно отличавшихся актуальностью и пронизательностью, но и новым подходом к предмету в рамках журналистики, который нашел дальнейшее литературное развитие в этих книгах.

Как известно, Виктор Шкловский оценил новизну Розанова в отношении композиции «Опавших листьев», в которых такие частные, маргинальные тексты, как записи и дневники играют новую композиционную роль в художественной литературе. Между тем, необходимо учесть, что в эволюции творчества Розанова свою роль сыграли именно чужие тексты, давшие ему открыть частную жизнь человека как новую тематику и композицию в журналистике и литературе. В этом отношении «Опавшие листья» можно было бы уподобить метаморфозе розановских примечаний к чужим текстам, т. е. литературному типу «примечаний без главного текста».

НОНАКА Сусуму

МА, доцент Сайтамского государственного ун-та (Сайтама, Япония)

Saitama, Urawa, Kishi-cho 4-26-1-1906, 330-0064 JAPAN

Иоанна Ожеховска (Ольштын, Польша)

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ АЗБУКИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ВОЙНОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Как известно, функцию учебных заведений для детей старообрядцев выполняли монастыри, где сохранялась старинная традиция обучения детей по церковным книгам. На начальном этапе науки в качестве учебников использовались азбуки (буквари), которые издавались часто и выходили многочисленными тиражами. Многие печатники начинали деятельность своих типографий именно с издания букваря, стараясь тем самым удовлетворить спрос на кириллические книги в своем регионе. Поскольку книгоиздательскую деятельность старообрядцы осуществляли нелегально, определение места издания книг и фамилию печатника представляет сложную задачу для исследователя.

Функцию женского учебно-воспитательного заведения до 1935 года выполнял также старообрядческий монастырь в Войнове (бывшая Восточная Пруссия, ныне Мазуры в Польше). В настоящее время в собрании монастырских книг хранятся три экземпляра азбук: полный (без утрат) (далее: А1), бракованный (далее: А2) и разрозненные листы утраченного экземпляра (далее: А3).

Азбука А1 содержит выходные данные, в которых указано место и время издания азбуки: *напечатана въ тисненіемъ въ москвѣ при свѣтѣ трѣнцио введѣнскои цркви, въ тѣпографіи ѿдиноуѣрцевъ. въ лѣто ѿ сотворѣнїа мїра 7415) ѿ ржтѣа же по плоти вѣа слова 413 мѣа мѣрта въ 1 днѣ (30 марта 1907).* О массовой продукции азбуки свидетельствует информация о восемнадцатом тиснении (издании) пособия с образца экземпляра, напечатанного 15 октября 1860 года.

Структура и содержание А1 частично совпадает со структурой и содержанием азбуки, изданной Яковом Железниковым в Клинцах в 1787 году. Часть букваря А1, начиная с листа 1-го по 16об. (17об.), точно повторяет издание 1787 года, (в рассматриваемом клинцовском издании 1-й и 2-й листы отсутствуют, но нет оснований сомневаться в их соответствии началу азбуки А1). А1 построена в соответствии с композиционным «минимумом», установленным букварем Ивана Федорова, но содержит также другие разделы, что свидетельствует о ее компилятивном характере.

В экземпляре А2 только 8 листов, сходных по содержанию с первыми восемью листами А1, за ними следуют вклеенные из другого экземпляра листы 2-й и 7-й. На основе сравнительного анализа шрифтов и расположения букв, слогов и слов в тексте удалось установить, что экземпляры А1 и А2 принадлежат к различным изданиям. Однако одинаковые обрамление на обложке, ломбард на листе 1об., заставки на листах 4об. и 7-ом позволяют предполагать, что обе азбуки

изданы в одной и той же типографии, с использованием того же шрифта и орнаментов и одинаковым расположением текста на странице. Предположительно, А2 вышла из той же московской типографии при Святой Троицко–Введенской церкви. Из-за отсутствия материала для сравнения остается открытым вопрос о времени печати (тиснения).

Из азбуки А3 сохранились только отдельные листы: 4-й, 5-й, 7-й, 11-й, 12-й, 13-й. Все листы пожелтевшие с разрывами, с потертыми краями или с утратами фрагментов на краях. Текст на сохранившихся листах А3 такой же, как и на аналогичных листах А1. Однако заставки и различия в расположении текста на страницах свидетельствуют о ином происхождении этого пособия. Заставка на листе 7-м совпадает с заставкой из *Альбома* орнаментики типографии Луки Гребнева, что позволяет отнести А3 к изданиям одной из типографий этого печатника. Наиболее правдоподобным местом издания могут быть Дергачи или Старая Тушка.

На основании сравнительного анализа содержания, структуры, расположения текста и орнаментов удалось установить, что в Войновском монастыре использовались 4 разных издания азбук, происходивших из разных типографий. Рассматриваемые нами экземпляры напечатаны по одному и тому же образцу, который, скорее всего, использовался старообрядческими и единоверческими типографиями в конце XIX — начале XX в.

Dr Joanna Orzechowska (Olsztyn)

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej

* * *

Островская Е.С. (Москва)

Концептуализация трансгрессии окраины как способ осмысления центра: Русско-японская война 1904-1905 гг. в поэзии 1904-1910 г.

Нельзя сказать, что отражение русско-японской войны 1904-1905 гг. было обойдено вниманием исследователей. С той или иной степенью подробности эта проблема обсуждалась как советскими, так и пост-советскими историками литературы [Ср. Выходцев 1956, Ермаченко и др.], а также западными исследователями [Ср. Wells 1999 и др.]. Специфика данного исследования в постановке задачи: проследить конструирование идеологических концептов в поэтике поэтического текста на разнородном и обширном материале, охватывающем как известные стихотворения 1904-1910-х гг. авторов первого и второго ряда («На родине» Щепкиной-Куперник, «Наш царь» и «Война» Бальмонта, «Японец возьми» Андрея Белого, «Гармонные вздохи» Анненского, «Девушка пела в церковном хоре» и «Балаганчик» Блока и др.), так и журнальной и газетной поэзии этого времени.

Русско-японская война 1904-1905 гг. – первая для России война за почти три десятилетия – была и одной из первых войн, отчетливо несущих на себе отпечаток урбанистической цивилизации XX века: основой вооружения обеих сторон стали современные технологии, они же предопределили победу стороны, более активно их задействовавшей. Однако велась война за пределами территории России и на огромном отдалении от ее обеих столиц, и приходила в столицы в виде образов морских сражений и экзотических маньчжурских степей и гаоляна. Предметом рассмотрения в данном докладе является непосредственный поэтический отклик на события несостоявшейся «маленькой победоносной войны» с точки зрения проекции далекой войны в пространство мирного города, а также проблематизации и концептуализации окраины.

В ходе доклада предполагается ответить на следующие вопросы:

Как меняет далекая война публичное / частное городское пространство и какие смыслы приписываются этому преобразенному пространству? Какова роль новых информационных технологий в восприятии городом военных новостей? Как задействуется пространственная / городская метафорика для установления связи между Русско-японской войной и Революцией 1905-1907 гг.? Как далекая, экспедиционная война сказывается на восприятии окраин своей страны? И, наконец, в каких отношениях эти смыслы находятся с вместилимыми их стиховыми формами?

Островская Елена Сергеевна

к.филол.н., доцент факультета филологии НИУ-ВШЭ, доцент, зав. кафедрой английской филологии Института филологии и истории РГГУ,

* * *

монах Пантелеимон(Москва)

Гапаксы в церковнославянских богослужебных книгах

Применение статистических методов к исследованию церковнославянских богослужебных текстов позволяет выделить «центральные» тексты, многократно цитируемые и перефразируемые, и «периферийные», находящиеся на стыке со вне-богослужебными текстами.

Одним из числовых критериев «пограничности» может быть частота гапаксов (*hapaх legomena*) — слов, единожды употреблённых в корпусе. Насыщенность редкими топонимами показывает связь исследуемых текстов с историей и географией (сказание св. Епифания о 12 Апостолах, предваряющее Деяния Апостольские), редкими именами — с агиографией (служба субботы Сырной седмицы — преподобным отцам, в подвиге поста и молитвы просиявшим), обилие терминологии показывает связь, например, с церковно-каноническими (последование о исповедании) или медицинскими текстами (последование молебна больному перед хирургическим действием).

Сходными критериями являются частота *dis legomena* и *tris legomena* — слов, соответственно дважды или трижды употребленных в корпусе — но эти критерии больше

подходят для определения степени общей удобопонятности (или, по крайней мере, знакомости) текста.

монах Пантелеимон (Королёв)
Свято-Преображенский скит Московского Данилова ставропигиального монастыря,

ИРЯ РАН

* * *

Елена Пенская (Москва)
«Провокация контекстов» в мемуарных записках Евгении Тур

Для начала следует сделать одно инструментальное пояснение. Терминологическое сочетание «провокация контекстов» принадлежит поэту Всеволоду Некрасову (1934-2009). В устной беседе со мной 5 января 2004 года он обсуждал особенности художественной природы драматических текстов А.В. Сухова-Кобылина, родного брата писательницы Евгении Тур. Всеволод Некрасов считал, что «провокация контекстов» – это необходимое условие работы с читательско-зрительским опытом, памятью, житейской практикой – той совокупностью обстоятельств, которые обуславливают и в конце концов реакцию аудитории. Текст этой беседы будет представлен в готовящейся к изданию книге, в которой предполагается собрать рецензии и отчеты о театральные командировках и просмотрах спектаклей по линии ВТО Вс. Некрасова и его жены профессора Московского университета Анны Ивановны Журавлевой (1938-2009) в 1970-х – начале 1990-х годов.

Об одном из контекстов – биографическом, существенном для понимания театрального феномена Сухова-Кобылина, его отношений с культурной средой, – идет речь в докладе.

Как известно, архив драматурга во многом утрачен из-за пожара в родовом имении Кобылинке, случившемся в 1899 г. Тем ценнее документы, способные прояснить какие-то контекстные обстоятельства. К таким документам можно отнести «Воспоминания о детстве и юности» его сестры. Евгения Тур (псевдоним Елизаветы Васильевны Сухова-Кобылиной, в замужестве Салиас-де-Турнемир (1815–1892) долгие годы находилась в эпицентре русской культурной и политической жизни, своим присутствием в ней во многом сформировала определенный тип отношений в литературной, журналистской, интеллектуальной среде второй половины XIX века. Ее называли русской Жорж Санд. В самом деле, линия семейно-психологического романа не представима без Евгении Тур. Подробная бытопись мемуаров, повестей, переписки и публицистики имеет нередко автобиографическую основу.

Домашние записки Евгении Тур вскрывают табуированные стороны событий, семейных, литературных, политических, а ее живые портретные зарисовки, выпуклые очерковые вставки позволяют увидеть ключевые эпизоды русской литературной и политической жизни сквозь призму истории семьи Сухова-Кобылиных.

Проза и публицистика Евгении Тур всегда автобиографична. Она часто возвращается к семейным коллизиям, и матрица отношений между поколениями и родственниками постоянно всплывает в ее романах и очерках. В случае Евгении Тур данный жанр имеет еще и дополнительные сценарии академических коннотаций, «профессорский» подтекст Московского университета важен в них не последнюю очередь, что отчетливо видно в

тонком и точном «Воспоминании о П. Н. Кудрявцеве», написанном в 1881 г. по просьбе сына, Евгения Салиаса, для его журнала «Полярная звезда».

1880-е годы для Евгении Тур – пора воспоминаний, подведение итогов. Похоже, собственную летопись она именно тогда и составляет, приводит в порядок записки. Не публиковавшиеся прежде «Воспоминание о детстве и юности (РГАЛИ. Ф. 447. Оп. 1. Ед. хр. 1) (1820–1840)» – это незавершенная рукопись, несколько десятков листов, написанных судя по почерку в разное время (1850–1880-е). При сопоставлении этого рукописного материала с ее романами и повестями можно обнаружить немало бытовых деталей, перекочевавших из мемуаров в беллетристику. Но особенно выпуклы совпадения «Воспоминаний» и «Семейства Шалонских. Семейной Хроники» (СПб., 1880). Эти повторы обнаруживаются в зарисовках почти всех членов семьи, но особенно касаются они родителей, бабушки и брата Сергея, прототип которого узнаваем: это любимый брат Александр (Александр Васильевич Сухово-Кобылин), так отчетливо присутствующий в «Воспоминаниях».

Рукопись в составе фонда № 447 была передана из Государственного Литературного музея (ГЛМ, Москва) в Центральный Государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ, ныне — РГАЛИ) при формировании этого учреждения, в 1941 г. В ГЛМ эти документы поступили в 1930-х годах как часть материалов из Рапшевского архива (Варшава)^[24].

Пенская Елена Наумовна

доктор филологических наук
профессор, декан факультета филологии НИУ ВШЭ

* * *

Н.Н.Перцова(Москва)

Из литературных воспоминаний семьи Макшеевых

Задача работы – проследить цепь относящихся к XIX веку литературных встреч и впечатлений, связанных с одной петербургской семьей – семьей Макшеевых.

Алексей Иванович Макшеев (1822, д. Гряда Устюженского у. Новгородской губ. – 1892, СПб.) происходил из новгородских дворян. Многие поколения его предков были военными. Отец, Иван Александрович, в 1807 г. за сражения при Гугштадте и при Гейлеберге был награжден золотой шпагой за храбрость; выйдя в 1810 г. в отставку в чине капитана, во время Отечественной войны 1812 г. вернулся в армию ополченцем и прошел со сражениями до Данцига.

Алексей Макшеев также избрал военную стезю. В 1846 г. он, учившийся в то время в Академии Генерального штаба, вошел в организованный в Петербурге поручиком Н. А. Момбелли либерально направленный литературно-политический кружок и прочитал на его заседаниях 13 географических, исторических, литературных и политических докладов. Вот темы некоторых из них: «По временам исчезающее озеро в Новгородской губернии», «Екатерина I», «О смерти Пушкина», «Об “Илиаде” Гомера», «Современный разговор в духе “Отечественных записок”» «О польской революции» [см. Поздеев 1993]. Осенью 1848 г. кружок сомкнулся с кружком М. В. Петрашевского, и в 1849 г. по доносу провокатора оба кружка были разгромлены. По случайности расправа не затронула Макшеева, поскольку, окончив академию, он с конца 1847 г. находился на службе в

Оренбургском корпусе. Дружбу с Момбелли, а также приятельские отношения с поэтом-петрашевцем А. Н. Плещеевым он сохранил на всю жизнь.

В Оренбуржье штабс-капитан Макшеев продолжал интересоваться литературой и историей, собирал рассказы о Пугачеве еще живых в то время очевидцев. Вот один из таких рассказов [Макшеев 1870]:

«В Оренбурге в конце 1849 г. я слышал от одного престарелого помещика, Скрябина, бывшего, как кажется, предводителем оренбургского дворянства, следующий рассказ:

Пугачев вошел в алтарь церкви, сел на престол^[25] и сказал: “Давно я не сидел на престоле!”».

Макшеев участвовал в боевых действиях в киргизских степях, в частности, играл одну из ключевых ролей во взятии и дальнейшем обустройстве крепости Ак-Мечеть (лето 1853 г.). В то же время все ярче проявлялись его научные интересы в области географии и статистики. Уже летом 1848 и 1849 гг. (на два и на три с половиной месяца) он был командирован через пустыню Кара-Кум к берегам Сыр-Дарьи и на Аральское море; во время этих экспедиций было сделано первое полное описание Аральского моря. Оба раза его соседом и по кибитке, и по каюте парохода на Аральском море был опальный поэт Т. Г. Шевченко. Макшеев пишет [Макшеев 1896]:

«На первом переходе я познакомился с Т. Г. Шевченко, который, служа рядовым в Оренбургском линейном № 5 батальоне, был командирован, по просьбе лейтенанта Бутакова, в описную экспедицию Аральского моря, для снятия береговых видов. Я предложил несчастному художнику и поэту пристанище, на время похода, в своей джуламейке, и он принял мое предложение. Весь поход Шевченко сделал пешком, отдельно от роты, в штатском плохеньком пальто, так как в степи ни от кого и от него в особенности не требовалось соблюдения формы. Он был весел и по-видимому очень доволен раздольем степи и переменю своего положения. Походная обстановка его нисколько не тяготила <...> Он много рассказывал о своих мелких невзгодах, но о крупных политических никогда не говорил ни слова. <...> Единственная книга, которую Тарас Григорьевич имел с собою, была славянская библия; впрочем, он читал ее мало и никогда ничего не писал. <...>

В кибитке жил со мною Т. Г. Шевченко. По утрам он рисовал с меня портрет акварелью, но сходство ему не удалось и потому он его не кончил. Руки и отчасти платье доделал потом казак Чернышев, родной брат известного художника, и в таком виде портрет сохранился у меня. Я дорожу им, как прекрасною картинкою и как памятью о Шевченке». (Портрет хранился у дочерей Макшеева, в годы революции был утрачен.)

В конце 1853 г. Макшеев был назначен на службу в штаб командующего войсками в Бухаресте; участвовал в осаде и в наступлении на крепость Силестрию; за боевые отличия награжден орденом св. Владимира 4-й степени с бантом.

В начале 1855 г. Макшеев был прикомандирован к Николаевской академии Генерального штаба в должности адъютант-профессора по военной статистике. В том же году он был избран действительным членом Географического общества. В 1857 г. был послан на год за границу для собрания сведений по военным наукам и военной организации и для изучения военной статистики. Его маршрут включал ряд государств Европы (Англию, Францию, Австрию, Пруссию, Бельгию, Швейцарию, Испанию), а также Алжирию, Египет, Сирию и Турцию.

В Англии Макшеев дважды встречался с А. И. Герценом (в ИРЛИ РАН сохранилось приглашение Герцена от 8 сентября 1858 г.). Во время первого посещения Макшеев слушал, как Герцен сравнивал перед ним некоторые социальные системы (и при этом ни одну из них не назвал лучшей). При втором визите к Герцену Макшеев познакомился с его детьми и с Н. П. Огаревым. На этот раз говорил Макшеев. Он рассказывал о тяжелом положении населения Средней Азии. Герцен был потрясен, а у Огарева появились даже слезы на глазах [Макшеев 1926]. По воспоминаниям старшей

дочери Макшеева Наталии Алексеевны (1869, Петербург – 1942, Ленинград), отец «вернулся в Россию под обаянием Герцена и привез с собою его сочинения, которые бережно хранил в своей деревенской библиотеке, прикрывая их толстым фолиантом на случай приезда станового пристава. Фотографический портрет Герцена работы Ге висел у него в кабинете вместе в портретами Шевченко и Добролюбова. Он старался уяснить своим детям значение великого писателя, особенно подчеркивая влияние “Колокола” при освобождении крестьян» [там же].

В дальнейшем Макшеев служил профессором статистики в Николаевской академии Генерального штаба (последнее воинское звание – генерал-лейтенант), надолго выезжал для изучения статистики в Пермскую губернию и Среднюю Азию, написал 26 географических и статистических трудов.

Круг его литературных знакомых расширился. В 1860-х гг. он общался с Н. Г. Чернышевским и с редакцией журнала «Современник». Многолетняя тесная дружба связывала всю семью Макшеевых с Н. С. Лесковым. Один из Макшеевых, Захар Андреевич (1858–1935, Белград), даже женился (в 1887 г.) на «названной дочке» Лескова Вере Михайловне Бубновой, и писатель назначил его своим душеприказчиком. Сохранившиеся документы дают представление о том, с какой бережностью Захар Андреевич исполнял возложенные на него обязанности. Так, в ИРЛИ РАН сохранились два его письма к издательнице «Северных цветов» Л. М. Гуревич (1895 г.); во втором из них он не дает согласия на издание личной переписки Лескова: «<...> принимая во внимание хорошо нам обоим известный взгляд покойного писателя на печатание писем вообще, я прихожу к заключению о нежелательности печатать в настоящее время его переписку» [19.989/CXXXVISI, л. 3].

Пять дочерей Алексея Ивановича Макшеева продолжили семейную традицию: они ежеутренне по очереди приходили к жившему по соседству Лескову, чтобы читать ему (чего сам он в последние годы жизни делать уже не мог) [Макшеева 1908]. В воспоминаниях старшей из сестер, Наталии, сохранились меткие словечки Лескова. Так, услышав ее восторженное мнение о религиозной концепции Вл. С. Соловьева, он заметил: «ее значение в том, что в ней вера отделяется от нравственности» [Макшеева 1910, с. 164].

Ограничения места заставляют остановиться чуть ли не в начале нашего описания. За его пределами остаются родственные связи Макшеевых с Линевыми (Иван Логинович Линева – автор последнего портрета Пушкина) и Батюшковыми [Макшеев 1916], дружеские отношения дочерей Алексея Ивановича с Вл. С. Соловьевым, В. В. Розановым, шлиссельбуржцем Н. А. Морозовым и т. д. Тем не менее, как представляется, даже столь беглый взгляд на русскую литературу через призму семейных воспоминаний позволяет увидеть хрестоматийные лица в новом ракурсе.

Литература

Макшеев 1870 – Анекдоты о Пугачеве, сообщенные А.И. Макшеевым // Русская старина, 1870, т. II, с. 418.

Макшеев 1896 – Путешествие по киргизским степям и Туркестанскому краю А. Макшеева. СПб.: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1896. <http://kungrad.com/history/biblio/maksh/>

Макшеев 1916 – А. И. Макшеев. Исторические сведения о роде Макшеевых и их поместьях // Сборник Новгородского Общества любителей древностей. Вып. VIII / под ред. М. В. Муравьева. Новгород: Губ. тип., 1916, с. 99–167. http://www.reglib.natm.ru/book/book_35/

Макшеев 1926 – А.И. Макшеев. Посещение А. И. Герцена / сообщ. Н. А. Макшеевой // Каторга и ссылка. Вып. 6 (27), М., 1926, с. 120–121.

Макшеева 1908 – Н. А. Макшеева. Н. С. Лесков в последние годы своей жизни // Русская мысль, 1908, кн. 9–10, сентябрь–октябрь, с. 172–186.

Макшеева 1910 – Н. Макшеева. Воспоминания о В. С. Соловьеве // Вестник Европы, 1910, август, № 8, с. 164–177.

Поздеев 1993 – А. А. Поздеев. А. И. Макшеев, русский географ, исследователь Средней Азии // Устюжна. Историко-литературный альманах. Вып. II. Вологда: Изд. ВГПИ «Русь», 1993, с. 239–249. <http://www.booksite.ru/fulltext/usty/uzh/na2/14.htm>

[Перцова Наталья Николаевна](#)

[ведущий научный сотрудник, доктор филологических наук](#)

* * *

А.А.Плетнева(Москва)

Былины в лубках: бытование текста на границе устной и письменной традиции

1. В XVII веке появились первые письменные фиксации фольклорных текстов. Цели, которые ставили перед собой люди, осуществлявшие эти записи, и способы фиксации текстов заметно отличались от целей и способов записи профессиональных собирателей фольклора в XIX веке.

2. В XVII-XVIII вв. существуют два типа текстов, в основе которых лежит былинное повествование. В одном случае человек, записывавший былинный текст, пытался сохранить ритм и поэтику былины, а в другом – ограничивался пересказом, воспроизведением сюжета. В этом случае былина превращалась в приключенческую повесть.

3. Некоторые из ранних записей былин попали в лубочную традицию, пополнив корпус текстов для занимательного чтения. Лубочная версия былин существенно отличается от тех записей, которые в XIX веке стали делать профессиональные собиратели фольклора. Фольклористы, записывая с голоса, стремились максимально точно воспроизвести звучащий текст. В то время как составители рукописных и лубочных пересказов былин пытались на основе звучащего текста создать занимательный рассказ.

4. В докладе будут предприняты попытки:

- выделить в лубочных изданиях былин элементы, характерные для народной книжности,

- описать принципы сокращения текста,
- рассмотреть механизм превращения былины в приключенческую повесть.

Александра Андреевна Плетнева

к. филол. н., с.н.с. Ин-та русского языка РАН

* * *

С.К.Пожарицкая(Москва)

Вариативность и редупликация в системе языковых средств одного говора (д.Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.)

Качества, создающие своеобразие диалектной речи: 1) отсутствие кодифицированной нормы, 2) повышенный эмоциональный тонус. Взаимодействие того и другого обеспечивает вариативность словарной реализации лексем и синонимические ряды, включающие окказионализмы. Это сближает диалектную речь с авторской речью таких писателей, как Н.С.Лесков и А.П.Платонов.

1. Морфемика. Структура наречий, соотносительных с формой тв. п. сущ-ных.

1.1. Состав словообразовательных средств.

Помимо общерусских суффиксальных морфем тв.п. *-ом, -ой, -ју, -ами*, в говоре продуктивны образования с суффиксом *-ма* неясного происхождения и преимущественно глагольной мотивирующей основой типа *бегма́, лежма́, дрожма́*.

1.2. Варьирование морфемного состава лексемы.

Пять суффиксов, синонимичных флексиям именного склонения (*-ом, -ой, -ју, -ами, -ма*), осложняются одной или двумя суффиксальными морфемами слева (*-ок-, -ик-, -ак-, -ник-, -ух-, -ушк-, -ишк-, -кур-, -н-, -ен-, -ат-, -ин-, -овј-, -л-*), в результате чего образуется 35 морфемных комплексов (сложных суффиксов). В результате 40% однокоренных наречий имеют до десяти синонимичных словообразовательных вариантов: *пеш-ем / пѣш-ей / пѣш-ью / пеш-к-а́ми / пеш-ак-о́м / пеш-ома́ / пеш-к-ома́ / пеш-кур-о́м / пеш-кур-о́й / пеш-е-ход-ом*.

Вариативность наблюдается в словообразовании наречий разной структуры: *отту́да / оттѣда / оттѣль / онту́да / онту́дова / онтѣда / онтѣдова / онтѣль / онтѣля*.

1.3. Редупликация в системе изобразительных свойств диалектной речи.

Прием редупликации используется для интенсификации семантики корня, создавая тавтологические сочетания типа *бегма бежали, везма везет, горма горят, дерма дерет, вилóm вьются, вísом висят, глóтом глотает, ходбй пошли* (через потенциальное существительное типа **вил, *вис, *глот, *хода*). Редупликация в других структурах: *верх-верхóm, годов-годов, дождь-дождём, пьянь-препьянь, резко-пререзко, плохо-преплохо, часу не часовал, прокляла на проклín, догадывайся на догад, ни нíку ни панíку*.

В говоре наблюдается свобода правил морфемной мотивации при словообразовании: так, существительные с суффиксом *-j(o)* в ЛЯ образуются только от именных основ (ср. *гребьё*); сращение морфов *-ель-ств(o)* (ср. *грабёльство*) в ЛЯ неизвестно. В совокупности с варьированием фонемного состава корня образуется синонимический ряд *грабёльство, грабка, гребь, гребьё, гребёнье, гребёж*.

2. Лексика.

Направление эволюции семантики слова – утрата лексического значения корня и обобщение экспрессивной составляющей. Так, *лобáстым (лобáщим, лобáснищим)* может быть *человек, парень, брат, семья, кот, лошадь, палка, ветла, дом, окно, корзинка, чугу́н, гармонь, пила; лобастый ростом*.

Экспрессивные синонимы с негативной семой *не-* и десемантизированным корнем: *ненамёрный, невыносíмый, несказáнный, ненаказáнный, нерасказáнный, непривíдный, несосвётный, несудíмый, неугасíмый*. В результате дождь может быть *ненаказанный, несосветный, неугасимый*; жара - *ненаказанная, непривидная, неугасимая*. *Ненаказáнным* может быть *воря́й (вор), пьянь, тоска, лодырь, бусорь (дурь, глупость), дурак, ветер, жара, холод, овод, мох, мышá, дождя́* (собираательные).

Свобода комбинации морфем при условии знания моделей ведет к обилию окказионализмов: *Спакою нет, сну нет, в глаза талалá лезить*. Чтобы понять смысл выражения *Кáли, а не руки*, достаточно знать ситуацию и одно из значений модели 'это *x*, а не *y*', и тогда вместо *ка́ли* может быть употреблено едва ли не любое слово с негативной семантикой.

Пожарицкая Софья Константиновна

кандидат ф.н., доцент филологического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова

* * *

Е.А. Потехина (Ольштын, Польша)

Доклад представляет собой результат размышлений автора, непосредственно связанных с разработкой научного описания собрания книг и рукописей, входивших в коллекцию бывшего старообрядческого Спасо-Троицкого монастыря в с. Войново на Мазурах. Монастырская библиотека создавалась в конце XIX — начале XX века и включает рукописные и печатные книги, содержащие тексты чинопоследований, сборники песнопений и сочинений учительного характера, использовавшиеся для совершения общественного и частного богослужения.

Подготавливая интернет-издание каталога книг из Войновской библиотеки, мы предполагаем представить как можно более полное и разностороннее описание старообрядческой письменной словесности как основы традиционной культуры старообрядцев Поморского согласия, проживающих в Польше, причем культуры исчезающей.

Исследования в области истории и культуры старообрядцев в течение многих лет проводятся во всем мире, что можно объяснить не только наличием старообрядческих общин в странах Нового и Старого Света, но и неслабнувшим интересом к самому феномену российской Реформации, передающимся учеными от поколения к поколению. Закрытость старообрядческих общин для посторонних, а также отшельнический образ жизни скитов породил множество мифов о старообрядцах, распространившихся не только в массовом сознании, но, к сожалению, также в научной среде, по-видимому, в результате гипостазирования.

В публикациях о старообрядцах часто повторяются общие фразы, приобретающие самостоятельное аксиологическое значение, например: «На протяжении столетий церковь и ее служители определяли духовные, нравственные и моральные ценности староверов» (из краткого исторического справочника «Староверы Эстонии»). Староверы представляются как носители высоких моральных ценностей, хранители языка и культуры, русский анклав за рубежом (на Западе, в Америке) и т.п.

В докладе будут рассматриваться такие аспекты исследований по истории и культуре зарубежного старообрядчества, в частности, старообрядчества в Польше, как проблема этнической и конфессиональной самоидентификации, вопрос о сохранности языка и культуры; проблема интерпретации взаимоотношений между христианскими традициями восточной и западной культур.

Благодаря многолетнему кропотливому труду научных сотрудников Польской Академии Наук И. Грек-Пабисовой, И. Марыняковой, А. Зелинской мы представляем себе, как выглядела речь старшего поколения старообрядцев, проживающих в районе Августова и на Мазурах, поскольку языка этого больше не существует. Сегодня старообрядцы, проживающие на Мазурах, охотно соглашались разговаривать со студентами по-русски, однако после первых же фраз на своем диалекте переходят на польский литературный язык, поскольку такое общение для них более привычно, впрочем, как и общение на немецком языке.

Многие исследователи старообрядчества, находясь под воздействием самобытной культуры староверов, проецируют элементы своего научного сознания на сознание представителей староверских общин, приписывая им сознательное следование доктринальным образцам и знакомство с содержанием читаемых ими книг, в то время как их информанты являются носителями бытового мышления. Наверное, неслучайно староверское слово «начетчик» приобрело в современном русском языке негативно-оценочную окраску. Нам кажется, что ученые

не имеют оснований полагать, что старообрядцы продолжают жить представлениями эпохи раскола, поскольку те тексты, в которых содержатся наиболее существенные сведения о доктрине, общественной и интимной жизни старообрядческих общин, наглядно демонстрируют изменения этих представлений и отражают новейшую социальную и языковую историю старообрядцев.

Потехина Елена Александровна

доктор филологических наук, профессор

Варминско-Мазурский университет в Ольштыне (Польша); Институт восточнославянской филологии, кафедра славянского языкознания

* * *

Е.Э. Разлогова(Москва)

О вторичной нестандартности высказываний:

нарратив и текстовые фигуры

1. Существуют высказывания, которые в зависимости от своего состава и/или ближайшего контекста, могут восприниматься как нестандартные. Они, с одной стороны, могут содержать ошибки, фигуры речи (морфологические, синтаксические, семантические или логические), включать неологизмы, архаизмы, другую лексику, затрудняющую понимание. С другой стороны, они могут обладать формальными особенностями (включать рифмы, укладываться в размер, содержать разнообразные повторы и пр.). Такие высказывания мы отнесем к высказываниям с **первичной нестандартностью**. Степень нестандартности может быть разной: так высказывание, содержащее авторскую метафору более «нестандартно», чем высказывание с клишированной метафорой. Нестандартность может восприниматься носителями языка по-разному — что нестандартно для одного, может быть совершенно обычно для другого. Она характерна для художественных (в особенности поэтических) текстов, для спонтанной (устной и письменной) речи, речи не-носителей языка, детской речи.

2. К высказываниям со **вторичной нестандартностью** мы отнесем высказывания, нестандартность которых обнаруживается с учетом всего объема текста, а не только ближайшего контекста: элементы, которые они содержат, выполняют нормальную, языковую, функцию, но в то же время входят в структуры, формирующие его стилистику (формируют *точки зрения* в

нарративе, образуют текстовые фигуры, например, *параллелизмы*). Так в «Пиковой даме» А.С.Пушкина высказывания *Он <Германн> окаменел* и *Мертвая старуха сидела окаменев* обладают вторичной нестандартностью, поскольку повтор образует параллелизм. Вторичная нестандартность характерна прежде всего для художественных текстов.

3. В высказываниях с вторичной нестандартностью слово или выражение, несущее двойную нагрузку, не всегда можно заменить на синоним (смысловой или референциальный), не разрушив при этом какую-либо стилистическую структуру. Так в «Пиковой даме» нельзя произвести замену в предложении *Перед ней <графиней>стоял незнакомый мужчина* на *Германн*, поскольку будет утеряна внутренняя фокализация графини — именно для нее Германн является незнакомым мужчиной.

4. Если первичная нестандартность сразу обнаруживается в тексте, то вторичная может остаться незамеченной. Ее выявление является чаще всего результатом деятельности профессиональных филологов. Вместе с тем их мнения о наличии/отсутствии того или иного структурообразующего стилистического элемента могут расходиться.

5. Вторичная нестандартность может в разной степени учитываться при переводе на другой язык. Она может не воспроизводиться, воспроизводиться не в полной мере, воспроизводиться в полной мере и даже насаждаться там, где ее нет в оригинале, смещаться. Отчасти это обусловлено возможностями языка перевода. Но ввиду непрозрачности отношений между автором и переводчиком последний имеет возможность «улучшить» текст в стилистическом плане в соответствии со своими литературными предпочтениями, выступить в роли литературного редактора, что может сказаться и на вторичной нестандартности.

6. При анализе текста элементы дискурса, лежащие в основе вторичной нестандартности, отбираются по принципу возможности интерпретировать их в имеющихся в арсенале филолога (литературоведа, переводчика, редактора и пр.) терминах. Можно отметить какие-то факты и дать им интерпретацию, можно не заметить их или счесть малоинтересными. Некоторые факты воспринимаются как неаккуратность или ошибка автора, хотя они и могут интерпретироваться в рамках вторичной нестандартности.

Разлогова Елена Эмильевна

д.филол.н., ведущий научный сотрудник НИВЦ МГУ

* * *

А.А.Романова(Кишинев, Молдова)

К вопросу о структуре дневникового дискурса: *Дневник Мирчи Элиаде*

Картина литературы XX века будет неполной без включения в ее контекст дневников. Один из ярких примеров дневникового творчества – *Дневник* румынского писателя и ученого Мирчи Элиаде (1907-1986 гг.).

Дневник (Jurnal)^[26] является самой объемной из более сотни книг, принадлежащих перу М. Элиаде, и самой «долгой» – записи в нем датируются 1941-1985 годами. Однако хронологические рамки *Дневника* оказываются значительно шире, чем указанный автором временной промежуток – 1941-1985 гг. Как же это происходит?

Традиционно, всякий дневник – прежде всего текст о *настоящем*.

Действительно, в *Дневнике* Элиаде немало записей, в которых временной разрыв между событием и его фиксацией минимален; текст практически и есть «репортаж с места событий».

Но чаще в *Дневнике* событие и запись о нем расходятся во времени, причем значительно. Свой *Дневник* Элиаде делает формой, регистрирующей не только и не столько события, сколько воспоминания о событиях. Например, запись, сделанная в Венеции летом 1957 года: «Это было в 1926 году, весной <...> Я <...> отправился в собор Сан-Марко. Мне казалось, что нужно его увидеть одному, без помощи гида, и только так можно что-то понять (*a descoberi* – досл. ‘открыть’). Но понять что? Я не знал, не спрашивал себя. Только почувствовал, что мне что-то “откроется”»^[27].

Этот случай не единичен. Содержание многих записей, сделанных *post factum*, – «тексты прошлого». Привлекает внимание акцентированная хронологическая точность текста воспоминаний: «Это произошло *одиннадцать лет и одиннадцать месяцев (без пяти дней)* после нашей помолвки» (20 декабря 1944 года); «*Двадцать лет тому назад, около половины четвертого* <...>» (июль 1957 года); «Вспоминаю, как между *двумя-четырьмя утра в августе 1940 года* <...>» (8 января 1975 года).

Таким образом, в *Дневнике* выделяется *текст воспоминаний*, своего рода «текст в тексте».

Этот прием достаточно распространен в жанре дневника. Однако Элиаде делает его почти принципом построения своего дневникового дискурса. Специфика стратегии Элиаде-диариста заключается в том, что он, как правило, не обращается к *Дневнику* в момент наиболее важных для себя событий, но воспоминание о них становится семантическим центром текста, написанного долгое время спустя. Например, запись от 8 января 1975 года повествует о свадьбе Элиаде и его второй жены Кристинель, состоявшейся 9 января 1950 года; описывается, как выглядел священник, во что были одеты гости, интерьер помещения, где проходило венчание, номер в отеле, куда поехали молодые после церемонии. Запись же от 9 января 1950 года (собственно дата свадьбы) занимает всего три строчки: «Сегодня день нашей свадьбы. Свидетелем был Хереску, посаженными Сибилл и Эмиль Чоран. Церковная служба прошла в свадебном салоне (румынская церковь еще закрыта). Сняли еще одну комнату в Отель дю Сюэд».

Элиаде размышляет на страницах *Дневника* о такой своей творческой манере и защищает ее: «Я спрашиваю себя, стоит ли вести дневники в моменты максимального напряжения; не будут ли более эффективными короткие заметки в ежедневнике, несколько дат, ключевых слов, имен. Подобная стенограмма может быть “проявлена” позже <...>» (8 июня 1946 года).

Так румынский писатель ставит в своем *Дневнике* художественный эксперимент, значительно расширяющий возможности жанра. Позволяя дневнику структурно (с точки зрения хронологии) быть «свободным» текстом», Элиаде предрекает ему успешное будущее, объявляя его «литературным жанром, который скоро войдет в моду», и даже уточняет предполагаемые сроки наступления его популярности: «...возможно, он станет популярным в европейской литературе в течение 10 – 20 лет» (2 августа 1964 года).

Романова Анастасия Анатольевна, к. ф. н.

Молдавская Экономическая Академия (Кишинев, Молдова). Старший преподаватель
кафедры иностранных языков

* * *

Ирина Савкина(Тампере, Финляндия)

Я, МЫ, ОНИ: социальная грамматика в дневниках молодых людей сталинского времени

Дневники юных людей, не обремененных еще разнообразным жизненным и культурным опытом, с одной стороны, наиболее ясно отражают общераспространенные для времени их создания модели поведения и письма.

С другой стороны, дневники молодых имеют свои универсальные для всех времен и народов особенности и повторяющиеся сюжеты. Ключевыми являются два одинаково важных и разнонаправленных стремления – быть не таким как все и быть среди своих, найти друзей, свою «референтную» группу.

Какую специфику эти общие особенности обретают в юношеских дневниках советского времени? Как в этих дневниках обнаруживают себя разные формы отношения со временем, с доминирующей идеологией, с жанром дневника и языком?

В докладе эти вопросы рассматриваются на примере дневниковых текстов Степана Подлубного, Георгия Эфрона, Нины Костериной и Нины Луговской. Основное внимание уделяется вопросу о том, каким образом авторы этих дневников устанавливают контакт с «внеличным», как в их эготекстах определяются границы этого внеличного и условия, на которых этот контакт возможен.

Как нам представляется, в рассматриваемых нами дневниках молодых людей вышеобозначенное происходит на уровне социальной грамматики: через соотношение категорий *Я* и *Мы/Они* и связанных с этим вопросов включенности/исключенности.

Дневник Степана Подлубного отражает его гигантские усилия по освоению новых социальных практик, и сам является такой практикой освоения языка и построения «самообраза» достойного человека, то есть, в этом случае *Я* автора стремится стать частью коллективного *МЫ*.

Дневник Георгия Эфрона демонстрирует процесс изменения социальной грамматики. Если в начале дневника он тоже стремится в той или иной степени соединиться с коллективным советским *МЫ*, то в последних тетрадах – прилагает специальные усилия для того, чтобы создать дискурсивное пространство автономии.

Для Нины Костериной советское, коллективное – не *ОНИ*, а часть *МЫ*, часть *я*, тогда как для ее сверстницы Нины Луговской мучительность поиска самоидентичности определяется в большой степени неопределенностью «референтной группы»; несовершенство, «ненадежность» собственного *Я* оказывается тесно связанным с незаполненностью категории *МЫ*.

Савкина Ирина Леонардовна,

Доктор философии, лектор отделения русского языка и культуры

университета г. Тампере, Финляндия

* * *

С.Ю. Семенова(Москва)

Детство сознания

Сообщение отражает продолжение работ, представлявшихся на конференциях «Маргиналии» в 2008 и 2010 гг. Речь идет о мемориальной деятельности автора после потери мамы, Елизаветы Григорьевны Семеновой (1926-2004). Составляются хроники, описывающие по годам последнюю треть жизни ушедшего человека, с 1978 - года смерти бабушки автора - и до последнего утра 6.03.2004. Также собирается (по памяти) файл семейных высказываний, запечатлевающий ностальгичный семейный дискурс; сейчас в файле около 9 тыс. записей. Рефлексии над обеими формами мемориальной работы, особенно над текстами хроник, отразились в ряде публикаций, тяготеющих к жанру автокомментария.

В данном сообщении хотелось бы обратить внимание на один аспект написания воспоминаний – невольное сопоставление теперешнего состояния сознания автора-мемуариста с его же ментальностью, синхронной вспоминаемым годам. В целом собственное сознание в прошлом ныне ощущается как «простое», не отягощенное опытом утраты и тем самым уже как бы

детское. Помимо естественного взросления в ходе времени, сознание в настоящем, в отличие от такового в прошлом («самостоятельного»), во многом вбирает в себя взгляд на мир глазами дорогого человека.

Малозначительными видятся многие волнительные моменты тех лет. Детскими кажутся, например, большинство из пережитых тогда собственных болезней. Напротив, многие болезни, переживания, усталость ушедшего человека представляются звеньями цепи, которая вела к финалу.

Вспоминающий видит и комментирует собственную наивность, свое прежнее явно облегченное, порой игровое, стремящееся к самоутверждению, восприятие жизни: *Мама понимала эту тоску, а я, счастливая, тогда ещё нет.* (Год 2000). Хотя часто, наоборот, автор снова вживается в ту наивность, поскольку она тождественна пребыванию рядом с ушедшим человеком: *Новое "тысячелетие" началось обыденно – проснулись утром после утомительного вчерашнего телевизора, за окнами стоит обыкновенное белое январское утро. Как я любила эти новогодние просыпания – любила всю нашу Жизнь!* (Год 2001).

Детство сознания – это не только личный опыт, но и коллективный опыт людей конкретной эпохи. Помнится чувство незыблемости реалий зрелого социализма на рубеже 1970-80-х гг. Контраст в восприятии (тогда и сейчас) наглядно проявился в сфере публичной политики, в частности рубежа 1980-90-х гг. Спустя годы после тех жарких политических баталий причастно ощущается наивность, неискренность людей, не привыкших к политическим и медийным технологиям нового общества, к «разоблачительным» телешоу, выборному «пиару» и т.п. Не без труда и с горьким недоумением припоминаются ныне деятели тех лет – Т.Х. Гдлян и Н.В. Иванов, Д.О. Якубовский, А.В. Руцкой и нек. др., оказавшиеся, по сути, фигурами-однодневками, сыгравшие определенную роль в истории, причинившие в свое время много волнений обществу (и, соответственно, отнявшие долю нервных клеток у ушедшего человека).

Собственно, сбор прижизненной семейной лексики, в том числе языковых игр – это тоже фиксация прежнего состояния сознания, вживание в ушедший дискурс.

Детство сознания ярко проявилось и в невидении надвигавшегося финала для близкого человека, в погруженности в повседневную мелкую суету: скидки в «Рамсторе», чтение публицистики, рукоделие и т.п.

Свое прежнее детство сознания, перепад в восприятии до и после утраты ощущалось и самим ушедшим человеком; с годами отдельные прошедшие события уже несколько смешивались хронологически, но осталось незаживающее осознание рубежа: *Это было при бабушке или уже после?* (из файла высказываний; звучало много раз, до конца).

Перепады в восприятии реальности характерны, впрочем, и для спокойного течения жизни, для внутрижизненной повседневности: *Когда идешь на экзамен, кажется, что ничего не знаешь, когда идешь с экзамена, кажется, что знаешь все* (из файла высказываний).

Сознание автора, естественно, трансформируется с годами. Так, уже видны несовершенства текста, написанного в первые траурные годы. Сейчас кругозор, несомненно, шире, чем тот, «синхронный»; усвоена новая информация, уже неразделенная, неведомая ушедшему человеку. Но прежнее наивное сознание ощущается искренним спутником, драматическим, но логическим оправданием судьбы.

Семенова Софья Юльевна

к. филол. н., с. н. с. ИНИОН РАН, доцент РГГУ

* * *

Сергазина К.Т.(Москва)

Круг чтения венецких христовцев XVIII века: расспросные речи игумена Варлаама (Самсонова)

Одним из источников по изучению христовщины можно считать расспросные речи XVIII века, сохранившиеся среди документов первой и второй московских следственных комиссий о раскольниках. В одном из таких текстов – расспросе игумена Кассиановой пустыни, что на Учме Варлаама (Самсонова) – представлен не только рассказ о венецкой общине христовцев, но и воспоминания о текстах, важных для проповеди христовщины (РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 7. Л. 4-14 об., 1733 г.). Небезынтересно на основании этих материалов попытаться очертить круг чтений ранней христовщины, понять, с какими текстами были знакомы первые христовцы.

В допросе игумен Варлаам рассказал, что с учением христовщины познакомился он в 1720-е годы в селе Холтобине Венецкого уезда, где его отец был священником, а он дьячком. Пришедшие к церкви иеромонахи Филарет (Муратин) и Тихон (Струков) научили его «вере Христовой», пользуясь Евангелием, Апостолом, Псалтырью, Толковым Евангелием Феофилакта Болгарского («Благовестником») и житиями святых из Пролога.

Варлаам вспоминает фрагменты из Евангелия от Матфея, Евангелия от Иоанна, послания апостола Иакова, а также из «Слова об исходе души и о втором пришествии» Кирилла Александрийского, которое дополняло Псалтырь и начиналось словами «Боюсь смерти».

Евангельские фрагменты, приводимые игуменом почти дословно, посвящены покаянию, делам милосердия (милостыне), посту и молитве, а также страданиям вслед за Христом. Толкования на них игумен приписывает автору «Благовестника» Феофилакту Болгарскому, однако, перед нами в некотором смысле псевдоэпиграф – в некоторых случаях указанные толкования значительно глубже и подробнее приводимых Феофилактом.

Представленные евангельские фрагменты позволяют лучше понять специфику учения христовцев. Первые наставники христовщины понимали свое учение как проповедь покаяния, основываясь на проповеди Иоанна в пустыни (Мф 3:1-2), призывали молиться тайно, в домах, простыми молитвами (Мф 6:5-13) и, оставляя отца и мать, идти за Иисусом (Мф 10:37-39). Цель праведной жизни видели в возможности избежать вечного огня (Мф 7:19) и наследовать Царство Божие (Ин 3:3-6).

Говоря о пути разных христианских подвижников, игумен Варлаам вспоминает жития Алексия, человека Божьего, и царевича Иоасафа, избравших путь странников, а также примеры святых, сохранивших девство в браке: Евхариста пастуха, Андроника и жены его Афанасии, Захарии Усмаря. Упоминает он и покаянное слово Евагрия Монаха.

Распросные речи игумена Варлаама позволяют говорить о книжном характере ранней христовщины, о значительной роли агиографии, богослужебной традиции и библейских текстов для формирования этой религиозной группы.

Сергазина Карлыгаш Толегеновна, кандидат исторических наук
доцент Учебно-научного центра изучения религий Российского государственного
гуманитарного университета (РГГУ, Москва)

* * *

Е.Г.Серебрякова(Воронеж)

Этика в теории и поведенческой практике шестидесятников

Понятие «шестидесятничество», прочно утвердившееся за поколением советской интеллигенции конца 1950-1970-х годов, включает в себя разнородные явления – от либерально до радикально настроенной, от западнически до национально ориентированной, от секулярной до религиозной аксиологии. Однако при всем разнообразии мировоззренческих, социально-политических и личностных принципов шестидесятников объединяла критика социально-политических институций с нравственно-этических позиций. Требование полной правды об обществе, социальной истории, правах человека и прочее в рассуждениях интеллигенции зачастую дополнялось обвинениями в безнравственности власти и лживости внутренней политики. Такое сочетание вопросов этики и политики не является уникальным в русской культуре. Практическая направленность этических учений традиционна для русской философии. При этом сопоставление личностных моделей поведения либерально настроенной интеллигенции, не порывавшей связей с официальной культурой, и диссидентства, сделавшего конфронтацию режиму основным жизненным принципом, позволяет выявить различия трактовки этических проблем как в теории, так и на практике.

Герценовским принципом «Слово есть дело» руководствовались в оценке современности и те и другие. Однако для либеральной части интеллигенции, не порывавшей с официальной культурой, это правило означало нерасчленённость гражданского, творческого и повседневно-бытового поведения. Этика виделась базовой ценностью, отступление от которой обесмысливало попытки социального улучшения. Общество, полагали они, может быть нравственным только при нравственных гражданах. А значит, этика не разделяема на прикладную – низовую, применимую в быту, и высоко теоретическую. Каждый поступок человека, в частной жизни или социальной, нравственен или нет, выявляет его меру сопричастности общенародной и общечеловеческой морали. Это рождает феномен нравственной цельности, при которой личная поведенческая практика не входила в противоречие с декларируемыми нравственными постулатами.

Диссиденты, отталкиваясь от того же исходного единства этики и практики, приходили в процессе общественной и литературной деятельности к их размежеванию. Повседневно-бытовое, литературное и общественное поведение определялось политическими целями, этика трансформировалась в ценность инструментальную, подчинённую главной задаче – развенчанию прогнившей марксистской идеологии. Эта позиция приводила к морально-нравственному ригоризму при небезупречности личностного поведения.

Серебрякова Елена Геннадьевна

доцент кафедры культурологии Воронежского госуниверситета

* * *

Соловьёв С.М.(Москва)

Маргиналии Варлама Шаламова на полях писем Натальи Климовой

В середине 60-х – первой половине 70-х годов у Варлама Шаламова возникает несколько замыслов, которые объединяются одной сверхзадачей: восстановить разорванную сталинизмом «связь времен», как он пишет в письме Н.Я. Мандельштам. Для этого нужны были исторические детали, факты – и Шаламов изо дня в день просиживает в Ленинской библиотеке, а также работает с документами из личных архивов. Он решается выйти за пределы художественной литературы и очень близко подходит к работе историка.

В эти годы Шаламов тесно общается с Н.И. Столяровой – дочерью эсерки-максималистки Н.С. Климовой, известной деятельницей диссидентского движения, секретарем И.Г. Эренбурга, которой посвящен очерк из цикла «Воскрешение лиственницы» – «Золотая медаль». Столярова передала Шаламову 50 писем своей матери, которые, по мысли писателя, должны были занять

важное место в особой художественно-документальной книге – «Повесть наших отцов». Эта книга должна была рассказать о трагедии революционного и послереволюционного поколений в условиях сталинизма и несбывшихся надежд, пробужденных революцией. Как пишет Шаламов Столяровой: «Эта история не только позволяет изучить эпоху — надеть намордник на эпоху».

Шаламов изучает письма скрупулезно. В его архиве сохранилась перепечатка оригиналов писем, которые он сверил с оригиналами, исправил опечатки, пронумеровал страницы, отметил утерянные письма и фрагменты. Сохранились пометки Шаламова на этих листах и некоторые выписки, позволяющие реконструировать творческий замысел и, возможно, некоторые авторские эмоции.

Всего в переписке 50 писем, включая опубликованное в 1908 году «Письмо перед казнью». Задача Шаламова – проникнуть в личность Натальи Климовой с помощью этих «человеческих документов», стать «летописцем ее души». Отмеченные Шаламовым фрагменты, которых всего 43, можно условно разделить на 4 темы: **дети** (речь идет о сводных сестрах, о детях заключенных, о своих детях, родившихся уже в эмиграции) – 24 фрагмента; **политика-литература-наука** – 9 фрагментов; **природа** – 11 фрагментов, **рассказы о себе**, о своем быте или переживаниях – 22 фрагмента. В 13 случаях в выделенных фрагментах темы сочетаются в равной степени, чаще всего – упоминания детей и природы. При всей условности подобных подсчетов, они позволяют судить о том, что именно привлекало Шаламова в личности Климовой. Скорее всего, знакомый с «Колымскими рассказами» (а также – с литературным спором Шаламова с другим писателем-лагерником Г.Г. Демидовым) читатель будет удивлен превалированием именно темы детства в шаламовских заметках.

Работа Шаламова над письмами Н.С. Климовой, а также – более внимательное прочтение ряда его рассказов, позволяют сделать несколько предположений, безусловно, нуждающихся в дальнейшем подтверждении:

1. Шаламов в работе над письмами выступает именно как исследователь, внимательный и сочувствующий.

2. Личность Климовой предстает в этих письмах перед Шаламовым как «зеркало эпохи», но при этом – никак не типичный случай (слова о типичности промелькнули было в рукописи «Золотой медали», но потом были грубо замазаны). В таком подходе – один из ключей к творческому методу Шаламова.

3. Жестокость «Колымских рассказов» не свидетельствует прямо о жесткости личности Шаламова, его внимание к теме детства и воспитания лишний раз подтверждают, что антигуманизм КР – средство показать читателю среду расчеловечивания.

4. Шаламова в личности Климовой привлекает не только ее жертвенность и бескомпромиссность революционерки, героя, но и тот факт, что она сохранила человечность и чуткость.

5. Пометки Шаламова на письмах заключенной-каторжанки могут дать основания биографу предполагать, что именно сам Шаламов ощущал в тюрьме. Возможно, с их помощью можно об этом судить даже с большим основанием, чем по «Колымским рассказам», из которых осязаемая человечность была вытравлена автором совершенно сознательно.

Соловьёв Сергей Михайлович

к. филос. н., доцент ф-та социальной психологии МГППУ,

руководитель проекта Shalamov.ru

* * *

Сомова М.В., Южакова Ю.А.(Рязань)

Еще раз о месте бранной лексики в нашей речи

Конец XX столетия в России – время стремительных общественных перемен, вызвавших активные изменения в языке практически на всех его уровнях. Следствием интенсивной демократизации нашей жизни, в том числе и интенсивно продолжающейся демократизации языка, явилось расшатывание литературных норм, размывание границ литературного языка, выход за пределы устной бытовой речи сниженной, жаргонной лексики, а в отдельных случаях и лексики нецензурной, именуемой ранее непечатной. Названные лексические группы стали содержательной компонентой всех жанров, маркированных экспрессивной окраской: политических дебатов, газетных и телевизионных репортажей, публицистических выступлений и пр.

Бранная и нецензурная лексика буквально висит в воздухе и отравляет его. По данным социологических опросов, проводимых студентами рязанских вузов, все носители языка осознают, что речевая культура в городе резко падает, но при этом люди утверждают, что сами используют непечатную лексику регулярно вне зависимости от того, где и в каком обществе находятся! «Агрессивную языковую среду» в семье создают представители старшего поколения, в детских учебных заведениях – учащиеся, а в общественных местах – все члены общества. Большинство носителей языка, не задумываясь, употребляет нецензурную лексику, которая для многих является вводными словами или словами-связками. С помощью непечатных слов и выражений передаются любые эмоции: от резко негативных до восторженных!

Семантика матерной брани не воспринимается как оскорбление. Например, это может быть приветствие (вспомните героя М. Булгакова Шарикова, его знаменитое: *«А, профессор, итить твою мать!»*) или «Солдатские сказки» Саши Чёрного) или одобрение (*Ну ты орёл, ёрш твою медь!*). То есть даже «в шуточных и приятных разговорах» подобные слова составляют главную соль, приправу, вес речи.

Конечно, говоря о нецензурной лексике, надо отметить тот факт, что это – особый пласт языка, существовавший ещё с языческих времён, связанный с языческими культами матери-земли и культом пса. Но, начиная с эпохи принятия христианства на Руси, вся бранная лексика – непечатная, нецензурная, матерная – подвергалась табуированию! С этих пор считалось, что площадная брань притягивает нечистую силу, отгоняет ангелов-хранителей. Во всяком случае, матерщина воспринималась по преимуществу как черта мужского поведения, причем часто считалась возможной только в мужском обществе, а в устах женщин воспринималась как грех.

К сожалению, сейчас этот грех никого не пугает, используют нецензурную лексику все и всюду, причём слабый пол практически не отстаёт от мужчин. Представители разных поколений, не стесняясь, громко употребляют их в общественных местах, на службе

или в учебном заведении, а писатели (например, А. Константинов или А. Бушков) вкладывают их в уста своих героев.

Примечательно, что делать замечания в обществе тем, кто употребляет непечатную лексику, стало не принято. Люди просто не замечают грубые и бранные слова, пропуская их мимо своего сознания, потому что они употребляются и школьниками, и врачами, и преподавателями, и журналистами, а отнюдь не только грузчиками. Мобильные средства связи и Интернет без ограничения пропускают их в эфир, они звучат в художественных фильмах и телевизионных информационных передачах.

Всё это создаёт языковую среду, в которой обитают все говорящие на русском языке. Мы сами нарушаем все мыслимые нормы языка, но редко это кого-то не волнует: среднестатистический россиянин занят решением более приземлённых и меркантильных проблем. Прагматикон – «коммуникативно-деятельностные потребности личности, движущие ей мотивы, установки и цели...» (Колесов В.В.) – далёк от русского языка и его проблем, несмотря на все усилия международных организаций и российского правительства, объявившего 6 июня Днём русского языка... Проблема не только и не столько в нарушениях литературно-языковой нормы (хотя это, безусловно, не может оставить и не оставляет равнодушными тех, кому дорог язык), а в неуважении к родному слову, в попытках изменить языковой знак, а через него – национальную традиционную ментальность.

Сомова Марина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

Южакова Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

* * *

Елена Степанян-Румянцева(Москва)

Тема Рождества в творчестве Заболоцкого: ось или кайма?

Идея, сопровождающая Н.А. Заболоцкого на всем его творческом пути, – идея жертвенной самоотдачи человека окружающей его природе. По мысли поэта, «вся тварь стонает и мучится» под властью человека, человек в долгу у природы, которую он безжалостно угнетает. Поэтому начиная с поэтического цикла «Столбцы» и ранних поэм Заболоцкий постоянно обращается к теме возвращения человеком его долга природе.

1. Эта идея воплощается в утопическую (что вполне в духе утопического сознания советской эпохи 1920–30-х гг.) программу интеллектуального обогащения природы за счет человеческого сознания. В результате такого донорства природа заживет обновленной и сознательной жизнью (поэмы «Безумный волк», «Торжество земледелия»). Образы Заболоцкого той поры полностью тождественны пластическим образам П.

Филонова. Они облакаются в совершенно особенную словесную плоть – это специфический «фигурный», «юродский», «лебядкинский» язык, соотносимый с примитивистскими художественными приемами главы «аналитической школы». Язык, вскрывающий работу то ли человеческого сознания, пробивающегося к неизведанным тайнам естества, то ли сознания полуживотного, мало-помалу пробуждающегося к новой жизни.

2. Утопическая идиллия Заболоцкого, картина, представляющая глубочайший контакт и взаимопонимание между человеком и животными, видоизменяется (порой, казалось бы, до неузнаваемости), но сохраняется в его творчестве до конца. Существенно то, что упоминания о свете и источниках света, присутствующие у Заболоцкого раннего, все более настойчиво и значимо присутствуют на более позднем, зрелом этапе («Соловей», «Лесное озеро» и др.). То есть картина человечески-животного взаимодействия раскрывается как бы в активном присутствии все заливающего света.

3. В этой связи особое значение приобретает образный «пунктир», имеющий, казалось бы, подчиненный, маргинальный характер для поэзии Заболоцкого. Заболоцкого нельзя назвать религиозным поэтом, скорее напрашивается определение главной идеи его творчества как натурфилософской. Но именно в свете натурфилософских проектов писателя особое значение приобретает картина Рождества, изредка, но значимо возникающая в его произведениях. Рождественская идиллия, объединяющая людей, животных, светила и Ангелов является своего рода идеальной матрицей, рождающей новые и новые образы лирики и поэм Заболоцкого.

4. Именно поэтому картина Рождества возникает, по свидетельству Хармса, в замысле так и не написанной поэмы «Облака», в личных записях (имеют характер дневниковых), в поэтических набросках, не получивших завершения, наконец, в написанном буквально в последний час жизни плане анонимного произведения, работу над которым прервала смерть.

5. Тема Рождества в наследии великого поэта – убедительный пример того, как творческое ядро той или иной поэтической системы дает жизнь, казалось бы, обочинным и в то же время очень существенным для понимания мира художника образам.

Степанян (Степанян-Румянцева) Елена Владимировна,

кандидат филол. наук, профессор ГАСК

(кафедра литературоведения Государственной академии славянской культуры), редактор
журнала «Русское искусство»

* * *

М.В.Строганов(Тверь)

Симеон Бекбулатович, или Текстуализация истории

Жизнь и деятельность хана Касимовского (1567—1573), царя всея Руси (1575—1576), великого князя Тверского (1576—1606), монаха Кирилло-Белозерского и

Соловецкого монастырей Симеона Бекбулатовича лишь однажды была подвергнута собственно научному изучению в монографическом исследовании Н. В. Лилеева (*Лилеев Н. В.* Симеон Бекбулатович, хан Касимовский, великий князь всея Руси, впоследствии князь Тверской. 1567—1616. Тверь, 1891). Эту работу сопровождал ряд отдельных публикаций автора и полемика с ним (перечисляем их все, так как они не учтены в литературе): *Лилеев Н. В.* 1) Симеон Бекбулатович, царь Касимовский и великий князь всея Руси, впоследствии великий князь Тверской // Журнал ТУАК. 1890. № 27. 23 февраля. С. 4; 2) О Симеоне Бекбулатовиче // там же. 1895. № 49. 22 марта. С. 6—10; 3) Чтение отрывка из труда о вотчинах Симеона Бекбулатовича // там же. 1895. № 52. 16 октября. С. 11—13; *Жизневский А. К.* Заметка <Д. Ф. Кобеко> на статью Н. В. Лилеева «Симеон Бекбулатович» // там же. 1893. № 42. 15 апреля. С. 2—3). Эта работа тверского историка положила начало тщательного обследования именно тверских источников (*Иванов И. А.* Памятники старины в Тверском уезде: а) Евангелие 1678 г. в церкви с. Тутани; б) колокол Симеона Бекбулатовича в с. Тутани // там же. 1902. № 87. 3 сентября. С. 6—7; *Судаков Иван, о.* Историческая записка о древней церкви Смоленския иконы Пресвятыя Богородицы Одигитрии в селе Кушалине и о самом Кушалине с прилежащими к нему местами. Тверь, 1851. С. 17 и сл.; *Келейников Г. П.* История села Кушалино // <http://surikata63.livejournal.com/>). Все остальные публикации, связанные с именем Симеона Бекбулатовича, либо вводили материалы, либо в составе сводных исторических трудов предлагали более или менее адекватные интерпретации, среди которых следует отметить характеристику «политический маскарад» (*Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб., 1888. С. 136, 255, 317. См. также истории Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, Д. И. Иловайского, К. Н. Бестужева-Рюмина, Н. И. Костомарова, Р. Г. [Скрынникова](#)).

В современных публикациях, посвященных Симеону Бекбулатовичу, реализуется ставшая модной в последнее время установка на текстуализацию истории. Во-первых, это либо лихие журналистские «расследования», которые всегда тяготели к броским эпатажирующим характеристикам; этот прием следовало бы назвать «история как горяченькое» (<http://www.veche.tver.ru/index.shtml?news=9126> (газета «Вече Твери», Тверь); *Наумова Елена, Шевцов Никита.* Горькая судьба царя Симеона // http://vlad18102010.narod.ru/gorkaya_sudba_tsarya_simeona/, газета «Сельская жизнь» (Рамешки), 2009. 21 мая. № 38 /23454). Во-вторых, это сформировавшаяся в последнее время стратегия политических аналогий. Эта тенденция, как можно судить, зародилась летом 2011 г. и к настоящему времени охватила все оппозиционные политические круги. Дело в том, что некоторые историки и публицисты самых разных политических ориентаций сравнивают ситуацию Симеона Бекбулатовича и Ивана Грозного с недавним тандемом России: президентом Д. А. Медведевым и премьер-министром В. В. Путиным (*Jégo M.* [Russie: anatomie d'un dégel diplomatique](#) // [Le Monde](#). 2010. 18 мая; *Киселев Е.* Двоецарствие — старинный русский обычай // [The New Times](#)/Новое время. 2008. 24 марта. № 12; *Пионтковский Андрей.* [Старик Габбана](#) // [Грани.ру](#). 2008. 21 апреля; *Окара Андрей.* [План Медведева: формула власти. Новый президент против призраков двоевластия](#) // [АПН.ру](#). 2008. 14 мая; <http://turowalex.livejournal.com/120824.html>; <http://rusk.ru/st.php?idar=800138>; <http://www.pravda.info/politics/94557.html>; http://medvedevu.ru/news/simeon_bekbulatovich_2011_5_октября; <http://kprf.ru/funny/71068.html>; <http://www.echo.msk.ru/programs/truth/621235-echo/>; http://www.ruskline.ru/news_rl/2012/03/02/simeon_bekbulatovich_ne_hochet_uhodit/, 2012. 3 февраля, см. также обсуждение этого материала).

Для историка культуры материал этого рода представляет большой интерес, поскольку предлагает самый яркий пример текстуализации истории. В целях адекватного анализа следует различать несколько типов этого явления. Поскольку словесное изложение любой истории предполагает построение исторического нарратива, более или

менее удовлетворительно объясняющего значительный материал, постольку любой историк, работающий с большим объемом материала, стремится к текстуализации, пускай даже и несознательно. Но текстуализация истории как осознанная исследовательская стратегия сформировалась относительно недавно под несомненным влиянием школы М. Фуко. От обоих этих типов следует отличать текстуализацию истории, которую мы обнаруживаем в современной публицистике. Это, разумеется, не научная стратегия и не естественное стремление к построению связного исторического рассказа.

Публицистическая текстуализация истории строится без введения новых фактических данных и при использовании только тех материалов, которые находятся в широком и всем доступном обращении; ее задача состоит в том, чтобы выдать броскую формулу, позволяющую получить быстрый общественный резонанс. Среди этих публицистических работ есть и весьма интересные в литературном отношении тексты. Но нас в данном случае интересует не качество тех или иных текстов, а сам проект вторичной мифологизации исторического материала в современных политических целях.

Строганов Михаил Викторович,

доктор филологических наук, профессор Тверского

государственного университета, директор

Центра тверского краеведения и фольклора

* * *

Евгения Строганова(Тверь)

Между Рязанью и Петербургом: провинциальный автор-женщина в эпистолярии Н. Д.Хвощинской

Материалом для сообщения послужили письма Надежды Дмитриевны Хвощинской (1820/1821, по др. свед. 1824/1825 – 1889), более известной как В. Крестовский-псевдоним^[28], которая в свое время пользовалась репутацией «лучшей русской писательницы»^[29]. В названии доклада отражены уровни маргинализации автора – как провинциалки, чья жизнь была биографически связана с Рязанью, и как женщины, чья деятельность никогда не удостоивалась безусловных похвал, а посмертное вытеснение из историко-литературного обихода привело к полузабвению ее текстов и необнародованности эго-документов^[30]. Корпус писем Хвощинской достаточно обширен, но особого внимания заслуживают письма, адресованные близкой приятельнице – О. А. Новиковой, в общении с которой писательница была наиболее свободна от условностей. Предполагается рассмотреть комплекс социокультурных проблем, которые провоцируются эпистолярием Хвощинской.

1. Столичный масштаб литературной деятельности и ограниченность повседневного существования провинциальной действительностью. Бытовая обстановка провинциального

литератора, остро ощущающего свою оторванность от центров культуры, которую Хвощинская пытается преодолеть посредством эпистолярного общения.

2. Адаптация провинциальной писательницы в столичном обществе. Взаимодействие с литераторами-современниками, особенности восприятия «культовых» литературных фигур. Компенсаторная функция слухов–сплетен–пересудов как источника суждений.

3. Декларируемая «внепартийность» и независимая оценка периодических изданий как следствие дистанцированности от эпицентра литературной борьбы. В письме от 6 июля 1865 г. сообщает, что читает Макиавелли, а сестра Софья – Гиббона, «который весом втрое тяжелее ее самой»: «Все ж это легче, чем книжонки, в которых литераторы наши таскают друг друга за святые волосы (смотри Современник и Р.<усское> Слово) или твякают из-за угла, как Петька Боборыкин» (РГАЛИ. Ф 345. Оп. 1. Д. 851. Л. 87 об.)^[31].

4. Положение автора-женщины (периферийных литераторов в целом) и вопрос об оплате литературного труда. По поводу гонорарной политики «Вестника Европы»: «Невыгодно будет для нашей братии, меньших, буквально – живущих своей работой, если эти знаменитости (Тургенев и Гончаров. – Е. С.) истощат на себя и деньги, и терпение редактора. Мне как воздух необходимы две тысячи – я проработаю, не поднимая головы полгода, переценю каждое слово, и по совести, не напишу лишней строки – а мне, вероятно, не заплатят и половины» (письмо к О. А. Новиковой от 12 октября / 30 сентября 1869. – РГАЛИ. Ф. 345. Оп. Д. 852. Л. 27 об.).

5. Обстановка жизни литературной семьи (кроме Надежды писательницами стали ее сестры Софья и Прасковья). Автономность их творческой работы (в письме от 3 января 1864 г.: «Мы все три сидели над детищами»^[32]); отсутствие прямого сотворчества, но неизбежность идейного взаимовлияния.

6. Общественный быт Рязани и дом Хвощинских как культурный центр. Гендерно выраженные предпочтения писательницы: мужское общество как более отвечающее интеллектуальным запросам и жизненным стремлениям.

Письма провинциалки Хвощинской к столичной жительнице Новиковой отличаются разнообразием и богатством содержания, стилевой и изобразительной свободой, что придает им несомненный художественный интерес, и возможно полная их публикация представляла бы значительный интерес не только для историков культуры.

Строганова Евгения Нахимовна,

доктор филологических наук, профессор Тверского

государственного университета, главный научный

сотрудник Центра тверского краеведения и фольклора

* * *

Историко-культурологический аспект неопубликованных мемуаров

И.И. Пузанова

Имя Ивана Ивановича Пузанова (12/24.IV 1885, Курск – 22.I 1971, Одесса) – выпускника Московского университета, выдающегося зоолога, зоогеографа и гидробиолога, доктора биологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки СССР, мало известно среди литературоведов. Предоставленная его внуком, А.С. Пузановым, возможность ознакомиться с неопубликованными мемуарами, привлекла мое внимание к жизненному, поэтическому и переводческому творчеству ученого, а также к его дружбе с крымскими поэтами Максимилианом Волошиным и Георгием Шенгели^[33], которым посвятил ряд стихотворений, в частности стихотворение «Коктебель», написанное в октябре 1932 года на смерть Волошина.

Хронологические рамки мемуаров охватывают практически весь период жизни И.И. Пузанова, начиная с раннего детства и заканчивая зрелыми годами. Они представляют собой двадцать шесть машинописных тетрадей в среднем по сто страниц размером А4, озаглавленных как тома. Подготовительную работу к мемуарам И.И. Пузанов начал составлять в 1931 году, еще при жизни матери, сообщившей ему ряд фактов, которые иначе были бы утрачены безвозвратно. Составив летопись, Пузанов ежегодно пополнял ее кратким перечислением главнейших событий минувшего года, приурочивая это занятие обычно к кануну нового года. Воспоминания представляют не только семейный, но и общественный интерес. Иван Иванович много ездил, много видел и испытал, был знаком со многими выдающимися и типичными для своей эпохи людьми, и самое главное – жил в одну из самых бурных эпох новой истории. Главное внимание в своих мемуарах он уделял эпохе, окружению, фактам.

Наталья Тимофеевна Тарумова

Москва, НИВЦ МГУ

* * *

А.В. Уланова(Москва)

История российского земства: Бронницкий уезд

Доклад посвящен музейному проекту «История российского земства: Бронницкий уезд», реализация которого началась в Музее истории города Бронницы Московской области.

Музей, расположенный в историческом здании бывшей земской управы, собрал представительный документальный материал по истории местного земства, способный лечь в основу новой музееобразующей экспозиции.

Бронницкий уезд был самым крупным в Московской губернии. Период существования земства – время истинного расцвета Бронницкого уезда в экономической и социальной сфере. С 1864 по 1918 гг. в компетенцию земских учреждений входили вопросы здравоохранения, образования, ветеринарии, строительства и ремонта дорог, мостов, переправ, благоустройства городов и сел, организации народных библиотек, кредитных товариществ, кооперативов, касс взаимопомощи и землеустроительных комиссий. Именно в это время, в 1865 г. по инициативе педагога уездного училища Н.П. Петерсона в городе появилось музейное собрание при земском училище, состоящее из археологических, геологических, энтомологических и художественных коллекций. Таким образом, Бронницкий музей возник гораздо раньше, например, Музея истории города Москвы (1896 г.).

Многочисленные, опустевшие в период октябрьских революционных преобразований, дворянские усадьбы: имение Талызиных Денежниково, имение Фонвизиных Марьино, имение Быково, принадлежавшее в разные годы Измайловым, Воронцовым-Дашковым, Ильиным, имение Прозоровских-Голицыных Раменское стали источником формирования новых музейных фондов, ознаменовав следующий этап развития музея. Вскоре произошли изменения, коснувшиеся переустройства территориальных границ. Они привели к упразднению Бронницкого уезда и образованию нового административного центра, в статусе районного, в бывшем селе Раменское. Это явилось первопричиной трагического разъединения музейной коллекции и окончательного закрытия Бронницкого музея в 1925 г. Часть фондов была передана во вновь образованный Раменский музей, остальное изъято и рассеяно. Многие экспонаты были безвозвратно утрачены, следы других стерлись временем.

Возрождение музея началось только в 1988 г. Сначала общественный, а с 2001 г. – муниципальный, Музей истории города Бронницы стал неотъемлемой частью культурной жизни Подмосковья. В 2011 г. возникла авторская концепция новой музейной экспозиции «История российского земства: Бронницкий уезд». История Бронницкого земства будет раскрыта здесь на примерах деятельности известных людей, служавших в различных земских ведомствах. Среди них исторические личности, проживавшие в уезде: Александр Александрович Пушкин (1833 – 1914) – военный и государственный деятель, сын великого поэта, Александр Александрович Пушкин (1863 – 1916) – предводитель дворянства Бронницкого уезда, внук поэта (похоронен в г. Бронницы), Николай Иванович Ильин (1837 – 1907) – инженер-путеец, строитель и управляющий Московско-Казанской железной дорогой, дядя выдающегося русского философа И.А. Ильина; Петр Глебович Янков (1875 – 1945) – руководитель знаменитого в начале XX в. хора русской песни и др.

В 2014 г. исполнится 150 лет институту российского земства. Исследуя ранее неизвестные архивные материалы и изучая опыт зарубежного музейного строительства, авторы нового проекта ставят целью создание в городе Бронницы экспозиционного центра общеевропейского уровня.

Уланова Анжела Владимировна – историк-источниковед,

сотрудник лаборатории автоматизированных лексикографических систем

НИВЦ МГУ им. М.В. Ломоносова,
член научно-методического совета МУК «Музей истории города Бронницы»,
соавтор (с С.В. Прибора) музейного проекта «История российского земства: Бронницкий
уезд»

* * *

Н.А.Фатеева(Москва)

Понятие «номадического авторства» и интертекстуальность

Тема возникла в связи с понятиями «номадического интеллекта» и «номадического субъекта», которые благодаря Р. Брайдотти (ее работе «Путем номадизма») стали широко использоваться в феминистической литературе. Сами же эти понятия, безусловно, связаны с концепцией «номадического мышления» и «номадическими» текстовыми стратегиями Ж. Делеза (номадическое и ризоматическое письмо). Понятие «ризомы» позволяет трактовать тексты как обладающие креативным потенциалом самоорганизации, причем источником трансформаций выступает в данном случае не какие-либо внешние причины, но имманентная нон-финальность системы, которая «ни стабильна, ни не стабильна, а скорее, "метастабильна" и "наделена потенциальной энергией"» (Ж. Делез).

Российские феминистки (Е. Здравомыслова, А. Темкина), создавая на русском языке антологию гендерных исследований, предложили термин «номадическое авторство», который отражает тот факт, что перевод феминистических текстов с языка на язык всегда «дискурсивно ситуативен» и заставляет переводчика искать адекватные эквиваленты в своей культуре и языке. По их мнению, понятие номадичности автора производно от концепции интертекстуальности, которая подразумевает «кочевание» текста из контекста в контекст.

В своем докладе я предполагаю рассмотреть «интертекстуальность» в широком понимании, во всех ее типологических проявлениях именно с позиции «авторского номадизма». Мой доклад не будет связан с собственно переводом, тем более феминистическим, хотя явления межъязыкового взаимодействия будут в центре внимания.

Фатеева Наталья Александровна, д.ф.н.,
ведущий научный сотрудник ИРЯ РАН

* * *

Л.Л. Федорова(Москва)

Об одной маргинальной модели славянских фамилий и прозвищ

В фокусе исследования – фамилии украинского происхождения структуры $V_{\text{imp}}+N$: *Варикаша*, *Верниволя*, *Вершигора*, *Вырвидуб*, *Заплюйсвечка*, *Лупибатько*, *Майборода*, *Недайборщ*, *Неешьсало/ Неишсало*, *Неешьпапа/ Неишпапа* и под. Смеховая семантика подобных фамилий издавна привлекала внимание и писателей, так, вслед гоголевским примерам *Держиморда* и *Неуважайкорыто* (возможно, оригинальным) в литературе встречаются *Гони-ветер*, *Жуйборода*, *Задерживіст*, *Давимуха*, *Свербигуз*, *Непийливо*. Многие из них сохраняют экспрессивно-оценочный характер и считаются колоритными образцами украинского юмора.

Между тем слова подобной модели встречаются во многих языках, прежде всего в романских, где они представляют широко распространенную модель оценочных и функциональных наименований людей, а также инструментов и объектов реального мира, например: *Casse-noisettes* – «расколи-орешки» (щипцы для орехов) – Щелкунчик во французском переводе немецкого *Nußknacker*, итальянский *Mangiafuoco* – «ешь-огонь» (бахвал) – оригинальное имя Карабаса Барабаса.

Для их структуры характерна разговорная недооформленность, помещающая их между нормативными морфологическими образцами основосложения и случайными примерами сращений, сохраняющими синтаксические формы. С одной стороны, они включают императивную глагольную форму, которую, впрочем, не все лингвисты признают таковой, основываясь на нередком отсутствии императивной семантики; с другой стороны, основа имени выступает в нейтрализованной форме, совпадающей с именительным падежом (собственно, это способ оформления целого). Однако семантическая роль чаще соответствует объекту, прямому или косвенному (*Майборода*, *Топчигрязь*, *перекатиполе*, *tournesol* «верти-солнце» – 'подсолнух', *saute-ruisseau* «(пере)прыгни-ручей» – 'посыльный'), но она может быть и субъектной (*Шумигай*, *Гуляй-ветер*, *горибес*; *держидерево* – дерево с колючками, фр. *pense-bête* «думай-дурак» – 'узелок на память'), а может быть амбивалентной (*Лупибатько*). Распределение ролей опирается на ситуацию речи, в которой говорящий обращается к собеседнику или объекту, давая ему имя; а возможно, что и сам объект обращается к человеку (ит. *passatempo* «проведи-время» – 'тыквенные семечки', *asciugatano* «вытри-рука» – 'полотенце', англ. *Readme* «читай-меня»). Однако обычно побудительный смысл уступает значению предназначения, оценочной или функциональной характеристики, что можно считать периферийными значениями императива: *Жуйборода/ Нежуйборода* – 'тот, кто жует бороду'.

Для исследования семантики интерес представляет использование в украинской модели параллельных вариантов: отрицательных конструкций и форм без отрицания (*Закривидорога/ Некривидорога*, *Забейворота/ Незабейворота*). Они могут свидетельствовать об иронической амбивалентности оценки, изначально заключенной в подобных именовании и нейтрализованной.

Литература

Арутюнова Н.Д. Проблемы морфологии и словообразования (на материале испанского языка). М., 2007.

Гусев В.Ю. Типология специализированных глагольных форм императива. Автореф. ... канд. филол. наук. М., 2005.

Федорова Л.Л. Маленькие комедии сложных слов // Логический анализ языка: языковые механизмы комизма. М.: Индрик, 2007. С. 699–711.

Федорова Л.Л. Скрытый диалогизм сложных слов // Скрытые смыслы в языке и коммуникации. М., 2008. С. 101–110.

Федорова Людмила Львовна,

к.филол. н., доцент Института лингвистики РГГУ

* * *

Роберт Ходель(Гамбург, Германия)

Главное и маргинальное – о канонизации современной русской поэзии

Исходной точкой данного доклада является проект двуязычной антологии русских поэтов, родившихся в сороковые-пятидесятые годы XX века. Цель проекта состоит в том, чтобы предложить немецкой публике *репрезентативную* картину этого поколения русских поэтов.

Предусматривается при этом, что каждый поэт представлен семью стихотворениями, которые дают адекватное понятие о развитии его творчества, а также понятие о развитии поэтологических и идеологических направлений в русской поэзии последних пяти десятилетий.

После падения Берлинской стены, в условиях все большего сращения российского и западного капиталов и изменения соотношения сил на мировой арене в пользу таких стран, как, например, Китай, Индия или Бразилия, изменились и условия канонизации русско-советской литературы – как с „западной“, так и с „внутренней“, российской точек зрения. Ярким примером такого изменения может послужить творчество Солженицына: Во время холодной войны Солженицын был на Западе прославленным диссидентом, а в СССР – персоной нон грата, в 1990-е годы, однако, ситуация повернулась на 180 градусов: на Западе Солженицына стали все чаще упрекать в „почвенничестве“, в то время как официальная Россия (особенно после его возвращения на родину) начала видеть в нем образец новой русской идентичности.

Подобные тенденции характерны и для генерации русских поэтов, представленных в антологии. Это касается не только поэтов-эмигрантов (Иосифа Бродского, Эдуарда Лимонова), представителей московского концептуализма (Дмитрия Пригова, Льва Рубинштейна, Тимура Кибирова), и других поэтов, возможности публикации которых в советское время были ограничены (Елены Шварц, Виктора Кривулина, Бориса Гребенщикова, Александра Еременко, Сергея Бирюкова, Александра Горнона, Ивана Жданова, а также Ольги Седаковой), но и более или менее официальных поэтов (Игоря Тюленева, Юрия Кузнецова, Анатолия Парпары, а также Олеси Николаевой).

Так, например, религиозный символизм Николаевой в доперестроечное время воспринимался прежде всего под знаком сопротивления официальному партийному курсу. Это обстоятельство безусловно оказало влияние и на восприятие поэзии Николаевой на Западе (в 1990 году Николаева получила медаль города Гренобль, а в 1998 – стипендию фонда А. Тепфера). Однако со второй половины 1990-х годов в творчестве Николаевой начинают преобладать национально-религиозные настроения, характерные для тех политических сил, которые стремятся к объединению церковной и государственной власти. Поэтому не удивительно, что в последние годы интерес к поэте на Западе заметно ослабел.

Выдвигая на первый план идеологический взгляд на поэзию, мы все же подразумеваем, что именно художественность произведений играет ключевую роль в восприятии творчества того или иного автора. Тем не менее, художественность, являясь *необходимым* условием канонизации, остается в то же время условием *недостаточным*. При рассмотрении современной поэзии, которая за редким исключением не имеет коммерческого значения, особенно бросается в глаза, что в качестве кодифицирующего фактора выступает вопрос о том, в какой мере автор вписывается в существующие идеологические дискурсы.

Итак, при создании „репрезентативной“ антологии современной русской поэзии возникает ряд вопросов, как например:

Осуществляется ли канонизация литературы на основе одного (преобладающего) дискурса, представители которого могут быть признаны „главными“, а представители других дискурсов – „маргинальными“, или же канон является результатом синтеза множества дискурсов? Сопутствует ли политические изменения последних десятилетий изменению оценочной оппозиции „официальных-неофициальных“ авторов? Станут ли „маргинальные“ авторы – „главными“, и если да, то с какой точки зрения?

prof. dr. Robert Hodel (Universität Hamburg)

* * *

П.Г.Чистяков(Москва)

Дневники М.Ф. Саввина: традиционная культура и формирование атеистического мировоззрения

Дневники школьного учителя Михаила Федоровича Саввина (род. в 1899 году) представляют собой ценный исторический источник. Автор вед дневник на протяжении многих лет (с 1940-х по 1970-е годы) практически ежедневно, внося в него как различные бытовые подробности, так и свое восприятие мира: размышления о прочитанном в газетах, журналах, художественной и научно-популярной литературе, а также элементы собственных воспоминаний. Дневники позволяют составить полное представление о мировоззрении автора. В настоящее время часть дневников хранится в личном фонде М.Ф. Саввина в Центральном государственном архиве Московской области (ЦГАМО), а также в частных собраниях.

Дневники М.Ф. Саввина позволяют составить представление о формировании атеистического мировоззрения у носителей традиционной культуры. Автор, по собственному признанию, был верующим человеком вплоть до 17 лет, затем, поступив после революции 1917 года в педагогическое училище, под влиянием атеистической пропаганды стал атеистом. В дневниковых записях 1960-х годов он не просто заявляет о своем атеизме, но демонстрирует уверенность в том, что религия исчезнет в недалеком будущем после смерти последних верующих людей. При этом он демонстрирует не только хорошую осведомленность в религиозных вопросах, но и определенный интерес к религиозной жизни: живя в Загорске, он регулярно бывает в Лавре, интересуется количеством паломников и тематикой проповедей. В его сознании произошла своеобразная подмена: религия оказалась заменена советской идеологией. Рассуждая на страницах дневника о коммунистическом будущем, он демонстрирует уверенность в его скором наступлении, при этом совершенно теряя чувство реальности.

Петр Георгиевич Чистяков, к.и.н.,

доцент Учебно-научного центра изучения религий РГГУ (Москва)

* * *

Членова С.Ф.(Москва)

Дневник Н.А. Дмитриевой: к проблеме художественности эго-документа

Неопубликованные охватывающие около полувека дневниковые тексты Нины Александровны Дмитриевой (1917 – 2003) примечательны как эго-текст незаурядного автора, внутренне независимой творческой личности.

Даже среди самых видных универсальных учёных второй половины XX века, писавших об искусстве, Дмитриева выделялась особым характером своих работ: «В её работах отсутствовали внешние приметы академической учености – зашифрованный «птичий» язык для посвященных <...> оказалось, серьезная наука может быть живым словом всегда и во всем, она может, сохраняя глубину мысли, обладать обаянием художественной прозы, когда в каждом суждении чувствуется присутствие личности автора»^[34].

Дневник искусствоведа, которому было под силу написать собственную не имеющую аналога ни в отечественной, ни в мировой литературе «Краткую историю искусств», показывает его автора в личных отношениях с авторами произведений искусства и литературы, в непрерывном диалоге с художественным процессом. Дневник Дмитриевой, до некоторой степени, можно назвать творческой «кухней»: многие из её научных и художественных сочинений, осуществлённых и неосуществлённых, фиксируются на уровне идей, замыслов. Сопоставление записей для себя и параллельно на ту же тему опубликованных работ (например, дневниковое впечатление и журнальная рецензия по поводу первой у нас послереволюционной выставки Н.Рериха в 1958 году), с одной стороны, – прекрасный материал для анализа методологии создания образцового законченного текста. С другой стороны, выявляющиеся неизбежные приёмы адаптации личного варианта текста к его медийному варианту – конкретное свидетельство непростого существования гуманитарного автора в социальных рамках идеологической несвободы. Интересно, что текст о выставке Рериха, даже снабжённый парой проходных конъюнктурных клише, мог быть опубликован только в сопровождении специального примечания редакции журнала, отмежёвывающейся от взгляда на художника автора публикуемого текста^[35].

Степень идеологического «приспособленчества» Дмитриевой была, насколько возможно, минимальной^[36] – образ автора дневника свидетельствует, что можно даже в условиях очень тяжёлого давления сохранять достоинство и силу делать то, что нужно. По дневнику разбросано много иронических замечаний об абсурдности общественно политической жизни, о ситуации в культуре и конкретно в институтах, где она служила. Её ирония распространяется и на собственное положение: « В “Советской культуре” обо мне опять сегодня написали. Редактор Большов даже придумал термин для определения моей неправильной теории о детскости: “эстетический инфантилизм” Надо же!» (23 марта 1963). Вот ещё один пример её юмора: в перечне её замыслов есть и такой – «Подзаголовок: сомнительная, исторически абстрактная пьеса, показывающая жизнь в её реакционном возвращении на круги своя» (Нина Александровна была автором сценариев нескольких институтских капустников).

Помимо ценности дневника Дмитриевой как объекта искусствоведческих и исторических исследований, он притягателен также и своими художественными достоинствами. При том, что он представляет собой эго-документ, отвечающий всем формальным признакам «дневниковости»^[37], включая два самых существенных (‘не-вымысел’ и ‘совпадение автора с адресатом’), противопоставляющих дневник художественным произведениям, он, как художественное произведение, вызывает эстетическое чувство соучастия, включает в поле смысловой полифоничности. Дело здесь не только в том, что его автор постоянно существует в напряжённом пространстве мысли об универсальной культуре, но и в особенностях его подхода к описываемому — в «двойном освещении»^[38] объекта, будь то сам автор, или люди, события. Хотя дневник Дмитриевой предназначался исключительно для себя, то есть адресатом его является сам автор, но у этого автора есть способность быть как бы расщеплённым на «себя» и «другого». Об этой своей особенности Дмитриева говорит уж в ранних (1942) тетрадках дневников: «иногда

бывает так, что как будто наблюдаешь со стороны, и в то же чувствуешь за тех людей, за которыми наблюдаешь <...> так должен, в идеале, чувствовать себя писатель, когда пишет, – должен входить в каждого из своих героев». Литературный дар Дмитриевой был общепризнанным, да и сама она называла себя «литератором, пишущим об искусстве». Дневник Дмитриевой из «одной чернильницы», что и другие её тексты. Они написаны «универсальным автором, который умел написать и рецензию на выставку художника, и философскую статью на какую-нибудь внушительную тему <...> и писал всегда от себя, открытым текстом, то есть на бумагу шли те самые слова, которые рождались между мозгом и сердцем <...>, так, что читать хочется до сих пор»^[39]. И, может быть, случай Дмитриевой показывает, что «личность автора является смысло- и структурно образующей в эго-документе»^[40] и что при определении понятия «художественности» это важнее, чем связь с оппозицией 'fiction/non-fiction'

Членова Светлана Фёдоровна

н.с. НИВЦ МГУ, член Ассоциации искусствоведов

* * *

И.А. Шаронов(Москва)

Функции звукоподражательных слов в тексте

Традиционно звукоподражаниями называют неизменяемые слова, воспроизводящие звуки, которые издают животные, предметы, люди, а также некоторые природные явления. Это грамматически не оформленные слова, имеющие достаточно узкую область употребления. Некоторые из звукоподражаний накрепко связаны с их «хозяевами», или источником звучания, другие настроены на изображение самого звучания, его характеристики или оценки. Наконец, есть целый ряд случаев, когда звукоподражания не связаны со звуковыми явлениями, а передают что-то иное.

В докладе мы попытаемся уточнить и расширить представление о функциях, которые имеют звукоподражательные слова в тексте.

1. Первая и основная из функции звукоподражательных слов, это, безусловно, передача неязыковых звуков. Зададимся вопросом: а для чего автору вообще нужны такого рода слова? Чаще всего автор использует их для живописания своего рассказа, на секунду превращая

читателя в слушателя, и тем самым – в зрителя, очевидца события, которое описывается в этом месте рассказа. Типология звукоподражательных слов, служащих для передачи звуков, относительно широка. Выделим ее основные группы:

- Голоса некоторых типичных домашних животных и птиц. У одних животных для передачи их несколько звукоподражательных слов: *мяу-мяу и мурр (мур-мур-мур), гав-гав, тяф-тяф и ррр, ко-ко-ко и куд-кудах*, другие только по одному: *хрю-хрю, га-га-га, бее, мее, муу* и проч.

- Голоса некоторых диких животных и птиц: *кар-кар, ку-ку, ква-ква*, и т.п.;

- Звуки, издаваемые определенными артефактами: *дин-дон, тик-так, чух-чух* и т.п.;

К менее конвенциональным можно отнести слова, передающие звучание музыкальных инструментов. Адекватное восприятие таких слов требует контекстной поддержки:

Ля-ля! Ля-ля! "Пи-пи-пи-пи!" "Бам-бам!" — пели свирели и скрипки и бил барабан. [С. Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969-1981)]

- Звуки, которые можно условно назвать событийными. Они передают звук от удара, столкновения, резкого соприкосновения, выстрела, взрыва и т.д. Это слова типа *бац, бах, пых-пых, чпок, буль-буль, вжик*.

- Отдельную подгруппу составляют исполнение людьми мелодии или ритмического оформления танца: *Эх-эх труля-ля, оп, оп, оп* и др.

- Непроизвольные звуковые реакции человека (*брр, апчхи, тьфу* и т. п.).

Если такие звуки одновременно передают эмоциональное состояние человека, они обычно причисляются к эмоциональным междометиям.

- Небольшая группа передает звуки грудных детей: *гу-гу, уа-уа* и проч.

Несколько отдельно от перечисленных находится группа слов, которые передают звуки или шумы, не связанные с конкретными объектами. Они используются для передачи того или иного действия (обычно резкого, быстрого или неожиданного), сопряженного звуковыми эффектами: *Он по ним из револьвера бац, бац!; Она тарелкой бабах об пол; Он бутылку в руки, чпок – и уже разливает; Кораблик буль-буль. Он рубаночком вжик – и готово;* и т.д. В этом значении звукоподражательные слова смыкаются и часто рассматриваются вместе с так называемыми глагольными междометиями типа *прыг, юрк, цап-царап* и т.п., никак со звучанием не связанными.

2. Вторая функция звукоподражательных слов может быть определена как интерпретативная. Звукоподражательные слова передают здесь звучание, а скорее пародируют манеру речи и характеризуют речь как несерьезную или даже неправдивую.

- К первой подгруппе здесь следует отнести слова, передающие коммуникацию с маленькими детьми. Это разного рода пародии на «сюсюкающую» интонацию. Такие звукоподражания могут характеризовать и общение между мужчиной и женщиной. К ним относятся: *У-ти-тю-ти, муси-пуси (уси-пуси, пуси-буси)*.

- Следующая подгруппа передает речь или разговор на другом языке, но также указывает на пустой, несерьезный, неправдивый или не относящийся к делу разговор: *ля-ля-ля, бла-бла-бла, траля-ляля*.

3. Наконец, последняя функция звукоподражаний – передавать нечто иное, со звуком не связанное. Здесь мы выделим две основные группы, связанные с эмоциональным состоянием.

- Первая группа слов – это слова так называемого модального компонента предложения, вносящего значение неожиданности, внезапности, а также неподготовленности действия. Задача таких единиц – как бы испугать или удивить собеседника / читателя неожиданным громким звуком, чтобы тот мог испытать состояние, аналогичное состоянию рассказчика / персонажа. Ср.: *Тут – бах! – ревизия* (В. Шукшин. Калина красная). *И поднимаетесь к себе по лестнице домой, и в этот момент – бабах! – где зонтик?!* (Е. Гришковец. ОднорЕмЕнно).

- Вторая группа может служить для выражения эмоционального состояния субъекта или персонажа. Звукоподражание-междометие в тексте передает не собственно выкрик, а связанную с ним эмоциональную реакцию во внутренней речи персонажей. Сюда относятся единицы типа: *эге, ага, оп-па* и др.

Шаронов Игорь Алексеевич, д.филол.н.,

проф. кафедры русского языка Института лингвистики РГГУ

* * *

Е.Э.Шевченко(Санкт-Петербург)

Значение маргинальных записей в монастырских рукописных материалах для истории культуры средневековой Руси

В данной работе на конкретных примерах показано значение маргинальных, т. е. не связанных напрямую с предметом исследования, записей в памятниках письменности Древней Руси, а именно: какие заключения общего характера можно сделать для истории культуры России, извлекая из рукописных материалов мелкие биографические данные малоизвестных древнерусских книжников начала XVII в., таких как Герасим Новгородец, Дионисий Крюк и Трифон Гречанин. Возможно, эти книгописцы сами по себе не принадлежали к выдающимся представителям древнерусской культуры, однако установление некоторых фактов их биографий оказывается полезным и для уточнения как биографических данных государственных деятелей, так и событий, имеющих существенное значение для истории средневековой Руси.

Так, изучение книжной деятельности кирилло-белозерского инокa Герасима Новгородца позволяет добавить некоторые штрихи к биографии патриарха Никона. Как известно, с именем Никона связана церковная реформа Московского государства XVII в., следствием которой стало движение старообрядцев; другим следствием этой же реформы было развитие такого важного для культуры России нового явления, как стихосложение в среде монашества. Патриарх Никон в последние годы своей жизни находился в ссылке в монастырях Белозерского региона: сначала Ферапонтовом, затем Кирилло-Белозерском. Именно с этого времени здесь наступает расцвет в области составления рифмованных произведений. Поэтому существенными являются любые факты, характеризующие жизнь опального патриарха в этот период.

Сведения о клирошанине Дионисии Крюке, путешествующем по севернорусским монастырям, дают возможность установить дату основания Соловецкого Анзерского скита, с которым исследователи связывают возрождение и распространение скитничества в России – особой формы организации жизни монахов, принципиально отличающейся от общежительного устройства.

Материалы для биографии кирилло-белозерского монаха греческого происхождения Трифона Гречанина уточняют круг знакомств греческого архиепископа Арсения Элассонского, волею судеб оказавшегося в самой гуще политических событий России начала XVII в. Как известно, многие греки стремились найти помощь и утешение на Руси, которая с 1453 г. после завоевания Константинополя турками стала главной представительницей и защитницей православия. Некоторых из эмигрантов притягивали Белозерские земли. Арсений Элассонский прибыл на Русь в 1588 г. в свите патриарха Иеремиии II, целью приезда которого было испросить милостыню на строительство патриаршего собора в Константинополе и учредить патриаршество в России. В 1589 г. Арсений участвовал в рукоположении митрополита Иова в Патриарха Московского, в 1596 г. по повелению царя Федора Ивановича и патриарха он был назначен архиепископом Московского Архангельского собора, и с этого момента архиепископ стал принимать активное участие в событиях российской истории: в 1605 г. участвовал в низложении патриарха Иова, во время коронации Лжедмитрия I увенчал главу самозванца шапкой Мономаха, в 1606 г. — возводил на русский престол Василия Шуйского, в 1613 г. принимал участие в избрании царем Михаила Федоровича. Перу Арсения Элассонского принадлежит поэма на греческом языке об установлении патриаршества на Руси, а также мемуары, осветившие не только современные ему исторические факты, но и события русской истории в целом. Поэтому любая информация, способствующая уточнению биографии высокопоставленного грека, весьма важна и для истории культуры Древней Руси.

Сведения о вышеупомянутых книжниках извлечены из самых разнохарактерных объемных письменных источников, на первый взгляд, не имеющих отношение к теме. Другими словами, цель сообщения – еще раз показать, как, казалось бы, незначительные частные факты биографий некоторых малоизвестных и неизвестных вовсе древнерусских книгописцев, собранные по крупицам из разнообразных документов – своего рода «микроисследование» источников – позволяют существенно уточнять как датировки событий, так и биографии некоторых лиц, игравших важную роль в историческом процессе средневекового Московского государства.

Шевченко Елена Эриковна

канд. филол. н., РНБ, Санкт-Петербург

Мыслеобраз границы: социокультурные проекции

1. Граница: одновременно понятие и образ. Необходимость сочетания интеллектуально-дискурсивной и эмоционально-образной познавательных стратегий при исследовании феномена границы.

2. Общие контуры смыслового поля термина «граница». Максимально широкое его понимание в традиции отечественной гуманитарной мысли (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, В.Б. Земсков, Э.В. Сайко и др.). Граница как процесс перехода. Первоначальная граница в культуре – между полюсами дуальной (бинарной) оппозиции (А.С. Ахиезер).

3. Соотношение понятий «граница» и «пограничность». Цивилизации «классического» и «пограничного» типов: критерии различения. Специфика раскрытия понятия «граница» применительно к «пограничным» цивилизационным системам: когда мы говорим о *цивилизациях* «пограничного» типа, речь идет отнюдь не о всякой границе; имеется в виду особая ее разновидность. В данном случае граница, не переставая играть роль перехода от одного типа (стадии, полюса) бытия к другому, получает новый модус существования, который приобретает определяющее значение: она сама становится *бытием особого рода*, воплощенным в специфической разновидности социокультурной системности.

4. Различные степени зрелости социокультурного качества «пограничности». «Пограничные» цивилизации и «пограничные» ситуации: критерии различения.

5. Россия как цивилизация «пограничного» типа являет собой «воплощенное беспокойство границы» (Гегель) основных потоков мирового цивилизационного процесса, условно обозначаемых терминами «Восток» и «Запад», предстает как особый человеческий мир, «Восток-Запад» (по Н.А. Бердяеву).

6. Главная особенность России, выделяющая ее в общих рамках «пограничного» цивилизационного типа: планетарный масштаб, который обуславливает и особое социокультурное качество. Последнее проявляется в наличии следующих структурных параметров: особая значимость природного фактора в цивилизационной системе, относительно слабая способность к формообразованию инновационного типа, противостояние Логоса как формо- и смыслообразующего принципа социальному и природному бытию как стихии алогона, характер социальной и культурной действительности как пограничья между цивилизацией и варварством, преобладание пространства над временем в рамках пространственно-временного континуума культуры, постоянный переход через грань меры как способ бытия человека и общества.

Шемякин Я.Г. – д.и.н.,

зав. Отделом научных энциклопедических изданий ИЛА РАН

* * *

О.Д. Шемякина(Москва)

Традиционная культура и рационалистический дискурс – границы понимания «другого» в дневниках участников археографических экспедиций в Верхокамье 1999-2000гг.

Хронологический выбор продиктован исключительно ориентацией на максимальный объем нарратива, что позволяет рассматривать полевые дневники как эготекст. Дневники участников этих лет максимально соответствуют этой характеристике.

- Потребность выражения себя в слове в «культуре слова» и «культуре молчания» (В. Шубарт). Многословность и громкость нормирующей культуры города и скупость на слова и потребность в тишине человека традиционной культуры.

«Битва» за право молчания с чужаком-горожанином в ситуации вынужденного контакта в ходе полевой практики.

- Количественная мера успешности человека мира науки, представленная «табелью о рангах», мерой «гениальности» (Ю.С. Степанов) и стремление к индивидуализации меры, к эгалитаризму (идея равенства во Христе), понятию благодати Божией как неделимого духовного дара, сомнение в собственной значимости и собственных силах выстраивания успеха человека традиционной культуры.

Тенденция схорониться от навязывания самопрезентации в ответах на вопросник, затрагивающий тему достижения.

- Граница это не только то, что разделяет, не только межа но и средостенье – центр развертывания процессов взаимодействия, сближения горизонтов, замыкание в общую культурную ситуацию исследователя и исследуемого.

- В условиях слабой институционализации, являющейся общецивилизационной характеристикой социальных процессов во всех слоях общества (и «русских гностиков», и «непросветленных») норму или ее отсутствие человек обретает в судьбах другого. В разговорах о жизни происходила частичная потеря дистанцированности авторов дневников от изучаемого объекта, появлялась, в частности, констатация очевидности магической реальности, реабилитации магических практик как способов обратного воздействия человека на природу.

- Сближение горизонтов человека городской культуры и традиционной способствовала традиция сохранения в научном дискурсе искусства медленного чтения (М.О. Гершензон) с возвращением к одному и тому же отрывку, длительным переживанием одного и того же отрывка (Е.Б. Рашковский).

Личное собеседование со священным текстом человека традиционной культуры и поиск истины и смысла бытия в религиозных и философских текстах учащегося юношества замыкало их в общую культурную ситуацию личного погружения в текст. Каждый искал свои потопленные Атлантиды и свое Беловодье. Именно эта общность поиска создавала поле для понимания – тексты дневников участников экспедиций содержат информацию, которая всегда шире работы по стандартному вопроснику.

Шемякина О.Д. – к.и.н.,

сотрудник Археографической лаборатории Истфака МГУ

* * *

А.Д.Шмелев(Москва)

Лингвистические мотивы в творчестве Солженицына

В докладе не будут рассматриваться воззрения Александра Солженицына на язык, эксплицитно высказанные в статьях и заметках. Речь пойдет о лингвистических мотивах, которые буквально пронизывают художественное творчество Солженицына, отражаясь то в одном, то в другом произведении. Особенно важную роль они играют для построения текста романа «В круге первом». Описание зарождения криминалистической фоноскопии потребовало комментариев, безусловно корректных с точки зрения фонетической науки; стремление Сологдина к «языку предельной ясности» представляет собою стихийный лингвистический эксперимент на тему синонимического перефразирования. Знаменитая статья Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» дана в романе в процессе ее написания, причем текст, который сочиняет Сталин, незначительно отличается от реального текста статьи, опубликованного в газете «Правда» и затем многократно растиражированного. Мысли Сталина при написании статьи и выбранные для цитирования в романе отрывки эхом отражаются в целом ряде эпизодов и сюжетных ходов романа (интерес Рубина к лингвистической проблематике и его упражнения в духе марровского «нового учения о языке», спор Рубина и Сологдина о диалектике, лекция о диалектическом материализме и др.).

Словарь Даля упоминается в «Круге» в споре Рубина и Нержина об этимологии слова *счастье*; спор о счастье перерастает в размышления о счастье разных персонажей

«Ракового корпуса» (Аси, Костоглотова, Шулубина) и ряда других произведений; при этом «далевский» мотив незримо проступает через эти размышления.

В некоторых случаях для понимания произведения ключевую роль играет семантический ореол слова, совокупность его системных связей в языке. Так, восходящее к индоевропейским временам соположение *мира* и *воли* (В.Н. Топоров) трансформировалось в русской литературе в формулы *покой и воля / вольность и покой* (служащие заменой *счастью*) и *покой и простор*. Примечательно также, что *простор* используется в словаре Даля в толковании слова *свобода* («Своя воля, простор, возможность действовать по-своему...») и повторяется в соответствующей словарной статье еще несколько раз. Сходным образом используется слово *простор* и в романе «В круге первом» (название главы «На просторе», повторенное дважды нержинское восклицание *оставьте мне простору!*); в то же время появляются штрихи, свидетельствующие об обманчивости «простора» *просторных* помещений (*просторный* кабинет Абакумова и др.). *Просторы* и *просторные* помещения возникают на протяжении всего романа постоянно, когда обсуждается темы свободы и несвободы. При решении темы *свободы* оказывается, что она почти несовместима ни с *волей*, ни с *покоем*. Обнаруживается, что *на воле* подлинной (внутренней) свободы быть не может (мотив, повторяющийся в «Круге» неоднократно), нет ее и на привилегированной «шарашке» с ее *просторными* залами и вестибюлями (*Неужели и в тюрьме нет человеку свободы?* – недоумевает Пряничков) и лишь есть надежда обрести ее в каторжном лагере, где будет совсем нечего терять. Здесь обращает на себя внимание скрытая переключка с «Мастером и Маргаритой» (с эксплицитной отсылки к которому, как мы помним, начинается роман): Нержин, в отличие от Мастера, отвергает *покой*, предпочитая *свободу*.

Отдельного внимания заслуживает использование Солженицыным слов с корнем *мир*: *примирение*, *непримиримость*, *смириться*, *смирение* (последние два слова связались с корнем *мир* в результате «народной этимологии», но для современного языкового сознания эта связь актуальна). В зависимости от контекста в разных произведениях каждое из этих слов используется автором то с положительной, то с отрицательной окраской, в совокупности давая объемный взгляд на этическую сторону дела.

Весьма характерно для творчества Солженицына стремление употреблять слово в соответствии с его исходным, «истинным» значением, если оно было искажено в интересах пропаганды или вследствие межкультурного непонимания (*гонор* в киносценарии «Знают истину танки», *космополит* в «Круге»).

Все названные (и многие другие) мотивы, в разной мере характерные для различных произведений Солженицына, сохранили свою значимость и для эпопеи «Красное колесо».

Шмелев Алексей Дмитриевич

доктор филологических наук, профессор МПГУ

* * *

"Ложные воспоминания о Сталине: правдивость, политика, фольклор, либретто"

Мемуарных текстов о Сталине существует огромное количество, по большей части они не изданы, солидная их коллекция хранится в фонде Сталина в РГАСПИ (ф. 558). Многие из них весьма мало похожи на то, что мы обычно считаем мемуарным текстом. "Воспоминания о встрече со Сталиным" мог написать, например, какой-нибудь ударник труда, присутствовавший на торжественном вечере в Большом театре и видевший Сталина на сцене в президиуме.

Меня интересовал корпус мемуаров, описывающих молодого Сталина, верхним хронологическим пределом был 1917 год. Понятно, что созданные в период культа личности воспоминания о вожде преувеличивали его руководящую роль в революционном движении, умалчивали о тех его соратниках, которые впоследствии "оказались врагами народа". Однако анализ большой выборки мемуарных текстов показал также и нетривиальные их особенности. Не одни политические мотивы двигали мемуаристами. Простые рабочие, рядовые большевики, которые когда-то встречались с молодым Сосо Джугашвили (или уверяли, что встречались) простодушно радовались возможности похвастаться знакомством с великим человеком. Видимо, именно это чувство заставляло их иногда пускаться в безудержное фантазирование. Иногда преувеличения в рассказах старых большевиков поражают явной нелепостью и бессмысленностью. Так, сравнение двух изданных в разное время мемуарных текстов С.Я. Аллилуева показывает, что автор приписал себе два-три лишних года знакомства с Иосифом Джугашвили на заре 20 века. В статье, опубликованной в 1937 г., Аллилуев относил знакомство с Кобой к началу 1904 г., причем прямо указал, что до того с ним не встречался^[41]; но в книге мемуаров, изданной в 1946 г. (через год после смерти автора) излагал события так, будто знакомство состоялось уже в самом начале 1900-х гг.^[42] Если в случае Аллилуева эта ложь была лишена корысти, то другие мемуаристы рассчитывали на какие-то вполне практические выгоды, приписав себе не только знакомство с Кобой, но и помощь ему при побегах из ссылки и т.п.

Культ Сталина был весьма сложным психологическим явлением. Жительница Сольвычегодска, где Сталин отбывал очередную ссылку, свой рассказ о нем сопровождала примечанием, что товарищ Сталин помнит старых знакомых: "Сольвычегодским городским советом был наш дом муниципализирован. Мой муж писал Иосифу Виссарионовичу, и в кратчайший срок дом возвратили с извинениями. Дочь моя не могла два года поступить в мед. институт, обращалась к тов. Сталину и сейчас же была зачислена в число студентов. [...] Я твердо уверена в том, что если мне где встретится затруднение, всегда мне поможет тов. Сталин"^[43]. Маловероятно, что сам вождь всякий раз вмешивался и решал проблемы семьи старых знакомых. Скорее, местные власти, узнав об обращении к Сталину, пугались и спешили на всякий случай исправить дело. А для самой рассказчицы Сталин сделался чем-то вроде святого угодника, существа сверхъестественного порядка, внемлющего просьбам о заступничестве.

Особый интерес представляют случаи, когда рассказы о Сталине выходят за границы жанра воспоминаний. Получается сложный и причудливый, но не лишенный внутренней логики конгломерат, содержащий в разных (варьирующихся от текста к тексту) пропорциях элементы мемуаристики, агитационно-пропагандистских текстов (мемуарный рассказ в журналистской

обработке для газетной публикации); вымышленных историй, мимикрирующих под мемуарные и лишенных признаков художественной литературы; наконец, текстов, переходящих в чисто литературные и фольклорные. Причем нельзя забывать и об обратном влиянии официальных пропагандистских произведений на псевдо-мемуарные.

Эдельман Ольга Валериановна, к.и.н.,

ведущий специалист Государственного архива РФ

* * *

Любовь Юргенсон(Париж)

Сталинский террор в дневниковых записях лагерного охранника

Среди документов о Гулаге дневник Чистякова представляется явлением уникальным: перед нами одно из редчайших свидетельств, принадлежащее перу не заключенного, а охранника, к тому же написанное им во время службы в лагере.

В октябре 1935 Чистяков был призван в войска НКВД, чтобы командовать взводом стрелков ВОХР на строительстве Байкало-Амурской магистрали. Там он прослужил по крайней мере до 17ого октября 1936 года – на этой дате дневник обрывается, вероятно в связи с арестом его автора. Обстоятельства ареста, предъявленная ему статья уголовного кодекса, приговор – неизвестны, мы знаем лишь, что Чистяков погиб на фронте в 1941ом году – либо уже по освобождении, либо находясь в штрафном батальоне.

Ежедневные (за редкими исключениями) записи позволяют проследить постепенное вкрапление в сознание рядового советского человека элементов протеста, неприятия, если не советского строя как такового, то пенитенциарной системы, по отношению к которой он ощущает себя жертвой, притом, что является в первую очередь одним из тех, через кого она себя реализует. Сам Чистяков воспринимает эту происходящую с ним под влиянием обстоятельств метаморфозу как превращение лояльного гражданина в "потенциального преступника". А следовательно приходит к мысли о неизбежности наказания. Грядущий арест парадоксальным образом интерпретируется им неоднозначно: в определенном смысле автор ждет от него облегчения. Арест рисуется ему единственной альтернативой самубийству. Ему представляется, что, в отличие от охранников, поступивших в распоряжение НКВД на неопределенное время, отбывший свой срок заключенный обретает свободу (сам он рассчитывает вернуться в Москву). Это говорит о непонимании им сущности системы и о потребности в определенной степени согласовывать нарратив своей жизни

с официальной мифологией, в частности подчинить его господствующему мифу об очищении трудом. Создается впечатление, что наказание за что-то, являющееся преступлением в глазах государства, избавит его от абсурдного положения «без вины виноватого».

В ходе написания дневника как бы выстраивается судьба Чистякова. Дневник позволяет ему обрести некое личное пространство в условиях террора, где стираются грани между "своим" и навязанным извне, и в то же время с каждой строчкой усиливается его ощущение собственной маргинальности равно как и ощущение обиженности судьбой.

Амбивалентность его восприятия происходящего и двойственность самой ситуации отражены в языке дневника. Чистяков с одной стороны изъясняется советским новоязом, очевидно неотторжимым для него от его представлений о культуре, с другой стороны все чаще для описания своих чувств и мыслей прибегает к образам русского классического наследия и народной традиции.

Литературные и языковые стратегии, используемые Чистяковым для наблюдения над самим собой и бытоописания Гулага, открывают обширное поле для исследования микро-исторических процессов и повседневности в эпоху сталинских репрессий. Данный доклад – попытка интерпретации опыта Чистякова при помощи литературоведческого инструментария как нарратива, рассказа о самом себе в рамках бытующей мифологии, попытка, предполагающая анализ этого инструментария с точки зрения его релевантности для осмысления исторических реалий.

Любовь Юргенсон

доцент кафедры славистики Сорбонны

* * *

Ирина Яковлева (Ульяновск)

«Письма из ларца», приписываемые Марии Стюарт: конструкционный подход

Данное исследование посвящено оценке с позиций конструкционного анализа подлинности так называемых «писем из ларца», приписываемых Марии Стюарт, обнародование которых способствовало ее вынужденному отречению от шотландского престола. Оригиналы писем исчезли, поэтому об их подлинности или поддельности можно судить только по сохранившимся спискам, которые неоднократно оценивались с различных точек зрения: исторической, психологической и т. д. С позиции лингвистики проанализировать «письма из ларца» с помощью традиционных методов статистики не представляется возможным из-за их сравнительно небольшого объема. А вот метод грамматического анализа с успехом может быть применен и к текстам малого объема, как показал А. Зализняк в работе, посвященной «Слову о полку Игореве».

Наше исследование «писем из ларца» связано с проблемой вариативности, необходимость изучения которой отмечали Дж. Лейно и Я.-О. Остман в работе «Конструкции и вариативность», связывая задачу грамматики конструкций с «рассмотрением всех структур языка независимо от того, являются ли они базовыми или периферийными конструктами» [Leino, Östman 2005: 192]. Индивидуальные особенности в употреблении тех или иных грамматических структур подчеркнул также А. Бергс в работе, посвященной морфосинтаксической вариативности в письмах семейства Пастонов [Bergs 2005].

В изучении подлинности «писем из ларца» участвовало два корпуса текстов. Первый корпус включал четыре из восьми «писем из ларца», приписываемых 24-летней Марии Стюарт. Эти четыре письма сохранились в оригинальном французском варианте. Тексты писем взяты из [MacRobert 2002].

Второй корпус состоял из 30 писем Марии Стюарт, написанных в возрасте от 18 до 26 лет, тексты которых были взяты из 7-томного издания А. Лабанова [Labanoff 1844].

Тексты сопоставлялись по пяти параметрам: 1) согласование подлежащего и сказуемого; 2) коинстанциация в структурах контроля над дополнением, выраженным причастным оборотом; 3) тета-критерий (принцип единственности роли); 4) конструкции с отрицанием; 5) конструкции с союзами *que/qui*. В результате исследования были отмечены следующие особенности «писем из ларца», несвойственные письмам Марии Стюарт.

1. Согласование подлежащего и сказуемого:

1.1.употребление подлежащего с предлогом *de* (письмо III, с. 180);

1.2.подлежащее и сказуемое не согласуются в лице и числе (письмо VI, с. 187);

1.3.сказуемое согласуется не с подлежащим, а с дополнением, которое стоит непосредственно перед сказуемым (письмо VI, с. 188);

1.4.отсутствие сказуемого в форме личного глагола (письмо IV, с. 182).

2. Коинстанциация в структурах контроля над дополнением, выраженным причастным оборотом:

2.1.несовпадение имплицитного подлежащего причастного оборота с подлежащим предложения, употребление после причастного оборота союза *que* (письмо VI, с. 187);

2.2.Наличие у причастного оборота эксплицитного подлежащего, которое не совпадает с подлежащим предложения (письмо III, с. 179; письмо III, с. 180);

2.3.причастие настоящее употребляется при подлежащем в функции сказуемого, при этом отсутствует глагол, от которого зависел бы причастный оборот (письмо III, с. 180).

При этом в текстах самой Марии Стюарт причастные обороты употребляются сравнительно редко, при этом имплицитное подлежащее всегда соответствует подлежащему главного предложения.

3. Тета-критерий.

В письмах III, V, VI имеются случаи нарушения принципа единственности роли, где наряду с существительным употреблено замещающее его местоимение.

4. Конструкции с отрицанием.

В целом отрицательные конструкции встречаются в «письмах из ларца» значительно чаще, чем в письмах Марии Стюарт, однако, как уже упоминалось выше, количественный признак не может быть решающим в оценке подлинности «писем из ларца» в виду их малого объема. Более важным представляется то, что в «письмах из ларца» присутствуют следующие структуры, не встречающиеся в текстах Марии Стюарт:

4.1. отсутствие первого *ni* в конструкции *ni...ni...ne+V* или замена его на *ou* (письмо III, с. 180; письмо IV, с. 181; письмо V, с. 185);

4.2. употребление конструкции *ne faire que* в отрицательном значении (письмо IV, с. 181);

4.3. конструкция *V₁...ni+V₂*, в которой отрицательное значение имеет не *V₁*, а *V₂* (письмо V, с. 185);

4.4. конструкция *ou+V...ni+V* в положительном значении (письмо III, с. 180);

4.5. конструкция *ne+ V₁... V₂+ou+ V₃*, в которой глаголы *V₂* and *V₃* употреблены в отрицательном значении (письмо V, с. 180).

5. Конструкции с союзами *que/qui*.

Переходя к вопросу об употреблении конструкций с союзами *que/qui*, нужно отметить высокую частотность в «письмах из ларца» таких усилительных конструкций, как *tant ... que; tell N que; seul N que*; однако, как уже упоминалось выше, этот показатель не является решающим. В «письмах из ларца» встречаются следующие структуры, отсутствующие в текстах Марии Стюарт:

5.1. в конструкции *tell...qui +S+Pred* союзное слово *qui* употреблено в функции дополнения для обозначения неодушевленного референта (письмо III, с. 179);

5.2. уже упоминавшийся выше вопрос об употреблении союза *que* после причастного оборота (письмо III, с. 180; письмо VI, с. 187);

5.3. наличие разрывов в конструкции с элементом *se que: tous ... se que* (письмо VI, с. 187);

5.4. при общей высокой частотности структур с союзами в «письмах из ларца» имеются фразы с отсутствием союзов и соответственно связи между простыми предложениями в составе сложного (письмо VI, с. 187).

Таким образом, хотя мы не можем бесспорно судить о подлинности или поддельности «писем из ларца» при отсутствии оригиналов и невозможности сделать почерковедческую экспертизу, бесспорным является то, что «письма из ларца» содержат целый ряд грамматических особенностей, переходящих из одного письма в другое и имеющих довольно высокую плотность для текстов столь малого объема, но при этом не встречающихся в подлинных письмах Марии Стюарт, общий объем которых значительно превышает объем «писем из ларца».

Литература

1. Bergs, Alexander (2005). Social Networks and Historical Sociolinguistics: Studies in Morphosyntactic Variation in the Paston Letters (1421-1503). Berlin/New York: Mouton de Gruyter.

2. Leino, Jaakko, Östman, Jan-Ola (2005). Constructions and variability. In M. Fried, J.-O. Östman (Eds.), *Grammatical Constructions: back to the roots* (pp. 191-213). Amsterdam/Philadelphia, PA: Benjamins.
3. Labanoff, A., ed. (1844). *Lettres, instructions et memoires de Marie Stuart*. Paris.
4. MacRobert, A. E. (2002). *Mary, Queen of Scots and the Casket Letters*. London/New York: Tauris.
5. Зализняк, А. А. (2004). «Слово о Полку Игореве»: взгляд лингвиста. М.: Языки славянской культуры.

Яковлева И. В.

Ульяновский государственный университет

[1] Кузмин Михаил. Дневник 1905-1907. СПб, 2000. С.39. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

[2] Богомолов Н.А., Мальмстад Джон Э. Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. М.,1996. С.51-65.

[3] Эткинд А. Хлыст. М.,1998. С.303.

[4] Богомолов Н.А., Мальмстад Джон Э. Ук. соч.С. 62.

[5] Там же. С. 64-65

[6] Михаил Кузмин. Крылья.// Проза и эссеистика в 3–х тт. Т.1. Проза 1906-1912 гг.. М.,1999. С. 107. В этой повести приобщение героя к новым ощущениям происходит в том числе и через старообрядцев. Комментаторы не верно идентифицируют личность еп. Иннокентия, называя его одним из иерархов синодальной церкви.

[7] Беляков А.В. Чингисиды в России XV-XVII веков: просопографическое исследование. – Рязань, 2011.

[8] Кант И. Собр.соч. в 6 томах. Т.3, С.722 – 756.

[9] Р.Конквест. Большой террор. кн.2 - Рига: "Ракстниекс", 1991. с.94-95.

[10] Цифрами в скобках обозначен условный номер рецепта на ткани.

[11] Конечно, граница между двумя этими типами условна. Может быть, тут все дело в осознании своих отношений с языком: один берет из него, не задумываясь, что хочет, часто занимается неосознанным плагиатом, по ходу дела перевирает половину украденных выражений. Не уважает законы языка, в общем. Другой - законопослушный - понимает, что берет чужое: берет, благодарит, копирует, где необходимо, а где можно - творит, пользуясь общественными (то бишь самыми тривиальными) языковыми благами, но аккуратно обходя стороной личную собственность (а уж если чью возьмет - сошлетя). Третий для себя усвоил: чем мельче языковая единица - тем безусловнее она принадлежит всему языковому коллективу. И уж если хочешь создавать что-то свое - ищи такие комбинации, которых не создавал никто, придумывай свои законы. Кому удастся придумать удачные законы (Олеша когда-то сказал о метафоре, что она должна быть новой, но понятной: чтобы читатель вроде бы и сам мог такую придумать, но опоздал) - входит в язык как оригинальный писатель. Иногда он кажется читателям гениальным-почти-безумцем (Хлебников, Платонов), иногда - чересчур большим оригиналом (Северянин, Солженицын, пожалуй, Салтыков-Щедрин). А вот когда оригинальность находится на грани привычного, вроде бы родного, знакомого - получается такая дивная вещь, что остается только восхищенно мотать головой. Для меня таковы Пушкин и Гоголь, к примеру. Более того скажу: есть еще постмодернисты, которые так болезненно осознают вторичность каждого нашего слова, что начинают бравировать цитатами: нарочито лепят одну цитату на другую, устраивают интертекстуальные шарады. Но это заметнее всего в литературе. В языке это выражается в избытке клише всех видов: любовь к идиомам, соблюдение коллокационных требований, строгие цитаты. Выглядит сие обычно весьма пародийно.

[12] Сам текст 1960-х-70-х гг., посвящен жизни принадлежавшей к духовному сословию семьи (Рязанская губерния, вт. пол. XIX – нач. XX вв.). Довольно многие подробности наверняка интересны для историка, особенно изучающего быт (особенно детально описана жизнь Скопина и Рязанская духовная семинария), но о конкретном содержании воспоминаний я сейчас говорить не буду.

[13] Доклад подготовлен в рамках проекта «Создание Интернет-ресурса "Малые языки Сибири: наше культурное наследие" (на материале языков бассейна Среднего Енисея и Среднего и Верхнего Таза)», грант 12-04-12049в.

- [14] О Г.Н. Прокофьеве, его архиве и его дневниках см. [Гаген-Торн 1992; Казакевич 2008; 2010а; 2010б].
- [15] Обзор этимологических гипотез см. М.Фасмер. Этимологический II: 286-287
- [16] См. А.А.Алексеев. Текстология Славянской библии. СПб., 1999. С. 183-184
- [17] В.Л.Янин, А.А.Зализняк, А.А.Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте. Том XI. Из раскопок 1997-2000. С. 57-58
- [18] Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника. Л., 1981. С. 91
- [19] Библиотека Михаила Никитича Муравьева (1757-1807) и его сына, Никиты Муравьева (1795-1843) хранится в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ с 1844 г.
- [20] Вильдбрехт, Александр Михайлович (1757-1823). Российской атлас из сорока трех карт состоящий и на сорок одну губернию Империю разделяющий. – [СПб.] : издан при Географическом департаменте, 1800. – [4] с.; 43 л.карт.; 2^о (52 см).
- [21] Как было отмечено в единственной статье на эту тему – Давыдова 2010.
- [22] Помечаю знаком # переход на новую строку в рукописи.
- [23] В скобках перед цитатой цифрами – часть и глава романа. Здесь и далее указание страниц – где это возможно – согласно авторской нумерации рукописи романа (там, где она им менялась, последний, исправленный вариант), рукописный текст воспроизводится в квадратных скобках, с возможным повторением всей имеющейся в нем правки. Выделения в тексте подчеркиванием, мои – М.М.
- [24] Описание фонда Салиас де-Турнемир (544 единицы хранения) см.: Герцен, Огарев и их окружение. Рукописи, переписка, документы // Бюллетени Государственного литературного музея. № 5. М.: ГЛМ, 1940.
- [25] Престол в православном храме – стол, находящийся в середине алтаря, освященный архиереем для совершения на нем Евхаристии.
- [26] *Eliade M. Jurnal. București, 1993, I-II* (переиздание: *Eliade M. Jurnal. București: Humanitas, 2004, I – II.*)
- [27] На русском языке *Дневник* Элиаде не публиковался. Фрагменты текста даются в переводе автора статьи
- [28] Об этом: *Строганова Е. Н.* По поводу неудобного псевдонима: Надежда Хвощинская, она же В. Крестовский // Долг и любовь: Сб. филологических работ в честь 65-летия профессора М. В. Михайловой. Статьи. Рецензии. Эссе. Публикации. – М.: Кругъ, 2011. С. 173–182.
- [29] *Я. <Языков Д. Д.>*. Н. Д. Хвощинская – В. Крестовский–псевдоним (Библиографический очерк) // Русская мысль. 1890. Июль. С. 191.
- [30] Отдельное издание избранных писем: «Я живу от почты до почты...»: Из переписки Надежды Дмитриевны Хвощинской / Сост. Арья Розенхольм и Хильде Хогенбом. Fichtenwalde: Gopfert, 2001.
- [31] Благодарю профессора Арья Розенхольм за разрешение воспользоваться имеющимися в ее распоряжении копиями писем Н. Д. Хвощинской.
- [32] «Я живу от почты до почты...» С. 136.
- [33] Г.А. Шенгели (1894, Темрюк (ныне Краснодарского края) – 1956 Москва) – русский поэт, переводчик, критик, филолог-стиховед. Начиная как поэт, опубликовал целый ряд поэтических сборников («Розы с кладбища», 1914; «Гонг», 1916; «Раковина», 1922 и др.). С середины 1920-х гг. занимался активной переводческой и организаторской деятельностью (в 1930-е гг. заведовал переводами «литературы народов СССР» в Госиздате), перевёл на русский язык почти всего Байрона, многих немецких и французских классиков. Наиболее известны его теоретические работы по стиховедению («Трактат о русском стихе», 1921, 2 изд. 1923 и изданная посмертно «Техника стиха», 1960), сыгравшие важную роль в изучении русского стиха (в частности, Шенгели, вслед за Брюсовым, один из первых обратил внимание на дольник в русской поэзии).
- [34] Батракова С. П. в кн: Н.А.Дмитриева «В поисках гармонии. Искусствоведческие работы разных лет». М. «Прогресс-Традиция», 2009. С.7. (Видимо, это можно рассматривать как характеристику авторского дискурса Дмитриевой... – С. Ч)
- [35] Дмитриева Н.А. «Выставка произведений Н.К. Рериха» // «Искусство» № 58, 1958. С.31-36
- [36] Дмитрий Сарабьянов: «В течение более полувека ее работа воспринималась искусствоведческой и художественной общественностью как эталон честности, неподкупности, бескомпромиссности суждений, безупречного вкуса, остроты и красоты мысли, талантливости истолкования художественных явлений, как выражение неповторимого литературного дара». Памяти Нины Дмитриевой // Время новостей, 25.02.2003
- [37] Михеев Михаил. Дневник как эго-текст (Россия, XIX –XX). М. 2007. С.6 – 7
- [38] Дмитриева Н. А. «Послание Чехова»//М. «Прогресс-Традиция», 2007. С.29
- [39] Якимович Александр. Н.А.Дмитриева «В поисках гармонии. Искусствоведческие работы разных лет»// Собрание №1, 2010

- ^[40] Луцевич Л.Ф. Маргинальность, эго-документ, личность // Международная конференция «Маргиналии 2008: периферия культуры и границы текста». Юрьев-Польский, 3 — 5 октября 2008. С.85
- ^[41] С. Аллилуев. Встречи с товарищем Сталиным. // Пролетарская революция. 1937. № 8. С. 154.
- ^[42] С. Аллилуев. Пройденный путь. М., 1946.
- ^[43] РГАСПИ.Ф. 558. Оп. 4. Д. 647. Л. 209-210.